

10

СТРАНА И МИР

• das land und die welt • our country and the world • le pays et le monde • el pais y el mundo •

- СЕРИЯ НЕОЖИДАННЫХ ОСВОБОЖДЕНИЙ
- БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ КАК УГОЛОВНО НАКАЗУЕМОЕ ДЕЯНИЕ
- ПЕРЕСТРОЙКА ИЛИ РЕВОЛЮЦИЯ
- ЖИЗНЬ И ЖИТИЕ ВЛАДИМИРА ВЫСОЦКОГО

ЧТО ПРОИЗОШЛО В ЧЕРНОБЫЛЕ

- ЗАМЕТКИ ХОРОШО ИНФОРМИРОВАННОГО ОПТИМИСТА
- НАШ СОВРЕМЕННИК ХОДАСЕВИЧ
- ИНТЕРВЬЮ С СУДЬЕЙ
- ЮБИЛЕЙ СЕМЕНА ЛИПКИНА

1986

Ежемесячный общественно-политический, экономический и культурно-философский журнал "Страна и мир" издается в Мюнхене под редакцией Кронида Любарского, Бориса Хазанова и Вадима Меникера. Оформление Б.Рабиновича. Представители журнала: в США Марк Поповский, в Израиле Рафаил Шапиро. Корреспонденты журнала: Е.Фишер (Бонн), В.Кучинский, Г.Ферон (Париж), М.Филлимор (Лондон), Б.Вайль (Копенгаген), Я.Руссакис (Афины), Б.Шрагин (Нью-Йорк), П.Ростин (Рабат). Стоимость годовой подписки в Европе 60 нем. марок, в США, Канаде и Израиле – 100 нем. марок, в Австралии, Новой Зеландии и на Тайване – 110 нем. марок. Стоимость доставки включена в подписную плату; в неевропейские страны журнал доставляется подписчикам авиапочтой. Цена одного номера – 6 нем. марок. Подписка принимается перечислением на банковский или почтовый счет, а также в виде чека, высылаемого в редакцию. Мнение, выраженное автором, может не совпадать с точкой зрения редакции. Все права сохраняются за авторами. Непринятые рукописи возвращаются с письменной мотивировкой.

СОДЕРЖАНИЕ

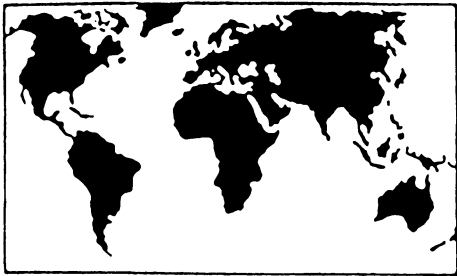
Политический дневник	1
<i>Р. Бахтамов. Знак равенства</i>	12
Дым Отечества	24
Вести из СССР	26
<i>К. Любарский. Чернобыльская трагедия. Статья вторая</i>	32
<i>О. Волков. Трудно быть оптимистом</i>	66
<i>В. Войнович. О заметках Олега Волкова</i>	73
Из газет: 50 лет назад; 60 лет назад	75
Суд и конституция. Беседа с членом Верховного суда США У. Бреннаном	76
Между прочим	80
<i>М. Дейч. Феномен Высоцкого</i>	81
<i>А. Назаров. Охота на человека</i>	90
<i>Владислав Ходасевич. Литература, задохнувшаяся от счастья.</i>	
Статьи о русских и советских писателях	97
"Век сумасшедший мне сопутствовал..."	112
<i>Ю. Колкер. Жизнь и судьба Василия Гроссмана</i>	113
Письма в редакцию	117

В номере 120 страниц

Das Land und die Welt e.V., Sendlinger Str. 37, D-8000 München 2, Federal Republic of Germany
Tel. (089) 2605046/ 2605047; telex 5218017 unbt d.
Deutsche Bank München, Konto 331 9613 (BLZ 700 700 10)
Postgiroamt München, Konto 223981-804 (BLZ 700 100 80)

ISSN 0178–5036

СТРАНА И МИР

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК

Центральной темой месяца были взлеты и падения в советско-американских отношениях, вызванные развитием событий вокруг "дела" американского журналиста Николаса Данилова, обвиненного советскими властями в шпионаже (см. предыдущий номер журнала). Была поставлена под сомнение возможность советско-американской встречи в верхах и будущее переговоров по разоружению. Сейчас эта проблема решена: Н. Данилов отпущен на родину. Прочитав перед небольшой группой друзей, собравшихся в Шереметьеве, стихотворение Лермонтова "Прощай, немытая Россия...", журналист отбыл в США, как он сказал, "скорее с чувством горечи, нежели злобы". После этого события начали разворачиваться быстро: объявлено о советско-американской встрече в верхах, которая назначена на 11–12 октября в столице Исландии Рейкьявике; арестованный в США советский агент Захаров, приговорен к пяти годам условно и выдворен из США; основатель Московской Хельсинкской группы Юрий Орлов освобожден из ссылки и отправлен в США; по-видимому, будет разрешен выезд из СССР нескольким еврейским активистам.

Однако эхо другого кризиса — ближневосточного — докатилось до Парижа, где один за другим были осуществлены несколько террористических актов — взрывов в общественных местах. В организации взрывов заподозрены ливанские террористы. Чтобы прекратить волну взрывов, правительство прибегло к мерам, которые население встретило с пониманием. Главные из них — это многократный контроль, проверка сумочек, портфелей и т.п. у входов в общественные

места, а также введение виз на въезд во Францию для иностранцев, кроме граждан Швейцарии и стран-членов Европейского экономического сообщества; ранее при въезде на срок до 90 дней виз не требовалось. Разумеется, свободное передвижение — одно из основных прав человека, важный фактор в деле развития экономики и туризма. Однако во всем мире еще существуют визы, необходимые для пересечения границ. Нужны они и для въезда в США, хотя, попав в страну, человек может потом годами никому не предъявлять удостоверения личности (что, кстати, сильно способствует значительной нелегальной иммиграции). Мы уже не говорим об СССР, где требуются не только въездные, но и выездные визы, а иностранец перед выездом из Москвы в другие места страны должен согласовать с властями маршрут поездки.

Введение виз вызвало серьезные технические трудности для тех, кто намеревался посетить Францию. Естественно, что такие ограничительные меры можно вводить лишь на определенный срок, как это было, например, в начале 60-х гг., в конце алжирской войны. Тогда генерал де Голль нашел решение проблемы, предоставив Алжиру независимость. Гораздо труднее решить проблему сосуществования мусульман и христиан в Ливане, который стал для Франции Алжиром восточного Средиземноморья. Трудности здесь представляются неразрешимыми.

Восемь лет назад, в марте 1978 г. ООН взяла на себя непосильную задачу, разместив по предложению французского правительства свои воинские части на юге Ливана. Перед этими частями были поставлены следующие цели: обеспе-

чение отвода израильских войск, вторгшихся в Южный Ливан в ходе "операции Литани", установление мира в стране и безопасности на границах, помощь ливанскому правительству в распространении его суверенитета на всей территории государства. Ни одна из этих целей пока не достигнута: израильские силы контролируют юг страны, безопасности нет никакой, правительство практически бессильно.

Насколько же эффективны войска ООН? В их состав входит 5800 солдат и офицеров, в том числе 1400 французов. Другие подразделения прислали Италия, Ирландия, Фиджи, Гана, Непал, Норвегия, Швеция. Похоже, что для восстановления порядка в стране, уже десять лет раздираемой гражданской войной, нужно вдвое, втрое, а то и вдесятеро больше солдат. Но дело не только в малочисленности сил ООН. Ограничены и их полномочия. Они имеют право лишь защищать самих себя от непосредственной опасности и только в некоторых случаях вмешиваться в столкновения сторон. Оснащенные легким оружием, они не могут остановить артиллерийские дуэли, происходящие над их собственными позициями.

В таких условиях "солдаты мира" становятся лишь ненужными жертвами. Для шиитов все "голубые каски" — это ударный отряд мирового империализма, кто бы они ни были, пусть даже солдаты с островов Фиджи — недавней французской колонии. Именно шииты-экстремисты из группы Хезболла ("партия Аллаха") 18 июля объявили войну частям ООН. Не так легко призывать солдат умирать за дело ООН. Однако покинуть Ливан под пулями Хезболла было бы большой победой для фанатиков.

Террористические акты в Париже и Бейруте должны были бы вновь привлечь внимание Запада все к той же тройке, которая обеспечивает террористов всем необходимым: к Ливии, Сирии и Ирану. Каддафи еще не оправился от шока, вызванного американскими бомбардировками в апреле, и временами выступает с осуждением террора. Однако говорить можно одно, а делать другое. Да и вряд ли он пожертвует своей дружбой с Сирией, выступая в роли умеренного. Несомненно, что и Иран хотел бы отомстить Франции за поставки оружия своему заклятому врагу — Ираку.

У Ирана есть и другие, внутренние причины для поощрения международной напряженности.

Иран переживает кризис, вызванный борьбой за наследство Хомейни. Сам престарелый имам уже назначил себе в наследники аятоллу Монтазери. Наследник не дожидаясь смерти вождя, пытается проводить несколько более сдержанную политику. В этом он находит опору в лице главы правительства Мир Хусейна Мусави, против которого хомейнистские лоялисты ведут ожесточенную кампанию. Сложилась любопытная ситуация: имам отнюдь не мешает нападкам на назначенного им самим наследника. Что это? Конфликт радикалов и умеренных? Нет, просто два клана противостоят друг другу в борьбе за власть.

Сходная ситуация возникла в совершенно ином месте: на состоявшейся в Хараре, столице Зимбабве, восьмой встрече глав правительств неприсоединившихся государств. Это движение часто отождествляют со странами третьего мира, что не совсем точно. Оно возникло 30 лет назад на основе известной формулы: "Кто мы? Никто. Кем мы хотим стать? Всем." Бывает так, что утопии воплощаются в жизнь: ныне движение неприсоединившихся объединяет две трети стран-членов ООН. Однако насколько это движение едино? И что, собственно говоря, такое — неприсоединившееся государство? У истоков движения стояли известные политические фигуры — Тито, Неру и Насер. Первый из них — Тито восстал против диктатуры Москвы, и чтобы выжить, должен был сблизиться с лагерем капитализма. Неру, представляя себя наследником пацифистских и нейтралистских идей Ганди, в то же время спровоцировал военные столкновения с Китаем и Пакистаном. Наконец, Насер использовал соперничество двух блоков, чтобы набить себе цену и получить помощь от обеих сторон. На ум приходит высказывание бывшего государственного секретаря Дж.Ф.Даллеса, который сказал, что в наше время нейтралитет аморален.

Возникновение движения неприсоединившихся связывают с одним из важнейших процессов современной истории — деколонизацией и образованием новых государств в Азии, Африке и Латинской Америке. Казалось, что у стран третьего мира хватит своих хлопот надолго. И действительно, первое время движению как-то удавалось сохранять видимость нейтральности и обходиться без столкновений друг с другом. Однако с течением времени оказалось, что запо-

веди нейтрализма соблюдать нелегко. Гораздо проще пойти под покровительство Москвы, Вашингтона, а то и Пекина. Критерии принадлежности к движению стали чисто формальными: Румыния не может стать участником движения, поскольку она входит в Варшавский пакт, тогда как безоголосно просоветские Куба и Вьетнам могут. В результате Куба осуждает вмешательство США во Вьетнаме, но поддерживает интервенцию СССР в Афганистане, которую (так же как и контроль, установленный Вьетнамом над Кампучией) не одобряет большинство участников движения. Другие неприсоединившиеся страны в поисках выхода из экономических трудностей предпочли примкнуть к западному лагерю. Так произошло, в частности, с Египтом. Египет, однако, занимает неустойчивую позицию между Москвой и Вашингтоном: в зависимости от колебаний политической конъюнктуры меняется количество и накал антиамериканских деклараций. Однако члены движения неприсоединившихся хорошо знают, что настоящую помощь им может предоставить только Америка, что несколько умеряет тон заявлений.

Если, впрочем, взглянуть на реальные проблемы третьего мира, то окажется, что многие неприсоединившиеся до сих пор решают споры, оставшиеся чуть ли не со Второй мировой войны, а то и являющиеся следствием старинных разногласий между бывшими метрополиями. Таков конфликт между Алжиром и Марокко по поводу Западной Сахары. В 1958 г. Испания согласилась передать эту территорию под суверенитет Марокко. Однако уже многие годы организация ПОЛИСАРИО, поддерживаемая Алжиром, ведет борьбу против притязаний Рабата на бывшее Испанское Марокко. Такой же характер носит конфликт Эфиопии и Сомали из-за Эритреи. Того же рода ирано-иракский конфликт, превратившийся в войну, которая по продолжительности, ожесточенности и количеству жертв приближается к "великой войне" 1914–1918 гг.

Третий мир переживает тяжелые родовые муки. На индостанском субконтиненте они продолжают уже сорок лет, и угасания конфликта не предвидится.

Несколько десятков погибших в августе в Пакистане — это немного для страны с населением около ста миллионов человек. Будет, однако

жаль, если окажется, что эти жизни, пожертвованные во имя нарождающейся демократии, были отданы напрасно.

Будущее страны представлялось прекрасным, когда мусульманские националисты 15 августа 1947 г., в день провозглашения независимости Индии, объявили о создании своего государства мусульманского меньшинства. Однако границы государства сложились весьма странно: Пакистан был создан из двух частей; западной и восточной, отделенных друг от друга тысячами километров. Обмен населением, который был проведен между Индией и Пакистаном, чтобы добиться большей этнической и религиозной однородности обеих стран, привел к тяжелому кровопролитию.

В отличие от Индии, где правительство Неру установило демократию по британскому образцу, в Пакистане власть захватили военные. Желая утвердить свою власть, пакистанские генералы охотно ввязались в конфликт, унаследованный от колониальных времен — в спор о Кашмире.

Политический калейдоскоп в регионе еще больше усложнился из-за системы политических союзов. Индия сблизилась с Советским Союзом. Пакистан вошел в союз с США и в то же время заигрывал с маоистским Китаем.

Серьезный кризис возник в декабре 1971 г. Недовольство населения Восточного Пакистана отношением западной "метрополии" к этой части страны перешло в кровавые столкновения. Началось восстание, которое поддержала индийская армия. Пакистанские войска были разбиты наголову и капитулировали через 15 дней после начала столкновений. Восточный Пакистан при поддержке Индии объявил себя независимым государством Бангладеш. Военный режим в Пакистане не пережил поражения. Через три дня после капитуляции маршал Яхья Хан ушел с поста главы государства, передав власть гражданскому президенту Зульфикару Али Бхутто.

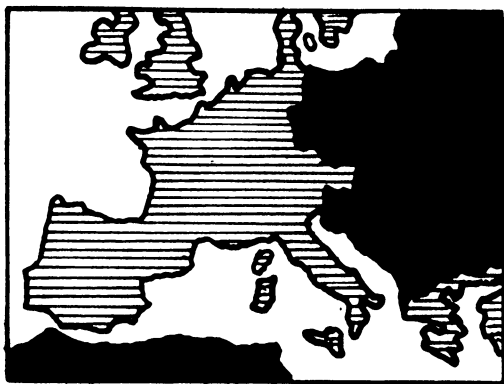
Но период гражданского правления продолжался недолго. В 1975 г. армия вновь взяла власть в свои руки и объявила чрезвычайное положение. З.А.Бхутто, обвиненный в коррупции, был казнен в 1979 г. Вскоре и его сын, нашедший убежище во Франции, был найден убитым при загадочных обстоятельствах. Эстафету

приняла дочь казненного президента Беназир Бхутто. Она решила вернуться в страну и отвоевать ее у военного режима.

Как известно, на Филиппинах другая женщина, Корасон Акино, вдова убитого лидера демократической оппозиции, сумела сбросить диктатуру и стала главой государства. Почему бы этому примеру не стать заразительным для Пакистана? Уже сейчас в стране и за рубежом на нынешнего правителя, генерала Зия оказывается давление с целью заставить его отменить военное положение и сделать шаги по пути демократизации. Оппозиционные силы, сгруппировавшиеся вокруг Беназир Бхутто, требуют провести досрочные свободные выборы (прошлые выборы 1985 г. оппозиция бойкотировала). Режим обрывается, и несмотря на введенные Зия послабления, десятки оппозиционеров были убиты в стычках с полицией и брошены в тюрьмы.

Пример Пакистана еще раз напоминает, как трудно осуществить демократизацию страны, не потрясая основ старого режима. Как не вспомнить здесь Аргентину, где военные удерживали власть, пока не потерпели поражение в войне из-за Фолклендских (Мальвинских) островов. Как не вспомнить здесь греческих полковников, не уступавших власти до поражения на Кипре. Приятным исключением могла бы быть смена власти в Испании. Но и здесь понадобилась смерть Франко. ●

Г.Ферон

ХОЛОДНОЕ СОСЕДСТВО

В июле нынешнего года западного журналиста, путешествовавшего по Норвегии, остановили и предложили "покинуть советскую территорию".

Журналист был вынужден напомнить о существующих международных соглашениях, после чего тон "хозяев" изменился. Корреспонденту была предложена закуска и прогулка по "территории".

Нет, корреспондент не нарушил короткой советско-норвежской границы у Киркенеса. Дело происходило на острове Шпицберген, точнее Западный Шпицберген — единственном обитаемом участке суши в группе островов, составляющих норвежскую территорию Свальбард. Норвежской администрации этой области подчинен также и остров Медвежий, однако географы называют Шпицбергенем только архипелаг, образуемый пятью более крупными островами (Западный Шпицберген, Северо-Восточная Земля, о. Баренца, о. Эдж, Земля Принца Карла) и множеством прилегающих мелких островков и скал. Общая площадь архипелага — около 62 тыс. кв. км, население — около 4 тысяч человек.

Соглашение, на которое сослался корреспондент, — это Парижский договор от 9 февраля 1920 г. В соответствии с ним Шпицберген, веками бывший ничейной землей, был передан под суверенитет Норвегии. Советский Союз присоединился к договору де факто в 1924 г., а юридически оформил свою подпись под ним в 1935 г. К настоящему времени свыше 40 государств являются участниками соглашения о Шпицбергене. Эти государства и их граждане имеют право на эксплуатацию природных богатств архипелага при условии соблюдения ими норвежских законов. Парижский договор предусматривает нейтралитет и демилитаризацию Шпицбергена, а также ограничивает ставки налогов, которые можно взимать с работающих на островах.

Все эти подробности не имели бы большого значения на 78° северной широты, если бы не исключительно важное стратегическое положение Шпицбергена, за которое британцы некогда называли его "арктическим Гибралтаром". Шпицберген находится в непосредственной близости от советских арктических территорий — Земли Франца-Иосифа и Новой Земли — одного из важных центров советских ядерных испытаний (до 1963 г. здесь проводились ядерные взрывы в атмосфере). Но главное, что Шпицберген и остров Медвежий находятся на пути судов советского Северного флота в Атлантику с многочисленных баз в районе Мурманска и на Кольском полуострове (по данным НАТО таких баз, вклю-

чая стоянки ядерных подводных лодок, насчитывается в этом районе от 16 до 20). Если бы на Шпицбергене и на острове Медвежий были установлены станции наблюдения, то было бы весьма просто следить за передвижениями советского военного флота и авиации по всему западу арктического побережья СССР. Страны НАТО, однако, продемонстрировали свое намерение соблюдать нейтральный статус Шпицбергена: США и Великобритания продали Норвегии свое право на привилегии пользоваться природными богатствами островов. Норвегия — тоже член НАТО, но ее присутствие на архипелаге диктуется лишь соображениями поддержания суверенитета, а не военными.

Советский Союз, однако, относится к своему присутствию на архипелаге весьма серьезно. Из 4 тысяч населения 2,5 тысячи — это советские граждане. Можно полагать, что это присутствие обходится стране в сотни миллионов рублей. Оно осуществляется под предлогом содержания угольной концессии на острове Западный Шпицберген, где добывается менее полумиллиона тонн угля в год. Это лишь ничтожная прибавка к общей советской добыче угля, превышающей 700 млн. тонн. Напомним, что советская угольная промышленность — не просто убыточная, но планово-убыточная отрасль советской экономики. За каждую тонну угля советский рабочий и колхозник выкладывает казне несколько десятков рублей. Есть все основания полагать, что к миллиардным убыткам этой отрасли промышленности "объект № 195" (так назывались шпицбергенские шахты в ведомостях министерства морского флота) добавляет значительную сумму. Работающим здесь платят и за "заграничную" командировку, и полярные, и иные выплаты. Для них содержат ферму, где откармливаются свиньи и птицы, доятся 40 молочных коров. Была и теплица, но арктические ветры в ноябре 1985 г. ее снесли. Условия жизни тяжелы, работы — тоже. Шахты устарели, в них высокая запыленность, температура ниже нуля. Впрочем, советские шахтеры — народ неизбалованный, и украинцы со скудеющих шахт Донбасса даже стоят в очереди на вербовку на Шпицберген (обычный срок вербовки — два года). Советские поселки Пирамида (1100 жителей) и Баренцбург (1300 жителей) состоят из обычных барачков. Впрочем, норвежские поселки Лонгьир и Сваагрува (общее население 1500 человек)

выглядят тоже невесело: здесь, хотя и есть нормальные дома, но нет привычных плакатов с Лениным с протянутой рукой.

Кроме шахт на острове имеются четыре исследовательских станции: две норвежских, одна советская и одна польская, а в одной из советских шахт в специальном контейнере, защищенном от радиации, содержатся семена важнейших сельскохозяйственных культур: на случай всемирной ядерной катастрофы. Своеобразный банк генов.

Норвежцы также охотно вербуются на остров: здесь можно заработать хорошие деньги (подходный налог не превышает 4%) и купить беспошлинное спиртное. Примерно теми же критериями руководствуются три компании, ведущие здесь поиски нефти, пока безрезультатные. В норвежском секторе Северного моря нефтедобывающие фирмы платят налог до 85% от прибылей, тогда как соглашение о Шпицбергене устанавливает верхний предел налога в 11%. Но добыча нефти здесь будет рентабельной, только если ее цена на мировых рынках вернется к уровню 25 долларов за баррель. Перспективы этого пока невелики, но работы ведутся. В случае их успеха перед Норвегией встанет вопрос, как совместить открытый статус Шпицбергена с норвежскими законами о 200-мильной "исключительной зоне экономических интересов", которая определяет хозяйство и политику скандинавских стран.

Пока же единственная в своем роде советская зарубежная концессия продолжает давать стране угля. К потребителям его везет советский флот, вероятно сжигая в топках большую часть добытых калорий в виде мазута и дизельного топлива.

Долгое время советские "хозяева" чувствовали себя на Шпицбергене настоящими хозяевами. Сейчас положение изменилось. Норвежский губернатор Лейр Элдринг разрушил негласное правило, по которому норвежцы — владельцы архипелага не имели права доступа в советские концессионные поселки. В 70 гг. губернатору удалось сломать эту "традицию". В 1975 г. он заставил советскую сторону допустить его на вертолетную базу, просто игнорируя советские протесты и приземлившись тут.

Теперь отношения более нормальны и более соответствуют букве и духу соглашений, хотя инициативы контактов исходят по-прежнему

исключительно от владельцев острова — норвежцев. ●

ПОЛОЖЕНИЕ В ПОЛЬШЕ

К моменту сдачи этого номера в печать отношения между властями и оппозицией остаются неясными. Неясны и перспективы нового, более мягкого политического курса, провозглашенного правительством в середине сентября.

Все началось с неожиданного сообщения Польского агентства печати (ПАП), переданного вечером 11 сентября по радио и телевидению. ПАП сообщило, что по решению генеральной прокуратуры до 15 сентября будут освобождены все политические заключенные и все следственные дела по политическим обвинениям прекращаются. Было сообщено также, что 11 сентября сотрудники службы безопасности провели беседы с тремя тысячами деятелей подполья. Их уведомили, что властям о них известно, и подпольную деятельность следует прекратить.

Через несколько часов были опубликованы отрывки из обширного интервью с министром внутренних дел Кишаком, в котором более подробно разъяснялись мотивы действий властей и их надежды, связанные со столь широким применением Закона об амнистии, принятого сеймом 17 июля (см. "Страна и мир", № 8, 1986). Кишак заявил о желании правительства, сделать Польшу страной без политических заключенных. Это, по его словам, один из мотивов решения правительства, хотя ясно, что достижение столь желанной цели зависит не только от него. Далее Кишак сказал: "Мы не думаем, что освобождение политических заключенных означает конец подполья и конспиративной деятель-

ности в Польше. Мы надеемся, однако, что значительная часть активистов подполья и тех, кто им симпатизирует, а также люди колеблющиеся и находящиеся на распутье, люди из всех слоев общества поймут честность намерений властей, прекратят деятельность, несовместимую с законом, а может быть, и приступят к работе в легальных организациях". Именно с этой целью и была предпринята упомянутая серия предупредительных бесед. Она должна была показать подполью, что его работа бессмысленна, ибо власти о ней "все знают".

На заданный ему вопрос об успехе этой акции Кишак привел единственный пример: некая пенсионерка из Гданьска призналась, что в ее домике находится нелегальная типография и передала ее оборудование сотрудникам безопасности. При этом министр, сам того не желая, признал обширность подполья, сказав, что беседы проводились в 281 конспиративной организации и ячейке.

В конце интервью Кишак сказал, что власти рассчитывают на положительную реакцию Церкви и на ее сотрудничество в укреплении стабильности в стране. Этому, по словам министра, во многом помогла бы сдержанность со стороны священников, ведущих "антигосударственную деятельность". Министр утверждал, что освобождение политических заключенных осуществлено не для того, чтобы "понравиться западным правительствам", но тем не менее предупредил, что их реакция на шаг польских властей будет проверкой их истинных намерений в отношении Польши. Генерал подчеркнул, что освобождение лидеров оппозиции не означает, что власти намерены пригласить их в партнеры по управлению страной.

Такой поворот событий вызвал и в стране и за рубежом нечто вроде психологического шока, на что власти и рассчитывали. Первые отклики в стране были положительными, а комментарии из-за границы — чуть ли не хвалебными. Отмечалось, однако, что само по себе освобождение политзаключенных еще не может решить политических проблем страны. Для того чтобы достигнуть подлинного национального согласия, власти должны сделать дальнейшие шаги навстречу общественным чаяниям. Эта мысль, хотя и по-разному выраженная, прозвучала в заявлениях Папы римского, епископата, а также в высказываниях Л.Валенсы, Временной координационной комиссии "Солидарности" (ВКК),

комитета "Солидарности" в Брюсселе и многих других. Легальный католический еженедельник "Тыгодник повшехны" писал: "Необходимо создать реальные возможности использования конституционного права на объединения, не обуславливая эту возможность зависимостью от политических партий. Если возникнет возможность свободного создания профессиональных организаций и объединений, а также организаций самоуправления, ... то можно полагать, что активность общества найдет себе выход и без создания структур, которые государственная власть считает нелегальными".

17 сентября на отчетно-выборной конференции ПОРП в Зеленой Гуре генерал Ярузельский подтвердил намерение правительства перейти к более примирительной политике. Он заявил: "По мере успехов нормализации на первый план выдвигается согласие... Идут подготовительные работы по созыву Консультативного совета (совещательное учреждение при Государственном совете, польском аналоге Президиума Верховного совета, в котором возможно участие лиц, связанных с умеренными кругами оппозиции. — В.К.) и назначению специальных контролеров по гражданским правам (должность, за образец которой взят шведский институт омбудсменов по гражданским правам. — В.К.). Изыскиваются и другие решения для увеличения участия и влияния людей труда на все, что происходит в Польше". Об освобождении политзаключенных Ярузельский заявил: "Ныне сила власти измеряется не числом поверженных противников, а числом приобретенных сторонников. Наступил момент, когда этот принцип мы можем полностью применить. Определенный этап завершен."

Однако тут же было высказано и другое: "Попытки писать новые страницы старым текстом — будь то тексты до декабря 1981 г. или до августа 1980 г. (период, предшествовавший созданию "Солидарности". — Ред.) — бессмысленны... Польше нужно единство в многообразии, то есть в постоянном обогащении формы и содержания социалистической демократии. Такое разнообразие мы поддерживаем... Однако противники нашего строя понимают плюрализм как легализацию по существу незаконных действий... Попытки добиться этого шансов не имеют. Хватит играть в прятки. Тот, кто намерен злоупотребить актом великодушия и вновь создать антигосударственные группы... должен быть готов к

тому, что закон невозможно растягивать как резину."

Говоря об антигосударственных группах, Ярузельский скорее всего имел в виду интервью З.Буяка, данное им сразу же после освобождения подпольному журналу "Сектор". Буяк сказал, что сейчас нужно создать открытое, хотя и не обязательно признанное властями "сильное руководство "Солидарности". Здесь Буяк по существу возвращался к идее, которую он высказывал Валенсе и легально работавшим членам "Солидарности" еще после амнистии в июле 1984 г. Попытка осуществления этой идеи — создание некоего открытого органа руководства объединением, предпринятая в начале 1985 года, закончилась арестом Михника, Фрасынюка и Лиса и известным "гданьским процессом" (см. "Страна и мир", №№ 4–6, 1985).

Валенса прибыл в Варшаву 19 сентября и в тот же день встретился с архиепископом Брониславом Домбровским, секретарем польского епископата. Между ними состоялась длительная беседа, содержание которой неизвестно. Скорее всего архиепископ обратил внимание Валенсы на деликатность положения, на необходимость особой осторожности и сдерживания разного рода радикальных элементов. Вероятно, он встретил понимание со стороны Валенсы, который никогда не слыл "ястребом". В тот же день в костеле св.Марцина в Варшаве руководитель "Солидарности" встретился с другими активистами объединения, а также с советниками и деятелями оппозиции. Известно, что в совещании участвовали Буяк, Лис, Едынак, Борусевич, Мазовецкий, Геремек, Куронь, Михник и Вуец. Еще раньше такие совещания состоялись в Гданьске и Ченстохове, где Валенсу радостно приветствовали сто тысяч рабочих, собравшихся там по случаю ежегодного паломничества к "Черной мадонне" — иконе ченстоховской Божьей матери. Однако 19 сентября Валенса не появился на торжестве, которое состоялось в квартире Яцека Куроня в ознаменование десятилетнего юбилея Комитета защиты рабочих (КОР). Это было явно неслучайно. Руководитель "Солидарности" хотел продемонстрировать свою независимость от того крыла оппозиции, к которому власти испытывают особо сильную аллергию и которое — что греха таить — в прошлом не раз действовало против Валенсы, подчас применяя не слишком лояльные методы.

В ходе всех этих встреч выявилась общность взглядов относительно необходимости создания открытого органа, представляющего "Солидарность". Однако по двум пунктам возникли разногласия. Во-первых, следует ли после создания такого представительства распустить подпольную ВКК. Во-вторых, как "Солидарность" и оппозиция в целом должны отнестись к упомянутым выше инициативам правительства — Консультативному совету и контролерам по гражданским правам? Должны ли лица, связанные с "Солидарностью", участвовать в этих начинаниях?

30 сентября Валенса назначил Временную комиссию "Солидарности" (ВКС). В ее состав вошли Збигнев Буюк (Варшава), Богдан Борусевич и Богдан Лис (Гданьск), Владислав Фрасышок и Юзеф Пиниор (Вроцлав), Тадеуш Едынак (Катовице) и Януш Палубицкий (Познань). В ВКС не вошел Лех Валенса, хотя он сам ее назначил. Видимо, это объясняется желанием Валенсы обеспечить себе позицию несколько более высокого уровня в отношении ныне как бы двуединого руководства "Солидарности", так как с созданием ВКС не произошел автоматический роспуск ВКК. Не исключено также, что Валенса хотел оставить за собой больше свободы политического маневра на случай торга с властями и сохраниться в некоей "зоне безопасности" на случай, если власти жестко ответят на создание ВКС. Неясно почему в состав последней не вошли представители важных регионов — щецинского, краковского и лодзского. Ходят слухи, что в ходе организационных совещаний представители этих регионов заняли весьма непримиримую позицию в отношении властей.

После назначения ВКС Валенса опубликовал заявление. В нем, в частности, было сказано: "Освобождение политических заключенных — важное событие, которое пробуждает искру надежды. Надежды на то, что после четырех лет глубоких расхождений, репрессий и ненависти можно будет отыскать начало пути, ведущего к диалогу и соглашению... Препятствия на пути к диалогу находятся и на той и на другой стороне. Не отказываясь ни от одного из идеалов "Солидарности", мы готовы ликвидировать то, что по представлению властей является препятствием, созданным "Солидарностью". Мы хотим доказать нашу добрую волю... Последние выступления представителей государства пока-

зывают, что власти сознают: нынешних форм контакта с обществом недостаточно. Мы считаем, что возвращение к профсоюзному плюрализму, к плюрализму объединений, предоставление загнанной в подполье "Солидарности" возможности действовать на уровне предприятий, — все эти вопросы нельзя обойти, если есть желание действительно улучшить положение в стране. Следовательно, возврат к плюрализму профсоюзных организаций и объединений в рамках, определенных Конституцией, ставится в порядок дня... Я подчеркивал много раз, что мы не хотим заниматься конспиративной деятельностью. Надо разработать и согласовать новую модель открытой и легальной деятельности".

В заключение Валенса добавил, что ВКС создается именно для того, чтобы способствовать работе, необходимой для постепенного возврата к плюрализму.

Декларация Валенсы, несомненно, самое компромиссное предложение властям из всего, что возникало в кругах "Солидарности". Оставляя в стороне типичные для такого рода документов дипломатические неясности, можно усмотреть в ней следующие предложения. Предлагается открыть дискуссию о возврате к плюрализму профессиональных союзов и объединений. Возврат может быть не единовременным, а поэтапным. На первом этапе следует разрешить "Солидарности" воссоздать свои организации на уровне предприятий, без восстановления отраслевых и региональных организаций. Новая ситуация не может просто воспроизвести то, что имело место до 13 декабря 1981 г. Новой моделью должен быть плюрализм в рамках Конституции. По мере развития плюрализма на легальном уровне подпольные структуры "Солидарности" будут распущены.

Создание ВКС не было для властей неожиданностью — идея носилась в воздухе. Возможно, что они уже разработали способ управиться с ней. Однако разобраться пока в их намерениях нелегко. Ясно, что ВКС не будет признана партнером в каких-либо переговорах. Об этом свидетельствует высказывание представителя правительства по связям с прессой, который заявил, что эта организация нелегальна. То же, но в еще более резкой форме повторил через несколько дней Кишчак. На это же указывает вызов большинства членов ВКС на допросы в местные УВД. В ходе допросов им было сообщено, что

ВКС — нелегальная организация, и за участие в ней они могут быть привлечены к ответственности. Соответствующее определение вынес и гданийский городской суд. Последуют ли за этим полицейские репрессии, неясно.

Не исключено также, что обострение последних дней вызвано сменой курса в отношении ВКС. Первоначальная реакция представителя правительства была скорее пренебрежительной, нежели угрожающей. Правда, сразу же после выступления Валенсы в "Жице Варшавы" появилась статья с резкими нападениями на ВКС, подписанная главным редактором газеты, но уже через пару дней он был снят со своего поста. Вполне вероятно, что новый курс властей вызван окриком из Москвы, где было замечено создание ВКС: в "Правде" появилось высказывание о том, что "есть небольшая группка людей, которые пытаются использовать амнистию для возврата к обстановке разгула антисоциалистических сил". ●

В.Кучинский

АФГАНИСТАН И ИРАН

Пакистан и Иран — две граничащие с Афганистаном страны, на территории которых афганские муджахиддины — борцы за свободу — имеют свои базы; через них осуществляется транзит оружия и военного оборудования. Естественно, что страна-хозяин держит под контролем все, происходящее на ее территории: это ее суверенное право. Но если у муджахиддинов с Пакистаном не возникает особых осложнений, то с Ираном положение иное.

Иран хочет держать под контролем деятельность партизан и в самом Афганистане. Цель правительства Хомейни — подчинить движение муджахиддинов полностью. Цель эта едва ли до-

стижима, но зато иранское вмешательство уже сейчас приводит к еще большему расколу и без того не единого партизанского движения, к его ослаблению.

Иранские "стражи революции" и шиитские муллы наводнили западный и центральный Афганистан. Они предлагают деньги и оружие тем гражданам, которые согласятся принять иранскую политическую линию и фундаменталистское толкование ислама. Основой политического влияния Ирана в Афганистане являются хазарейцы, шиитское меньшинство в преимущественно суннитском Афганистане, населяющее главным образом провинцию Хазараджат. До войны они составляли около 10% населения. Значительно иранское влияние и в районах Афганистана, граничащих с Ираном.

Но влияние это устанавливалось не только на идейной основе. После советского вторжения в Афганистан на территории этой многострадальной страны стали действовать и иранские вооруженные группы. "В Хазараджате был проведен настоящий геноцид, и мир не знает об этом, — говорит один из лидеров афганского сопротивления Мохаммад Надер Шахалеми. — В центральном Афганистане трудно найти семью, которая не потеряла бы одного-двух человек или иначе не пострадала бы от проиранских групп."

Первоначально проиранские группы провозглашали, что их целью является участие в священной войне, джихаде против советских войск и религиозное образование населения в духе шиизма. Но вскоре после прибытия в страну они начали ожесточенную кампанию против лидеров сопротивления, базирующихся на Пакистан. Вслед за этим проиранские группы стали переходить из одной деревни в другую, грабить дома, захватывать земли, которые они позднее "перераспределяли". Тысячи людей были убиты и изгнаны из родных мест. Шахалеми оценивает количество жертв в 25 тысяч человек.

Среди проиранских групп наиболее известны группы Наср, Сепак-э-Паздаран, Нохзат, Нирок, Раад, Вахид-э-Нохзат и Дефайян-э-Ислам. Фанатичные, как все шиитские боевые организации, они готовы отдать свои жизни за дело аятоллы Хомейни. Проиранские группы щедро снабжаются оружием и деньгами — не в пример тем, что базируются на Пакистан. При них всегда есть своего рода "политкомиссары" — шиитские муллы из Ирана или "стражи революции".

”Стражи революции” заняты и организацией новых групп и военным обучением завербованных. Обучение производится также на иранской территории.

Тем, кто не согласен подчинить себя иранскому руководству, приходится нелегко. Абдуллах, партизанский командир из провинции Фарах, говорит: ”Нам приходится совершать недельные путешествия с транспортом оружия из Пакистана через опасные территории. Из Ирана мы могли бы доставить оружие через 7–8 часов. Но это единственный способ сохранить свою независимость. Лишь один раз, в начале войны, я направился за оружием в Иран. Но мне там сказали, что партизанские вожди, находящиеся в Пешаваре, это американские агенты, и что я должен следовать за имамом Хомейни. Но я не продаюсь”.

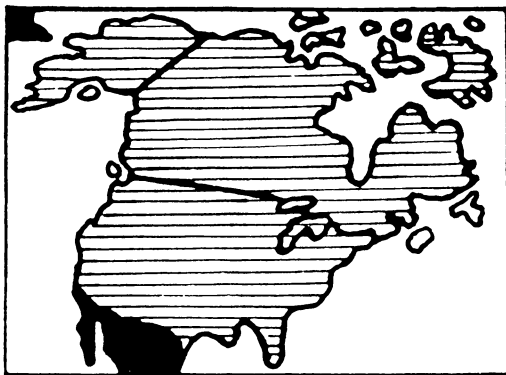
Все чаще и чаще между проиранскими и независимыми партизанскими группами происходят кровопролитные столкновения. Это сильно ослабляет единство муджахиддинов.

Афганские беженцы на территории Ирана все чаще и чаще жалуются на дурное обращение. Верховный комиссар ООН по вопросам беженцев в Иране почти не получает о них информации и лишен возможности вмешаться и помочь. Известно много случаев, когда Иран выдавал афганских беженцев назад, отправляя их на территории, контролируемые советскими и кабульскими войсками.

Вожди афганского сопротивления все чаще и чаще высказывают опасения, что хомейнистский Иран вступит в деловое соглашение с Советским Союзом и западная граница Афганистана будет прочно закрыта. Для таких опасений есть основания.

Недавно кабульский режим объявил о планах переселения 300 тысяч человек из восточных, граничащих с Пакистаном провинций на запад. Цель переселения – лишить партизан поддержки, поступающей из Пакистана при содействии населения. Выселенных разместят в засушливых, полупустынных провинциях Гильменд и Нимруз близ иранской границы. Переселение будет осуществлено методами, уже опробованными в братской Эфиопии, путем строительства ”новых деревень” (см. ”Страна и мир”, № 6, 1986).

Видимо, у советских и кабульских властей есть основания полагать, что с этой, с иранской стороны им особенной опасности не грозит. ●

АМЕРИКАНСКИЙ СОЮЗ ГРАЖДАНСКИХ СВОБОД

Американский союз гражданских свобод – добровольная организация, насчитывающая сейчас около 250 тысяч членов. Это общеамериканское объединение имеет ныне филиалы во всех 50 штатах. Цель Союза гражданских свобод – защита конституционных прав граждан. Примерно 400 адвокатов, работающих на добровольных началах, представляют Союз перед судом. В данный момент адвокаты организации ведут около 6000 судебных дел, защищая конституционные права американцев. Административный директор Союза гражданских свобод Айра Глассер говорит: ”Мы теперь стараемся расширить нашу деятельность, перенося борьбу за гражданские права американцев в новые, нетрадиционные для нас области, например, в армию, школы, в тюрьмы”.

Союз гражданских свобод защищает не только свободу слова, собраний и вероисповедания, но следит также за иммиграцией, за соблюдением норм уголовного права. Организация борется, среди прочего, за право студентов получать финансовую помощь от государства даже в случаях их отказа зарегистрироваться в качестве потенциальных призывников в американскую армию.

Организация имеет около 100 постоянных служащих. Ее годовой бюджет составляет 17 миллионов долларов. Эти средства покрываются членскими взносами и пожертвованиями.

Американский союз гражданских свобод существует уже более 60 лет. Организация была основана в 1920 г., в период, когда гражданские права в Соединенных Штатах были в опасности. Вскоре после вступления США в Первую миро-

вую войну Конгресс принял ряд законов, ограничивших принцип свободы слова. В те дни законом преследовалась публичная критика правительства, а также иных государственных учреждений и вооруженных сил.

Среди основателей Союза гражданских свобод были столь известные представители американской общественности, как Феликс Франкфуртер, ставший потом членом Верховного суда, Моррис Эрнст, прославленный американский адвокат, философ Джон Дьюи и другие.

В двадцатые годы Союз гражданских свобод занимался главным образом судебной защитой профсоюзных деятелей, социалистов, коммунистов, которые в те годы порой лишались свободы слова и собраний. Противники Союза считали его левой, подрывной организацией. Тем не менее Союз гражданских свобод неуклонно усиливал свое общенациональное влияние. Ни один президент США не пытался запретить деятельность Союза гражданских свобод, хотя организация неоднократно вступала в конфликт с политикой, проводимой Белым Домом.

В те годы организация стала известной своей защитой свободы науки на так называемом "обезьяньем процессе" в штате Теннесси. Она одержала победу, и с тех пор право преподавателей на изложение взглядов Чарльза Дарвина в школах и университетах сомнений более не вызывало.

Призывы основателей организации к постоянной борьбе в защиту гражданских свобод актуальны и ныне. Представители организации оспаривают перед судом любые попытки религиозных деятелей некоторых южных штатов узаконить преподавание в общественных школах учения о Божественном сотворении мира. По мнению Союза гражданских свобод, подобные попытки представляют собой нарушение существующего в Америке отделения церкви от государства.

В тридцатые годы Американский союз гражданских свобод весьма успешно защитил в судебном порядке право членов профсоюзов на собрания. В 1933 г. организация выиграла судебное дело против существовавшей в то время цензуры. Суд признал право на распространение в Соединенных Штатах романа Джеймса Джойса "Улисс".

Большим испытанием для Союза гражданских свобод были пятидесятые и шестидесятые годы. Сенатор Джозеф Маккарти обвинял эту органи-

зацию в проведении прокоммунистического курса. Но организация защитила не только себя, но сумела выиграть много судебных дел против сторонников маккартизма.

Хотя репутация Союза гражданских свобод в настоящее время общепризнана, у него немало высокопоставленных противников. Некоторые называют его прокоммунистической, а другие — пронацистской организацией.

Чем вызвана такая противоречивая трактовка деятельности организации? Единственная цель Союза гражданских свобод — охрана Конституции Соединенных Штатов. Некоторые американцы недоумевают по поводу судебной защиты организацией конституционных прав коммунистов, то есть сторонников партий или объединений, проповедующих антидемократические, тоталитарные взгляды. Несколько лет назад общее внимание привлекла позиция организации по вопросу о конституционных правах американских нацистов, собиравшихся провести свой марш в городке Скоки (в районе Чикаго). В Скоки живет много евреев, выходцев из Восточной Европы, среди которых немало бывших узников нацистских лагерей. Однако Союз гражданских свобод считал, что недопустимо ущемление конституционных прав любой организации, любой группы граждан, сколь бы ни были их взгляды для нас неприемлемы.

Поскольку коммунистическая или нацистская партии в Соединенных Штатах не запрещены, они должны, по мнению руководителей американской правозащитной организации, пользоваться всеми конституционными правами. Многие либеральные организации осудили точку зрения Союза гражданских свобод по вопросу о конституционных правах нацистов. Представитель либеральной еврейской организации, раньше симпатизировавший деятельности Союза, заявил: "Я очень высокого мнения о Союзе гражданских свобод. Если бы не существовало подобной организации, ее надо было бы создать. Но порой она — ради защиты принципов — вступает в конфликт с реальной жизнью".

Члены Союза гражданских свобод с этим не согласны и на уступки не идут. Они говорят: "Если мы сегодня не обеспечим гражданских прав одним, то завтра будут нарушены права других граждан. За гражданские права в Америке приходится постоянно бороться — несмотря на возражения справа и слева".

Л. Косман

Комментирует Т. Бахтанидзе

Рисунки Т.Кофьян

I.

Противоречия. — Мир, в котором мы выросли. — Изначальное свойство слова. — Довольно просто. — Нечто ужасно революционное. — Об аппарате и говорить нечего. — Ловушка. — Два подхода. — Как и самая красивая девушка Парижа. — В каких пределах? — На всех этажах. — Гром с вершины Олимпа. — О чести мундира. — Имеющий уши да слышит.

Начнем с противоречий. Не для того, чтобы ловить кого-то на слове (в данном случае М.С.Горбачева) а потому, что они позволяют понять, что собственно, происходит в стране.

"Вопрос: ...Сейчас много говорят о том, что СССР вступает ныне в столь же ответственный этап своего развития, как тот, начало которому положила Октябрьская революция. Означает ли это, что речь идет о новой революции?"

"Ответ: Нет, конечно. Так вопрос ставить, думается, было бы неверно" (февраль 1986 г.).

"Перестройка — емкое слово. Я бы поставил знак равенства между словами перестройка и революция" (июль 1986 г.).

"Главное направление перестройки хозяйственного управления нам в принципе ясно. Оно — в более глубоком и всестороннем использовании преимуществ социалистического хозяйства" (июнь 1985 г.).

"Ни у кого не только в Хабаровске, но и в Москве, в министерствах, в Госплане, в правительстве и в Политбюро готовых рецептов — как нам обеспечить задачу ускорения — нет" (июль 1986 г.).

"Свобода слова, свобода критики у нас весьма широка" (февраль 1986 г.).

"Тут я прямо скажу: наши кадры — и партийные, и советские, и хозяйственные — должны учиться работать в условиях расширения демократии..." (июль 1986 г.).

Вполне допускаю, что эти очевидные противоречия можно было и не заметить. Целые поколения выросли в мире слов, которые не были ничем, кроме пустого сотрясения воздуха. Похоже, однако, что нынешний генеральный секретарь (речь сейчас не о том, плохой он или хороший) возвращает слову его изначальное свойство — иметь смысл. Поверить в это тем труднее, что новый вождь пользуется обычно старыми, давно расстрелянными словесными обоями. И все-таки факт остается фактом: в том, что говорит Горбачев, смысл есть.

Но коль скоро это так, значит противоречия — не просто результат безответственности. Логично предположить, что за полтора года пребывания у власти многое в представлениях генсека изменилось. Почему это произошло? Очевидно, дело в опыте.

Читая первые программные выступления М.С.Горбачева (в апреле и июле 1985 г.), ясно видишь, как мыслилась ему перестройка. Довольно просто. Начнем с того, что плохих руководителей заменим хорошими. Далее устраним стыки между отраслями — организуем нечто вроде суперминистерств. Сосредоточим в этих суперминистерствах всю штабную работу: планирование, распределение фондов, заботу о научно-техническом прогрессе. Освободим предприятия от мелочной опеки сверху, предоставим им определенную свободу маневра — разумеется, в пределах общего стратегического плана. Создадим систему стимулов, механизм, поощряющий внедрение изобретений, противозатратный механизм, механизм, обеспечивающий высокое качество продукции, и прочее.

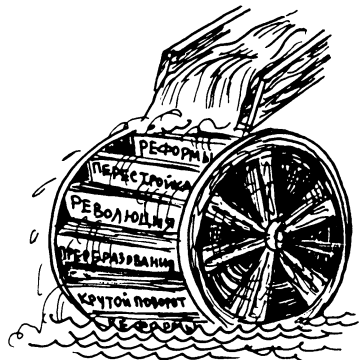
Если я и упрощаю, то совсем немного. А как же, спросите вы, с призывами генерального секретаря к крутому повороту, революционным преобразованиям, радикальным реформам, — ведь все это есть уже в его первых выступлениях? Верно. Однако в тот период крутой поворот мыслился ему именно в этих категориях: перераспределения власти, замены одних приемов административного управления другими — тоже административными.

Не будем удивляться. Вспомним, что хрущевские совнархозы и отраслевые парткомы или брежневская новая система планирования и экономического стимулирования тоже преподносились нам как нечто ужасно революционное. Да и сами их авторы так считали. Преимущества социалистического хозяйствования принимались как данность, задача сводилась к тому, чтобы полнее и глубже использовать эти преимущества.

Интересно, что на той же позиции (по крайней мере официально) стоят и советские экономисты-радикалы. К примеру, академик Т.И.Заславская решительно выступает за то, чтобы административные методы управления заменить экономическими. Предполагается, видимо, что такую замену удастся провести без особых потрясений. Конечно, какое-то сопротивление надо будет преодолеть, поскольку "средние звенья" в перестройке не заинтересованы, но в общем дело сводится к тому, чтобы набор одних приемов управления (административных) заменить набором других (экономических), каковая операция и приведет к желаемому процветанию.

Об аппарате — партийном, советском, хозяйственном — и говорить нечего. Аппарат хорошо знал цену и себе, и всем этим преобразованиям. Конечно, в ходе очередной перестройки кто-то полетит (а кто-то, наоборот, вознесется). Но сам-то аппарат останется: как же иначе будет осуществляться управление?

Поэтому предложенные новым генсеком правила игры были поначалу приняты спокойно и даже с энтузиазмом. Давно пора было заменить геронтократов новыми людьми.

ми: молодыми, энергичными, знающими. Новому генеральному секретарю нужны критика и самокритика? Пожалуйста. Это только полезно: поможет четко обозначить водораздел между старым и новым. Нужны успехи? Естественно. И новые расстарались: полугодовой план перевыполнили, производительность обеспечили, эти... как их... автоматические линии и роботы внедрили в неслыханных количествах.

Кажется, Горбачев не сразу понял, что попал в ловушку. Вроде бы все хорошо. Перестройка совершилась, запланированные темпы роста перекрыты уже в первом квартале нынешнего года. И при всем при том ровно ничего не изменилось. Все было сделано так чисто, что генеральный секретарь вполне мог принять видимость за сущность. Разумеется, при условии, что он этого хотел.

И вдруг обнаружилось, что видимость генерального секретаря не устраивает. Он добивается настоящих перемен. То есть, понятен, перемен не в системе управления (систему он как раз предпочел бы сохранить), а в результатах ее деятельности. Иначе говоря, он и в самом деле стремится к тому, чтобы система начала функционировать эффективно: смогла бы, наконец, накормить людей и обеспечить их товарами нормального качества, развиваться не экстенсивно, а интенсивно, использовать последние достижения науки и техники и т.д. Короче, делать то, к чему она, эта система, совершенно не приспособлена.

С этого момента (я условно датирую его апрелем 1986 г.) выявились два подхода, два возможных пути развития. Первый — признать главным сохранение существующего порядка и, значит, смириться с тем, что система, как и самая красивая девушка Парижа, может дать только то, что она может дать. И второй: поставить во главу угла результаты, которых необходимо добиться, и ради них решиться изменить систему. В каких пределах? Конечно, в минимально возможных. Но вместе с тем достаточных для того, чтобы система обрела способность решать хотя бы самые насущные задачи.

Судя по многим признакам, М.С.Горбачев совсем не революционер, он скорее консерватор. И он охотно ограничился бы косметическим ремонтом, какой-нибудь перестановкой кресел на верхних этажах. Однако советская система хозяйствования так устроена, что она неэффективна изначально, в самих своих принципах и на всех этажах. От нижнего, где рабочий поставлен в такие условия, что не хочет и не может работать, до самого верхнего, где человек не может и не хочет принимать правильные решения, ибо не обладает ни знаниями, ни оперативной информацией, ни свободой маневра.

Так что если перестраивать, то начинать перестройку надо сразу на всех уровнях — менять ту самую систему производственных отношений, на которой, по Марксу, стоит вся надстройка: государство, право, политика и пр. Ясно, какое это сложное и рискованное дело. Неудивительно, что как раз в этой, главной сфере М.С.Горбачев вот уже полтора года топчется на месте, призывая вопреки тому же Марксу начинать перестройку с психологии и ограничиваясь полумерами там, где необходимы даже не просто меры, а меры жесткие, чрезвычайные.

Есть, пожалуй, всего один участок, где Горбачев попытался что-то изменить, — это сфера компетенции руководителей разного ранга. Его цель состояла в том, чтобы предоставить руководителям предприятий право самостоятельно решать тактические вопросы — разумеется, в пределах поставленной им задачи. Однако и этого оказалось достаточно, чтобы все те администраторы, что образуют остов административной системы управления, забеспокоились всерьез. Возникло сопротивление, конечно, пассивное, но настолько сильное и массовое, что генеральный секретарь его почувствовал. В иных обстоятельствах это сопротивление выпадало бы из "образа" номенклатурищика (глав-

ная отличительная черта его — отнюдь не смелость, а осторожность), но сейчас опасность угрожает тому, что составляет основу должностного статуса, смысл его существования, — власти.

В прошлых заметках я писал о деле инженера Чабанова. Честно сказать, в тот момент мне самому казалось, что оно закончено. Уж слишком могучие силы были приведены в движение: генеральный прокурор СССР, ЦК КПСС и его Комитет партийного контроля. Наконец грянул гром с самой вершины Олимпа: об уголовной истории с исключением Чабанова из партии и с изъятием писем на почте гневно поведал на июньском пленуме ЦК сам генеральный секретарь. И что же?

В номере от 24 августа "Правда" напечатала статью "Заботясь о чести мундира" с подзаголовком "Как в Черкассах реагировали на критику". Оказывается, весьма агрессивно. Чабанова попросту травят. "Сомнительный он человек", — сказал корреспонденту председатель партийной комиссии при горкоме. К этой характеристике присоединился и первый секретарь обкома. "Обратите внимание, — пишет "Правда", — говорилось все это уже после четких и недвусмысленных оценок, данных на Пленуме ЦК КПСС и в Комитете партийного контроля. Как же объяснить подобное отношение к Чабанову со стороны первого секретаря обкома и некоторых других руководящих работников в Черкассах?"

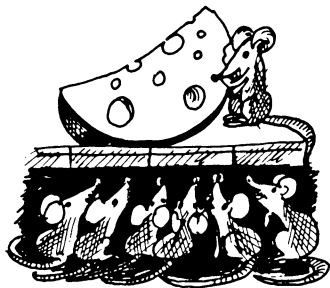
Объяснить нетрудно. Автор статьи наивничает, уверяя нас, что речь идет о чести мундира. За 75 лет на этот мундир столько всего налипло — крови, грязи, черной икры, перехваченных писем, доносов, плевков, — что сейчас о чести мундира говорить просто смешно. Понадобится, сотрут платочком и пойдут дальше. Нет, тут затронуто нечто более важное — содержимое мундира, власть, которую он дает. А уж за власть мундиросносители готовы перегрызть горло кому угодно, хоть бы и самому.

Советский омут так устроен, что борьба происходит на глубине. О ее исходе мы узнаем потом, когда тело поверженного всплывает на поверхность и течение уносит его в тихую Бухту пенсионеров. Но на сей раз борьба приобрела такую остроту, что кое-что выплеснулось прежде времени. Выступая 31 июля с речью во Владивостоке, М.С.Горбачев не удержался и заговорил о людях, "которые слово "перестройка" воспринимают с трудом, да и выговаривают его иногда с трудом. Они видят в этом процессе обновления зачастую не то, что в нем на самом деле заключено, а чуть ли не потрясение устоев, чуть ли не отказ от наших принципов".

Каких устоев и каких принципов? Вроде бы ясно, социализма. Но вопрос в том, что считать устоями. Относится ли, например, к разряду устоев партийное руководство экономикой, право партсекретарей карать и миловать по собственному усмотрению, право распоряжаться социалистической собственностью и использовать ее по способностям и потребностям. Похоже, мнения на сей счет расходятся. "Кое к чему мы привыкли за истекшие годы в обстановке недостаточной критики, гласности, ответственности, к тому, что вообще не отвечает принципам социализма", — так сформулировал свою позицию генеральный секретарь. Его оппоненты молчат — у них и трибуны нет, и гласность эта им ни к чему. Но они действуют.

Наивно думать, что Горбачев этого не понимает. Я полагаю, он понимает и другое: как ни мало он сделал, пути назад у него нет. Стоит ему проявить слабость, просто потерять темп, и его сомут. Не сомневаюсь, что и формулировки уже заготовлены. Ошибки... волюнтаризм... противопоставление...

Нет, терять темп ему никак нельзя. И из далекого Владивостока он предупреждает, что ситуация в стране опасная. "Ни рабочий класс, ни крестьянство, ни техническая, ни творческая интеллигенция — никто больше не хочет жить по-старому, мириться с тем,

что устарело, что тормозит наше движение и омрачает нашу действительность, нашу жизнь, наш социалистический строй."

Имеющий уши да слышит. А тому, кто не слышит, кто по-прежнему уповает на органы, умеющие управляться и с рабочим классом, и с крестьянством, и со всякой там интеллигенцией, тому адресованы следующие слова: *"Мы с вами жить по-старому теперь уже не сможем. Это очевидно..."*

Я не люблю ссылаться на то, чего не могу доказать. Но есть серьезные основания думать, что это не конец фразы, и вслед за этими словами были сказаны другие, снятые Главлитом. Смысл их примерно такой: "Даже если меня не будет, жить по-старому вы все равно не сможете". Иначе говоря, и у самого генерального секретаря, и у других партийных руководителей пути назад уже нет. Естественно, спрашиваешь себя: в чем же состоят перемены?

II.

Из опыта заклинания духов. — С чем ее едят? — Как поется в песне. — Все делать по совести. — Нэл и игра в политику. — Всего двадцать шесть. — Готический свод. — Альтернатива. — Куда мы денемся. — Мысли о государственной приемке. — На уровне брака. — И все-таки рецепты есть!

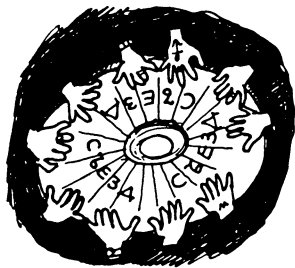
Перестройка — емкое слово, сказал М.С.Горбачев. В самом деле, настолько емкое, что до сих пор ни сам генеральный секретарь, ни его соратники, ни наши газеты, которые могут объяснить все, не в состоянии нам растолковать, в чем же, собственно, состоит перестройка.

Скажем, второй человек в партии Е.К.Лигачев, выступая в мае перед работниками объединения "Татнефть", произнес речь, почти целиком посвященную перестройке. Читаем: "Сохранить атмосферу съезда", "жить в атмосфере съезда", "строго держаться духа съезда", "крепить дух единства, царивший на съезде". Согласитесь, это больше напоминает шаманское заклинание духов, чем практическую программу действий. Видимо, сознавая это, Лигачев переадресовал публику к Горбачеву — уж он-то знает.

Хорошо, обратимся к первоисточнику. "Иногда спрашивают, ну что же это за мудреное дело-то — перестройка, как ее понять, с чем ее едят", эту перестройку? Вот, мол, мы все "за", а что делать, не знаем". Оставим в стороне интереснейшую ситуацию, когда никто как следует не знает, что такое перестройка, но все "за" (как поется в песне у Галича: "Сколько раз мы молчали по-разному, но не против, конечно, а за"). Любопытно другое: что же ответил генеральный секретарь на этот вопрос. Оказывается, надо "прежде всего поставить перед собой задачу все делать по совести".

Помнится, что-то в этом роде уже говорилось; правда, совсем другим человеком и по иному поводу. Но там речь шла о том, чтобы жить не по лжи, — это можно понять. А вот как строить экономику по совести, этого я, признаться, не понимаю. У экономики свои законы, и тот, кто хочет, чтобы она развивалась, должен исходить не столько из законов нравственности, сколько из экономических законов. И это не благое пожелание, это необходимость.

Вначале (в том же апреле прошлого года) казалось, что именно на перестройке экономики и будут сосредоточены основные усилия нового руководства. Но прошло полтора года, а реальных сдвигов не видно. Я не стану цитировать: советские газеты буквально набиты примерами работы "по-старому". Да, собственно, сам Горбачев нас предупредил, что перемены и не могли произойти, поскольку "важнейшие мероприятия экономического, социального, организационного и идеологического, да и иного ха-

рактера только начинают осуществляться и дать немедленного эффекта, разумеется, они не в состоянии”.

Пусть так. Но что же это все-таки за мероприятия? Однажды Е.К.Лигачев их перечислил: ”Во исполнение установок съезда, — сказал он, — ЦК КПСС уже принял крупные постановления — по перестройке управления экономикой, совершенствованию хозяйственного механизма в агропромышленном комплексе и легкой промышленности, коренному повышению качества продукции, перестройке высшей школы, усилению борьбы с нетрудовыми доходами. Эти и другие директивы нацелены на радикальные преобразования в организации нашей социалистической экономики, в социальной и нравственной сферах”.

Я сознательно прибегаю к свидетельству второго секретаря ЦК КПСС. Перечислить все эти постановления я мог бы и сам, но мне упорно мерещится, что есть, должен быть документ, содержащий не директивы, а реальные меры по изменению системы. Вспоминается замечательное в своем роде выступление покойного Л.И.Брежнева. Сообщив публике печальное известие о том, что дело с воспитанием сельской молодежи обстоит плохо, дорогой Леонид Ильич тут же поспешил успокоить собравшихся. Недавно, радостно объявил он, мы приняли постановление об усилении работы с молодежью, так что теперь дела поправятся...

Интересный факт. Ленин, как известно, был противником нэпа и возражал против его введения до последней возможности. Но когда крестьянские восстания и Кронштадтский мятеж убедили его, что иного выхода нет, Ленин не просто провозгласил, он ввел нэп. Уже в решениях X съезда партии (январь—февраль 1921 г.) идеи новой экономической политики были выражены ясно и недвусмысленно. В марте ВЦИК утвердил декрет о замене продразверстки натуральным продналогом. Тогда же СНК РСФСР установил общий объем продналога (240 млн. пудов) и декретом от 28 марта разрешил обмен, покупку и продажу сельскохозяйственных продуктов в губерниях, выполнивших продразверстку за прошлый год. В мае была частично денационализирована мелкая промышленность и официально разрешена частная торговля. В июле СНК разрешил сдавать мелкие промышленные предприятия в аренду кооперативам и частным лицам. С осени стали практиковаться крупные торговые ярмарки, открылись торговые биржи. Были разрешены аренда земли и использование наемного труда. Допущено создание концессий и акционерных (смешанных) обществ...

Можно по-разному оценивать нэп, но это, несомненно, была реальная экономическая политика, основанная на определенных принципах и опирающаяся на государственные законы. То, что происходит сейчас, — игра в политику, и ведется она с помощью общих слов, расплывчатых постановлений (не законов!), призывов и лозунгов. Вот, к примеру рассуждение из доклада М.С.Горбачева на XXVII съезде КПСС: ”Предполагается осуществить переход на более совершенные методы

планирования на основе прогрессивных нормативов. Существенно повышается роль хозяйственного расчета... Подлинный хозрасчет, зависимость доходов предприятий от конечных результатов должны стать нормой для всех звеньев агропромышленного комплекса, и прежде всего колхозов и совхозов. Широкое распространение получают подряд и аккордная система на уровне бригады, звена, семьи с закреплением за ними на договорный срок средств производства, включая землю”.

Впечатление такое, что советские руководители живут в мире грез. Земля запущена до предела, сельскохозяйственная техника устарела, дорог нет, десятилетиями у крестьян отбивали желание работать: сгоняли в колхозы, ссылали в Сибирь, сажали, разрешали держать коров, запрещали держать... Нужны титанические усилия, чтобы хоть как-то выправить положение, убедить крестьянина, что теперь, наконец, его оставят в покое, дадут работать. И вот вместо законов, жестких и определенных, ему предлагают вине-

грет из досужих вымыслов и благих пожеланий. Сегодня семейный подряд вроде бы разрешают, а что будет завтра?

Земля требует ныне огромного вложения труда. Кто же станет — после всего что было — вкладывать этот труд, не имея даже минимальных гарантий устойчивости? Кто поверит в этот новый порядок, если любой председатель колхоза, секретарь райкома, обкома могут своей властью отобрать данный звену участок, разорить посевы? А о всяких обманах подрядных бригад или звеньев и говорить нечего — это норма. Куда крестьянину обратиться за защитой — может, в районный суд?..

Когда-то спорили: сколько инстанций вправе командовать совхозом. Ныне советские газеты называют это число точно — двадцать шесть. Может, и не так много, но достаточно, чтобы работать было невозможно.

Недавно "Известия" рассказали об опыте Владимир-Волынского района Волынской области. Оказывается, уже пять лет (то есть задолго до перестройки) в районе введен всего один, единый плановый показатель — количество сдаваемой продукции. Естественно, что район стал работать лучше. Скажем, 1980 год хозяйства закончили с убытком 1,4 млн. руб., а 1985 — с прибылью 11,5 млн. И дальше? Все. До сих пор эта система (тоже весьма далекая от идеальной) не нашла применения даже в других районах области.

Впрочем, на тему перестройки сельского хозяйства высказываются хотя бы благие пожелания. В промышленности нет и этого. Достаточно проанализировать, например, один из становых хребтов перестройки — постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР "О мерах по коренному повышению качества продукции".

Тут что ни пункт, то шедевр — этакий возвышенный готический свод, начисто оторванный от грешной земли. Партия и правительство "считают, что решение проблемы кардинального повышения качества продукции является прямой обязанностью каждого коллектива, каждого рабочего, специалиста и руководителя... Объединения, предприятия и организации должны нести полную ответственность за качество продукции, конкурентоспособность ее на мировом рынке, соответствие новых изделий и материалов самым строгим требованиям, обеспечивающим научно-технический прогресс... Потребителю продукции предоставлено право расторгать в одностороннем порядке договор с поставщиком в случае неоднократной поставки им продукции низкого качества..."

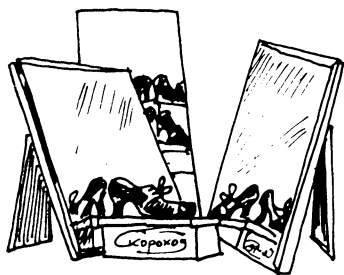
Цитировать эту научно-фантастическую прозу можно до бесконечности. Всякий здравомыслящий человек понимает, что любые призывы к повышению качества продукции, любые заклинания, угрозы и даже обещания благ имеют смысл только в одном случае — если у всех участников процесса есть свобода выбора: у нас с вами — возможность купить один товар и не купить другой; у предприятия-потребителя — предпочесть продукцию завода А продукции завода Б; у завода-производителя — возможность заказать сырье, материалы, станки, инструмент там, где он хочет. Но ведь ничего этого на практике нет. Правда, потребитель теперь вправе расторгнуть договор с плохим поставщиком. Однако где он возьмет хорошего? А при отсутствии альтернативы, интересно, что он будет "потреблять"?

Да и можно ли предъявлять претензии, требовать, обязывать поставщика, у которого тоже нет выбора? План, сырье, оборудование, инструмент — все это фондируется, все он должен принимать как данность. Если, к примеру, станок не дает требуемой точности обработки, легированную сталь, заложенную в чертежах, приходится заменять углеродистой, швеллер — балкой и мясо в колбасе — соей, то о каком качестве может идти речь? И что тут изменят призывы, угрозы и обещания?

Впрочем, и угрозы тоже наивны. Уволенные найдут себе работу в другом месте; с "наказанного" предприятия люди сбегут; бракованные товары отправят туда, где нет и таких. Уж там-то купят. Как сказано в заголовке одной газетной статьи: "Куда мы денемся?"

В сущности деваться некуда. Выбора нет ни у кого — ни у нас, покупателей, ни у предприятий-потребителей, ни у предприятий-поставщиков. Остается одно: громоздить административные меры. Громоздить, понимая, что они не помогут.

Характерная деталь. Постановление предусматривает создание специального органа вневедомственного контроля — государственной приемки, которая будет действовать на предприятиях, "выпускающих важнейшую народнохозяйственную продукцию, а также товары народного потребления".

Ясно, что товары народного потребления упомянуты здесь для блезира. Важнейшая продукция — это, конечно, та, что связана с обороной. Смысл новой меры в том, чтобы распространить действующую систему военпредов на

продукцию, от качества которой зависит уровень военной техники.

Любопытный парадокс. Если партия и правительство верят в действенность обычного, ведомственного контроля, то к чему эта лишняя инстанция — контроль вневедомственный? А если не верят, значит, они согласны с тем, чтобы и дальше выпускался брак.

Почему? Когда обувные фабрики города Фрунзе временно перевели на особый режим приемки, выпуск изделий сразу упал с двух тысяч пар до 50—100 пар в сутки. Это значит, что в нормальных условиях мы получаем 95—97,5% брака. Легко представить себе, как будет выглядеть очередное сообщение ЦСУ (а главное — полки магазинов!), если вдруг выпуск брака прекратится.

И все-таки М.С.Горбачев лукавит, когда жалуется, что ни у кого нет готовых рецептов "ускорения". Они есть, и не только в Москве, но и в Хабаровске. Надо лишь, пользуясь выражением самого генерального секретаря, отказаться от мысли, "понукая или уговаривая людей, побудить их действовать вопреки законам общественного развития, либо пытаться как-то обойти, "обхитрить" эти законы, реально существующие условия".

Опыт известен. И наш собственный, опыт нэпа, и других стран — Китая и Венгрии.

III.

Смена планов. — О чем свидетельствует гласность. — Самое острое оружие нашей партии. — Думаете, словесный пируэт? — Каким-то странным образом. — За пятнадцать минут. — Эпоха народного ре-
нессанса. — Не следует понимать буквально. — Ох, уж этот Карамзин... — Колыма в свете юпитеров. — К вопросу о потолке. — Так начинается всякое движение.

Итак, сколько-нибудь существенных перемен в экономике за эти полтора года не произошло. Более того, сам процесс перестройки, который первоначально мыслился как переворот прежде всего в системе хозяйствования, как-то незаметно ушел в сторону. А на первый план выдвинулась проблема гласности.

Произошло это довольно неожиданно. Настолько неожиданно, что мне, признаться, не все тут ясно. Ведь в конце концов гласность есть нечто вторичное, есть отражение в словах и в печати тех материальных процессов, которые происходят в действительности.

А если в действительности реальных перемен не происходит, то что же тут отражать? Или, может быть, перемены все-таки происходят, и большая гласность как раз о том и свидетельствует?

Сложный вопрос. Попробуем подойти к нему не прямо, а сбоку. Спросим себя, зачем генеральному секретарю партии, которая в своей стране до сих пор предпочитает находиться на полулегальном положении, понадобилась гласность? Ответ, я думаю, ясен. Столкнувшись с сопротивлением руководителей среднего звена (прежде всего — партийных), он решил пустить в ход печать, самое острое оружие нашей партии.

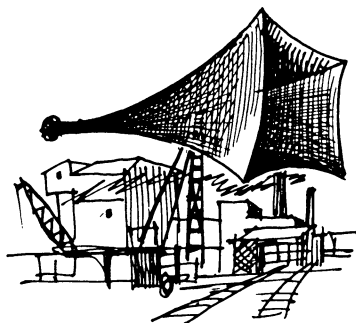
Я уже цитировал слова М.С.Горбачева о том, что никто не хочет жить по-старому. Думаете, это словесный пируэт? Ничего подобного: каждая его ссылка может быть документирована. Рабочие? Пожалуйста. "Перестройки в нашем объединении автомагистральных междугородных сообщений пока не видно и не слышно" (Г.Гриценко, Ярославль). Крестьяне? "Внедряя подряд, мы рассчитывали, что станем истинными хозяевами на земле. Однако этого не произошло" (А.Брижань, бригадир колхоза им.Кирова, Краснодарский край). Творческая интеллигенция? "...Как показала мать-история, начиная еще с древнейших времен, антидемократический способ непродуктивен" (Е.Евтушенко, Москва). Техническая интеллигенция? Но почти во всех конфликтах, о которых я писал в прошлых заметках, пострадавшей стороной оказывались специалисты-ученые, инженеры, агрономы. Для них стремление работать "по-новому" (то есть мало-мальски разумно) кончается потерей работы, исключением из партии, даже тюрьмой.

И все же создается впечатление, что гласность нужна генеральному секретарю не только как средство борьбы с противниками. Похоже, он понимает, что в наш просвещенный век, в эпоху научно-технической революции желание (и даже способность) человека работать — каким-то странным образом связана со свободой слова, с правом называть черное черным и вообще иметь собственные взгляды. Можно ли, к примеру, ждать великих открытий от человека, который прошел через мясорубку следствия или, допустим, был вынужден публично заявить, что пересмотрев (за пятнадцать минут) свою жизненную позицию, он осознал всю ошибочность и вредность менделизма-морганизма.

Так мы обнаружили вдруг, что живем в эпоху позднего ренессанса. В течение считанных месяцев у нас выросла целая плеяда не обязательно молодых, но, несомненно, талантливых писателей: Николай Гумилев, Владимир Набоков, Андрей Белый, Алексей Ремизов, Николай Карамзин, Дмитрий Мережковский... Одни уже печатаются, другие ждут своего часа. А главное — уже то, что мы теперь знаем их имена, о чем-то свидетельствует.

Конечно, и сейчас пограничная линия гласности обозначена четко. Недавнее заявление первого секретаря Московского горкома Б.Н.Ельцина: "Нет ни потолка для критики, ни предела для гласности," — не следует понимать буквально. Да никто его так и не понимает. Скажем, из всего наследия Мережковского предлагается издать лишь его исторические (отнюдь не лучшие) романы.

Вообще, граница, отделяющая возможное от невозможного, в литературе вполне ясна. Можно все то, что можно, но раньше почему-то было нельзя. А уж что нельзя (скажем, "Архипелаг ГУЛаг" А.Солженицына, "Жизнь и судьба" В.Гроссмана, "Факультет ненужных вещей" Ю.Домбровского, "Окаянные дни" И.Бунина, "Несвоевременные мысли" М.Горького), то, понятно, нельзя. Зачем, к примеру, советскому читателю мысли Горького, если они несвоевременные? Незачем.

Как и во всех других случаях, определение потолка гласности взял на себя генеральный секретарь. Стоит почитать его ответы газете "Юманите". Да, очереди у нас есть, особенно за товарами высокого качества. А вот политических заключенных, нет, — за убеждения у нас не судят, судят за их высказывание, и это, понятно, преступление не политическое, а уголовное. Со стороны Сахарова были допущены противоправные действия. Какие? Вот эти самые высказывания. Задача советской цензуры — не допускать разглашения в печати государственных и военных тайн, пропаганды войны, насилия, жестокости, издевательства над личностью, порнографии. Легко догадаться, что именно этим и занимались — до последнего времени — Андрей Белый и Николай Гумилев...

А вот что сказал генеральный секретарь о политике коллективизации — гнусной, кровавой, заложившей фундамент всех нынешних бед: "Глубочайшие преобразования в деревне". Или о Дальнем Востоке тридцатых годов — земле Бамлага и Колымских лагерей: "Энергичное освоение края в годы первых пятилеток".

Так что с потолком гласности, повторяю, все ясно — он и сейчас немногим выше, чем потолок в хрущобах. И тем не менее какие-то просветы в потолке появились, и оттуда посыпались на нас сообщения о катастрофах, авариях, бедствиях. Лесные пожары в Сибири, землетрясение в Молдавии, гибель сотен людей на теплоходе "Адмирал Нахимов". Мне скажут, что это урок, извлеченный из катастрофы в Чернобыле: трехдневное молчание нанесло стране не меньшие убытки, чем сама катастрофа. Пусть так; способность извлекать уроки из ошибок, учиться на опыте до сих пор не относилась к числу качеств, присущих советским руководителям.

Если говорить честно, то как раз на это свойство в характере генерального секретаря я и возлагаю надежды. Думаю, что рано или поздно М.С.Горбачев убедится, что разговоры о перестройке — это еще не сама перестройка, что убеждать партийных вождей уступить кому-то кусочек принадлежащий им власти и начать пестовать демократию — занятие зряшное, что гласности "от и до" не бывает: либо она есть, либо ее нет.

И еще я верю в то, что Сергей Есенин определил как рок событий. У событий свой рок, или точнее, своя логика. Сталкиваясь, наслаиваясь, цепляясь друг за друга, они тянут людей за собой, вызывая последствия, которые далеко не всегда можно предвидеть. В монолитной конструкции власти что-то сдвинулось, пришло в движение. Пусть скорость этого движения невелика, а пройденный пусть ничтожен. Так начинается всякое движение.

IV.

Политика внешняя и внутренняя. — Парифразирова Клаузевица. — Кто-то когда-то. — А Михаил Сергеевич решил. — Остались просто абсурдные. — Никак не украшает. — По той же схеме. — Зато во всех остальных... — География долга. — Вот, к примеру, Япония. — А на авось. — Только когда она действительно начнется?

Давно замечено, что внешняя политика государства является отражением его внутренней политики. На примере Советского Союза эта закономерность прослеживается особенно наглядно. Конечно, связь тут взаимная. Когда в конце сороковых годов отношения Советского Союза с бывшими союзниками резко ухудшились, это привело к волне арестов; в то же время разрядка сопровождалась некоторой либерализацией. И все-таки, повторяю, истоки советской внешней политики следует искать не вне, а внутри страны. Я бы сказал даже, парифразирова Клаузевица, что советская диплома-

тия есть продолжение внутренней политики другими, а иногда — как в Венгрии, Чехословакии, Афганистане — и теми же средствами.

Что составляет суть советской внутренней политики на данном этапе? Разумеется, перестройка. Пока трудно предсказать, в чем эта перестройка выразится: в серьезных изменениях экономического механизма, в модернизации общественных отношений или в централизации управления — окончательном сосредоточении всей полноты власти в руках генерального секретаря. Ясно, однако, что в любом случае М.С. Горбачеву сейчас нужна передышка. Он не в состоянии одновременно и вести перестройку, и состязаться с Америкой в программе "звездных войн". С другой стороны, он не может и отказаться от участия в этой гонке: противники обвинят его в капитулянтстве. Значит, единственное, что остается, — это затормозить гонку, вынудить Соединенные Штаты пойти на мораторий. Таков смысл нынешнего мирного наступления СССР.

Какими средствами ведется это мирное наступление? Да, в общем, теми же, что характеризуют внутреннюю политику генерального секретаря: отказ от наиболее абсурдных, давно изживших себя постулатов. Почему, скажем, до недавнего времени завеса молчания окружала стихийные бедствия, почему нельзя было печатать стихи Гумилева или прозу Андрея Белого, почему был наложен запрет на одно только упоминание о наркомании в Советском Союзе? Без всяких причин. Просто кто-то, когда-то ввел это ограничение, и никто не решался его отменить. А Михаил Сергеевич Горбачев решился.

Таким образом, наиболее абсурдные ограничения отменены или отменяются. Остались просто абсурдные. К примеру, Горбачев, юрист по образованию, не может не знать, что бессудная ссылка академика Сахарова в Горький противоречит даже весьма расплывчатым советским законам, а съемка кинофильмов "из жизни Сахарова" без его ведома и согласия и последующая продажа их на Запад — уголовное преступление. Не может он не понимать, что издевательства над инакомыслящими, ограничение эмиграции ссылкой на "отсутствие желающих", глушение иностранных радиопередач, прекращение прямой телефонной связи со странами Запада, ограничение туристских поездок, прямая ложь в освещении многих событий внутренней и зарубежной жизни — все это не украшает "новый стиль" руководства, да и самого генерального секретаря.

По той же схеме — отказ от наиболее абсурдных ограничений и сохранение просто абсурдных — строится и новая внешняя политика. Только очень наивный человек может не понимать истоки нынешней мирной инициативы Советского Союза. Президент США Рональд Рейган такой наивностью не отличается. Его позиция достаточно определена: Соединенные Штаты откажутся от программы СОИ (стратегической оборонной инициативы), дающей им явные преимущества, лишь в том случае, если получат гарантии, что речь идет не о передышке, не о выигрыше времени, а о коренном изменении советской внешней политики, отказе от агрессии.

Что же делает советское руководство? В одном вопросе — контроле над вооружением — оно проявляет неожиданную гибкость. (Помните прежнюю позицию? Мы против контроля, ибо контроль — это шпионаж. Но ведь контроль взаимный? А мы не желаем заниматься шпионажем, но и вам не позволим.) Зато во всех остальных...

У президента Рейгана сложное положение. Люди хотят мира, люди горячо одобряют идею прекращения атомных взрывов, сокращения вооружений. Они не желают думать о будущем — о том, как будут развиваться события, когда требуемая Советскому Союзу передышка кончится. Гарантии? Но как вообще можно требовать от кого-то гарантий на будущее?

Рейган и не требует. Он готов пересмотреть программу СОИ, если Советский Союз продемонстрирует свое миролюбие хотя бы сейчас. Прежде всего в Афганистане. Ведь ситуация там предельно ясна. Даже советские газеты признают, что без "братской помощи" ограниченного контингента нынешнее афганское правительство долго не продержится. (В этом, собственно, все и дело). Но если советским войскам дозволено выполнять интернациональный долг в Афганистане, то что помешает им выполнять этот самый долг на Ближнем Востоке, в Европе, в Африке, в самих Соединенных Штатах?..

Итак, на одной чаше весов — глобальные проблемы войны и мира, на второй — тяжелая и бессмысленная авантюра в Афганистане. Казалось бы, самый подходящий случай доказать, что советская политика действительно изменилась, что новый человек Горбачев способен трезво оценивать ситуацию, учитывать не только свои мотивы, но и точку зрения других.

Ничуть не бывало. С тупой настырностью проводится все та же линия: "То, что наше — наше, а о том, что ваше, мы готовы вести переговоры." Или, скажем, Япония. Советскому Союзу было бы очень выгодно установить добрые отношения с этой богатой страной. Тут и кредиты, и новейшая техника, и мир на Востоке. Но Япония — вся Япония, включая коммунистическую партию, — добивается возврата трех маленьких островов, захваченных Советским Союзом после окончания войны. Эти острова необходимы СССР для обороны? Нет, конечно. Да и в любом случае не настолько они важны, чтобы жертвовать ради них дружбой с Японией. Но отдать то, что мы уже захватили?! Нет, так далеко наш новый стиль не простирается.

На что же делается тогда ставка? А на авось. Авось, президент Рейган уступит нажиму тех, кому действительно трудно понять простую, как бульдозер, логику советской внешней политики. Авось, тот, кто придет на смену Рейгану, будет наивнее и стоворчивее. Да мало ли на какие еще "авось" можно рассчитывать в наше время.

Разумеется, М.С.Горбачев понимает, что Соединенные Штаты, даже если они осуществят программу СОИ, нападать на Советский Союз не собираются, — не в том проблема. Подлинную угрозу режиму создает сам режим — угрюмый, тупой, неэффективный во всем, включая даже подготовку к войне. На дворе двадцатый век, эпоха научно-технической революции. И прямо-таки зрительно ощущаешь, как тяжело и медленно, переваливаясь с ухаба на ухаб, тащится эта огромная телега. Мир стремительно меняется. Совершаются открытия, переворачиваются наши представления о мире, создаются изобретения, меняющие его облик. А мы уже три четверти века решаем все те же проблемы. Проблемы жилья. Мяса и масла. Джинсов и телевизоров. Публикации трудов Николая Карамзина. Поп-музыки. Прав председателей колхозов. Самостоятельности театров. Сферы действия Главлита. Какая уж тут революция...

Итак, ни в экономике, ни в политике пока не произошло ничего такого, что походило бы не только на революцию, но и на серьезную реформу. Чем же тогда вызвано яростное сопротивление партийного аппарата, угрожающее самому положению генерального секретаря? Очевидно, тем, что есть сфера жизни, где перемены ощутимы. Это сфера отношений внутри самого партийного аппарата. Генеральный секретарь замахнулся на самое святое — на безраздельную власть аппаратчика в подведомственной ему области, на его право распоряжаться государственной собственностью как своей собственной, на гарантированную должностью безнаказанность, даже — на освященные традицией льготы и привилегии. Все это настолько существенно, что компромисс тут и в самом деле вряд ли возможен.

Я думаю, что Горбачев прав: просто перестройка уже не поможет, нужна революция. Только когда эта революция начнется?.. ●

Газета выходит с марта 1917 года

ИЗВЕСТИЯ

СОВЕТОВ НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ СССР

НЕКАЯ СУММА ЛЖИ

“В течение многих лет мы... хотели передать ученикам некую сумму знаний по диамату, истмату, научному коммунизму, истории партии, но совершенно забывали при этом, что надо приучить людей любить истину. Что же нам делать теперь, чтобы вернуть доверие молодежи?”

Ответ, собственно говоря, прост — спустить всю эту “сумму знаний” в мусоропровод. Однако позвольте: кто это осмеливается так рассуждать? Бывший марксист, ставший диссидентом, человек, до которого наконец-то дошло, что диамат, истмат, история партии и т. п. не совместимы с любовью к истине? Мы, сокрушается он, годами вдалбливали в головы школяров всю эту чушь, теперь молодежь не верит больше ни одному нашему слову. Естественно. Но кто же все-таки эти “мы”?

Откроем тайну: мы — это преподаватели общественных наук. Происходит всесоюзное совещание заведующих кафедрами (“Известия” от 3 октября), и на этом совещании выступает, кто бы вы думали? Еще один сюрприз. Некогда знаменитый актер, ныне ректор Школы-студии имени Немировича-Данченко Олег Табаков. Ну, Табаков — другое дело. Жрец искусства, лицедей... какой с него спрос? ●

ТУМАН ТАИНСТВЕННОСТИ И ВЕТЕР ГЛАСНОСТИ

“Хорошо то, что хорошо кончается. И хорошо то, что хорошо начинается. Ветер гласности рассеял туман таинственности над многими вопросами нашей жизни...” О чем это? Об убийстве Кирова? Терроре тридцатых годов? Начале войны в Афганистане? Катастрофе в Чернобыле?

Нет, до всего этого далеко, ох, как далеко. Ветер гласности, о котором повествует газета в номере от 19 августа, пока что рассеял туман таинственности над одним, четко обозначенным, участком нашей жизни — изменением “названий столичных улиц, площадей и т.п.”

Много это или мало? Все зависит от точки отсчета. Можно ликовать по поводу того, что объединенные усилия печати (“Известия”, “Литературная газета”, “Советская культура”, “Московская правда” и др.), писателей (Ю.Нагибина, М.Горбаневского, С.Залыгина, С.Разгонова) и просто граждан наконец-то возымели действие: двум московским улицам и одной станции метро возвращены их прежние названия. А можно удивляться: неужто вся это могучая армия общественности до такой степени бессильна в противоборстве с несколькими второразрядными чиновниками? И какова же плотность этого тумана, если общими усилиями из него с трудом удалось извлечь столь секретную инстанцию, как комиссия исполкома Моссовета по наименованиям улиц?..

Говоря “тоталитарный строй”, “железный занавес”, мы имеем в виду что-то такое ракетно-ядерное, что-то из сферы большой политики. А ведь речь идет и о куда более простых вещах. Например, о том, как будет именоваться старая московская улица и сохранится ли Поклонная гора или исчезнет как физико-геолого-географический объект... ●

Социалистическая ИНДУСТРИЯ

Газета Центрального Комитета КПСС

Основана в 1969 году ◆

◆ выходит ежедневно, кроме понедельника ◆ Цена 3 коп.

СДЕЛАЙ САМ!

В номере от 6 июня газета поместила небольшую заметку с волнующим заголовком "Как спастись от комаров". Тот факт, что заметка не снабжена рубрикой "Сделай сам!", ничего не меняет. Важна не рубрика, важна тенденция. Тенденция же достаточно наглядна. Могучая социалистическая индустрия (а равно и самое передовое в мире сельское хозяйство) все чаще обращается к гражданам с призывом: "Сделай сам!" Сам построй дом, сам отремонтируй водопроводный кран, сам посади и собери картошку. Генезис этого явления был известен уже классикам: "Спасение утопающих — дело рук самих утопающих".

Итак, для начала нам рекомендуют "следить, чтобы вблизи жилья не было стоячей воды, мелко-водя, — они быстро становятся местами выплода комаров. Поэтому надо засыпать землей все впадины, в которых может скапливаться или застаиваться вода".

К сожалению, автор не раскрывает техники и технологии засыпа. Надо полагать, что операцию, сообразно с новыми веяниями, следует механизировать. Домашний бульдозер, небольшой шагающий экскаватор или, на худой конец, гусеничный трактор с набором сменяемых агрегатов легко справятся с первой частью этой задачи.

Именно так — с первой частью, ибо комар, несмотря на свои ограниченные размеры, живуч и зловреден. Поэтому окна рекомендуется затянуть металлической (капроновой) сеткой или завесить ячеистой тканью, предварительно пропитанной средствами, отпугивающими комаров. Конечно, при этом возникнут некоторые побочные явления (духота, запах), но тут уж ничего не поделаешь — искусство требует жертв.

Но и эти жесткие меры обороны, увы, не гарантируют вам безопасности. Для надежной защиты следует повесить над кроватью полог из тюля, кисеи, марли и подвернуть его под матрац. А если и это не поможет ("когда комаров очень много"), надлежит использовать инсектициды в аэрозолях, например "Дихлофос". Инсектициды опасны? Ничего. Строго придерживайтесь инструкции, и все обойдется. Понятно, на время обработки из помещения полагается вывести домашних животных, убрать продукты, да и самим лучше находиться подальше.

Готово? Теперь откройте настежь двери и окна, предварительно занавесив их шторами, обработанными репеллентами, намажьтесь препаратом в виде лосьона, крема или аэрозоля, слабо оросите края простыни, наволочки, пододеяльника. И все — можете спать спокойно.

Есть, правда, еще одно (этого достаточно) средство. Купите в аптеке таблетки и простейшее электронагревательное устройство. Вложите в него таблетку и включите прибор в розетку. После этого вы можете открывать окна, закрывать окна — неважно. Важно, что ни один комар носа не подточит.

Вы спросите: где аптека? В любом городе любой страны. Только могучая социалистическая индустрия до сих пор не освоила эту простейшую электрохимию. Интересно, почему?●

ПЕРЕСТРОЙКА В ЭКСПОРТНОМ ИСПОЛНЕНИИ

Совет Министров СССР и ЦК КПСС приняли постановления "О мерах по совершенствованию управления внешнеэкономическими связями". Внешняя торговля — в советской экономике явление как бы чужеродное, носящее особый характер. Вопросы экспорта-импорта, подобно внешней политике или разведке, считаются сферой действия для избранных. Давно прошли патриархальные времена, когда с трибуны съезда партии можно было негодовать на поставку для экспорта заплесневелого сливочного масла или на импорт предметов роскоши для высшей бюрократии (Клим Ворошилов на XV съезде, 1927 г.).

Между тем внешняя торговля заслуживает самого пристального внимания общественности в целом и экономистов — в особенности. Конечно, советское хозяйство велико и имеет в основном замкнутый характер. Но все же за счет импорта образуется, а через экспорт потребляется примерно 6% валового общественного продукта страны. Это сопоставимо с тем весом, который имеют в народном хозяйстве такие важные отрасли, как транспорт и связь. Весь оборот внешней торговли составляет примерно десятую часть валового общественного продукта, практически столько же, сколько и строительство. Но роль внешней торговли и других форм внешнеэкономических связей — не только в количественных показателях. Как бы успешно ни работали обычные службы технической информации, как бы хорошо ни был поставлен промышленный шпионаж, поддержание приемлемого уровня техники и организации труда в СССР обеспечивается прежде всего развитием внешнеэкономических связей.

ВЕСТИ ИЗ СССР

Вот характерный пример. Согласно статистическим отчетам за первое полугодие прошлого года, 45% продукции советского машиностроения было причислено к высшей категории качества. Всем известно, с какой легкостью многие изделия получают пятиугольник "Знака качества". Однако проверка этой продукции по критериям, принятым за рубежом, которую провел Госкомитет по науке и технике, а также "практика поставки этой продукции на экспорт" показали, что удельный вес высококачественной продукции "намного ниже". Насколько — об этом авторы статьи в журнале "Внешняя торговля" (№ 7, 1986), откуда взят этот пример, красноречиво умалчивают. Видимо, правы злые языки, называющие "Знак качества" пятиконечной звездой, у которой один луч обман.

Прошлый год и начало нынешнего года оказались тревожными для советской внешней торговли. Вместо ежегодного прироста оборота в 10–15 млрд. валютных рублей, оборот 1985 г. превысил показатель предыдущего года лишь на 1,8 млрд., то есть на 1,3%. В первом полугодии нынешнего года оборот уменьшился по сравнению с шестью первыми месяцами 1985 г. Особенно серьезно сократился экспорт в развитые капиталистические страны. Объясняется это прежде всего резким снижением цен на нефть и другие виды сырья, служившие СССР основным источником твердой валюты.

Советский Союз в настоящее время стал тем, чем ранее пропаганда называла слаборазвитые страны — "сырьевым придатком империалистических государств". Доля машин, оборудования, химических продуктов и товаров народного потребления в советском экспорте сократилась с 27,7% в 1970 г. до 17,8% в 1984 г. Соответственно, сырье стало составлять пять шестых советского экспорта. В погоне за валютой нефтяные

запасы Восточной Сибири подверглись хищническому разграблению, и сейчас добыча нефти в СССР неуклонно снижается. Природе Сибири был нанесен большой ущерб. Потомкам долго еще придется страдать от последствий нефтяной лихорадки на Самотлоре в 70-е годы. Но и современникам это влетело в копеечку. В пересчете на реальную стоимость рубля сибирская нефть даже при продаже за твердую валюту не окупала расходы по ее добыче и разведке.

Внешняя торговля, естественно, тоже отреагировала на новые веяния в стране в связи с перестройкой. Был сменен руководитель ведомства: сидевший больше 20 лет на посту министра Н.Патоличев был заменен Б.Аристовым. В духе времени новый министр начал с критики ошибок предшественника. В подписанной министром статье в пятом номере журнала "Внешняя торговля" за нынешний год говорится: "Нельзя считать нормальным значительный импорт проката черных металлов, труб, бумаги, хлопка, ряда химических и сельскохозяйственных продуктов, которые можно и нужно производить в достаточном количестве собственными силами". Однако несколькими страницами далее министр опровергает сам себя: там опубликовано подписанное Б.Аристовым советско-индийское торговое соглашение и приложенный к нему список товаров, которые ведомство нового начальника обязалось ввозить из Индии. Есть среди этих товаров и прокат черных металлов, и хлопок. Министру хорошо известно то, что знает любой советский хозяйственник: надежных труб большого диаметра советская промышленность в достаточных количествах производить не может; прокат любых профилей — дефицит; узбекский хлопок разворован, да и производство его обходится дороже, чем закупки в Египте и Индии (так показали исследования, проведенные еще 20 лет назад). Что же касается производства мяса и зерновых "в достаточном количестве и собственными силами", то вряд ли это нужно понимать как призыв вернуться на полвека назад — к доколхозному сельскому хозяйству.

Новые постановления партии и правительства в своей содержательной части напоминают другие решения о перестройке, принятые новым руководством. Создано еще одно бюрократическое ведомство, называемое Государственной внешнеэкономической комиссией Со-

вета Министров СССР. Как нечто новое отмечается, что с 1 января 1987 г. более чем двадцати министерам и ведомствам будет предоставлено право непосредственного осуществления экспортно-импортных операций, включая рынки капиталистических и развивающихся стран. Но таких ведомств и ранее было свыше двадцати. К ним относились и само Министерство внешней торговли (МВТ), и Госкомитет по внешним экономическим связям (ГКЭС), осуществляющий капитальное строительство в социалистических и развивающихся государствах (включая военные объекты), Центросоюз, парохозяйства морского флота и Дуная, Аэрофлот, Министерство связи, "Интурист", Госкомитет по печати, Управление по обслуживанию дипкорпуса МИД и многие другие.

Есть в постановлении и элемент новизны, о котором иногда говорят чуть ли не как об отходе от принципа монополии внешней торговли. Семьдесят крупнейших предприятий и объединений также получили право самостоятельных внешнеторговых операций. Обещано, что список таких предприятий будет расти. Но радоваться рано: 70 привилегированных предприятий разрешено свободно торговать отнюдь не с зарубежными партнерами, а с ... советскими внешнеторговыми организациями. Просто на этих предприятиях будут созданы свои внешнеторговые фирмы и отделы. К тому же МВТ и ГКЭС "будут осуществлять контроль за внешнеторговыми операциями с целью обеспечения общегосударственных интересов". Означает ли это, что советская экономика вот-вот перейдет на югославо-польско-венгерско-китайский путь? Делать такой вывод было бы преждевременным.

Дело в том, что экспортные задания всегда были проклятием для любого предприятия. В аппарате отдела внешней торговли Госплана, заваленном заявками на импорт, "выбивание экспорта" из предприятий считалось задачей высшей категории трудности. Как ни странно, горбачевская перестройка лишь усложнила положение. В ходе перестройки чуть ли не на первое место при оценке работы предприятия вышел показатель реализации продукции с учетом заключенных предприятием договоров на поставку. Это ударило прежде всего по экспорту, где требования о сроках поставок приходится соблюдать особенно строго. Журнал "Внешняя торговля" (в уже упоминавшейся статье) меланхолически

отмечает: "Предприятиям легче выполнить договорные обязательства перед внутренними потребителями, нежели обеспечить поставки в срок экспортных изделий". Проще говоря, внутренний потребитель, то есть советский партнер, съест, что дают и когда дают, а на экспорт давай не только лучше, но и вовремя. Можно полагать, что робкая попытка введения новых порядков во внешней торговле имеет целью нейтрализовать губительный для нее эффект перестройки.

Уже больше года в системе внешней торговли проводится модное ныне хозяйственное мероприятие: так называемый комплексный экономический эксперимент. Эксперимент предусматривает и кнут — расчет с промышленностью на основе реально получаемых при экспорте внешнеторговых цен (а это гроши по сравнению с затратами), и пряник — надбавка за качество — 20%, за экспортное исполнение — 30%. Постановление добавляет еще один — главный пряник: возможность использовать какую-то часть валютной выручки от экспорта на нужды предприятия. Однако привлекательность этого пряника резко уменьшается от того, что возможность воспользоваться валютной выручкой для предприятия-экспортера ограничена торговлей только со странами СЭВ. На что пойдет эта вырученная "социалистическая валюта"? На закупку оборудования для предприятия, ну и еще — "для медицинских частей предприятий". Сами работники от этого нововведения не получают ничего.

Новые постановления — это еще одна попытка имитировать реальную хозяйственную политику, не нарушая основ централизованного руководства всем и всеми. Эта хитрость в свое время уже с треском провалилась в Польше эпохи Герца. Тогдашнее руководство страны решило осуществить массовый импорт (разумеется в кредит) высококачественного западного оборудования, надеясь, что в сочетании с дешевой рабочей силой это даст возможность получать высококачественную и дешевую продукцию. Ожидалось, что таким образом удастся и оплатить кредиты, и получить прибыль, и заложить основы для технического обновления экономики. Этого не произошло и не могло произойти, так как система оплаты труда в Польше осталась прежней. Соответственно, прежним осталось и качество продукции.

Все попытки создать из внешней торговли некий остров рыночного хозяйства в море пла-

новой централизованной экономики всегда приводили к тяжелым экономическим и социальным кризисам. Румыния и Польша — лишь наиболее яркие примеры. Венгрия, Китай и даже Югославия начинают сознавать, что надо или идти дальше, или бить отбой и возвращаться к устарелым моделям сталинской эпохи. Но возможен ли такой возврат? ●

СОВЕТСКОЕ ЗОЛОТО

В 1985—1986 гг. произошло значительное падение курса американского доллара — чуть ли не в полтора раза по сравнению с достигнутым в 1983—1984 гг. максимумом. Обычно падение доллара автоматически ведет к повышению цен на золото: банки стараются избавиться от "подешевевшей" валюты и увеличить запасы драгоценного металла.

На этот раз почему-то, так не случилось. Специалисты быстро разобрались — почему. Причиной было то, что Советский Союз выбросил на мировой рынок огромные количества золота и сразу резко сбил цену.

После Южной Африки СССР — самый главный производитель золота. Однако лишь в последнее десятилетие продажа Советским Союзом золота на мировом рынке приняла поистине циклопические размеры. Вот как изменялось количество проданного золота и полученный от этого доход в 80-е гг. (для текущего года — по предварительной оценке):

	Количество (тонн)	Стоимость (млрд. долларов)
1980	90	1,76
1981	280	4,14
1982	207	2,46
1983	93	1,27
1984	205	2,37
1985	275	2,80
1986	350	3,80

Не от хорошей жизни приходится распродавать золотой запас: ведь и самые богатые месторождения исчерпаемы. Но иного выхода нет: цены на нефть и природный газ падают. Урожай из года в год оказывается ниже всех ожиданий. Одна Чернобыльская катастрофа потребует много дополнительных миллиардов.

Слаборазвитой стране, не имеющей что предложить на рынок передовых промышленных стран, только и остается расплачиваться золотом. ●

НЕОЖИДАННЫЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ ПОЛИЗАКЛЮЧЕННЫХ

5 октября был освобожден из заключения основатель Московской Хельсинкской группы, член-корреспондент Академии Наук Армянской ССР профессор Юрий Орлов. Его доставили из якутского поселка Кобяй, где он отбывал пятилетнюю ссылку (после семи лет лагерей), в Москву, в Лефортовскую тюрьму. Там ему через несколько дней зачитали указ Президиума Верховного Совета о лишении советского гражданства, отвезли в аэропорт Шереметьево и посадили в самолет, где его уже дожидалась жена. Самолет стартовал на Нью-Йорк.

Освобождение Орлова явилось частью советско-американской сделки. Советский Союз согласился освободить американского корреспондента Николаса Данилова (см. предыдущий номер журнала), а также Юрия Орлова. США освободили арестованного в Нью-Йорке советского шпиона Геннадия Захарова. Обмены подобного рода бывали неоднократно и раньше (например, такой обмен привел к освобождению Анатолия Шаранского). Последний обмен был для Советского Союза особенно важен: "дело Данилова" грозило сорвать намечавшуюся встречу в верхах.

Не вызывают удивления и освобождения "покаявшихся" политзаключенных. Как бы ни были вымучены эти жалкие "раскаания", для КГБ — это психологическая победа, и в соответствии с сегодняшним курсом КГБ за это платит. В последнее время таких "раскааний" было несколько.

Что на самом деле удивительно — так это целый ряд освобождений политических заключенных, произведенных в этом году, как говорят дипломаты, "без всяких предварительных условий". Этих политзаключенных не меняли, они не "раскаивались" и не просили о помиловании.

В начале 1986 г. был неожиданно освобожден из Могилевской спецпсихбольницы эстонец Яанус Пихелгас.

В феврале этого года прокуратура опротестовала приговор, вынесенный ленинградскому филологу, участнику православного семинара Владимиру Порешу (см. "Страна и мир", № 12, 1985). Пореш был освобожден и за "пересаживание" ему была выплачена компенсация (!). В апреле в Ригу из заключения досрочно вернулся поэт Вла-

димир Френкель, еврейский активист и религиозный философ. В мае освободили горьковчанина Самуила Эпштейна, в свое время активно помогавшего семьям политзаключенных. В июле неожиданно вернулись домой участник латышского национального движения Интс Цалитис и грузинский "националист" Вахтанг Шония. В том же месяце был освобожден и выпущен за рубеж долголетний узник лагерей и психиатрических тюрем Александр Шатравка, участник неофициального движения за мир. Говорят, что это была уступка советскому нобелевскому лауреату (премия Мира) Евгению Чазову (он обращался с просьбой об освобождении Шатравки в Президиум Верховного Совета), но тем не менее надо отметить, что "раскаания" от Шатравки не потребовали.

В августе неожиданно из Ленинградской спецпсихбольницы (см. "Страна и мир" № 4, 1986) был освобожден и немедленно выпущен в Англию Николай Баранов — один из самых долгих сидельцев в СПБ. В сентябре за Шатравкой последовал его коллега по неофициальному движению за мир врач-анестезиолог Владимир Бродский.

В сентябре была досрочно освобождена из лагеря член Московской Хельсинкской группы Татьяна Осипова. Ее направили в ссылку (которую все же не отменили) — туда же, где находится в ссылке ее муж, также член Хельсинкской группы Иван Ковалев.

Последнее такое "безусловное" освобождение состоялось 9 октября. В Киеве была освобождена поэтесса Ирина Ратушинская, отбывавшая семилетний срок лагерей, за которым должна была последовать пятилетняя ссылка. С одной стороны, можно сказать, что это освобождение было специально приурочено ко встрече Р.Рейгана с М.Горбачевым в Рейкьявике, чтобы укрепить позиции советского лидера. Это верно. Но заслуживают внимания и другие обстоятельства освобождения И.Ратушинской.

Ирину привезли в Киев еще в июле. Перед отъездом из лагеря ей сказали, что ее везут "освобождать", и она даже раздала подругам вещи, которые ей уже более не были нужны. Но сразу ее все-таки не выпустили. 2,5 месяца ее уговаривали написать — пусть не "раскаание" — хотя бы просьбу о помиловании. Ратушинская категорически отвергла это предложение и запретила писать просьбу о помиловании даже сво-

им близким. Дело Ратушинской получило огромный резонанс за рубежом. Стало широко известно и о давлении на Ратушинскую, и о ее твердой позиции. Выпустить Ирину в таких обстоятельствах – значит, с точки зрения КГБ, "потерять лицо".

И тем не менее Ирина Ратушинская была освобождена. Ее привезли домой и сказали: "Вы свободны".

Такой шаг можно только приветствовать. Это никоим образом не "потеря лица", а разумное и достойное решение.

Хочется надеяться, что это лишь первые шаги. В списках, имеющих в распоряжении нашего журнала, еще 800 политических заключенных. Это только те, чьи имена мы знаем. А сколько всего? По нашим оценкам около четырех тысяч.●

ДЕЛО ФОНДА ПОМОЩИ ПОЛИТЗАКЛЮЧЕННЫМ

5 мая 1986 г. КГБ возбудил дело против Русского общественного Фонда помощи политзаключенным и их семьям. По этому делу, получившему номер 106, пока еще не предъявлено обвинений каким-либо определенным лицам, но имеется много "подозреваемых". Дело возбуждено по части 2 статьи 70 Уголовного кодекса РСФСР.

Старые российские традиции помощи заключенным никогда не умирали в нашей стране. Не будем здесь вспоминать о 20-х годах, о "Политическом Красном Кресте", руководимом Е.Пешковой. Скажем лишь об организации помощи политзаключенных уже в наше время. Одним из пионеров этой помощи был математик Владимир Альбрехт, заслуживший ласковое прозвище "Дед Мороз" – занявшийся этой деятельностью еще в начале 70-х годов. (В 1983 г. В.Альбрехт был арестован, приговорен к 3 годам лагерей, позднее в лагере получил новый срок.) Пыталась организовать помощь заключенным и так называемая "Группа-73", в которую входили Владимир Архангельский, Андрей Твердохлебов, священник Сергей Желудков и многие другие. Но, конечно, по-настоящему организованной и массовой помощью стала с основанием Русского Общественного Фонда.

Фонд был создан Александром Солженицыным в 1974 г. после его насильственной высылки из СССР. Президентом Фонда стала его жена Ната-

лья Солженицына. Фонду были переданы мировые права на книгу А.Солженицына "Архипелаг ГУЛАГ". Целью Фонда было помочь физически выжить лицам, арестованным за их убеждения – вне зависимости от их политических взглядов, национальности, вероисповедания. Даже поведение на следствии и на суде не играло роли в получении заключенным помощи – и духовно сложенный человек имеет право на получение гуманитарной помощи. И разумеется, важной целью Фонда было оказание помощи семьям политзаключенных.

Первым распорядителем Фонда стал друг А.Солженицына Александр Гинзбург. Как отмечала Н.Солженицына, А.Гинзбург обладал совершенно исключительными качествами для этой работы: доброта, бесстрашие, спокойствие, редкая память. В феврале 1977 г. А.Гинзбурга арестовали – позднее он был приговорен к 8 годам лагерей строгого режима. В 1979 г. его в составе группы политзаключенных обменяли на нескольких советских шпионов, арестованных в США.

Полные отчеты о деятельности Фонда по понятным причинам никогда не публиковались. Известно, однако (об этом было сообщено на пресс-конференции после ареста А.Гинзбурга), что в среднем Фонд помогал тогда 700 семьям в год. Согласно статусу Фонда, помощь оказывалась детям и престарелым родителям заключенных, ссыльным, старикам и инвалидам в заключении, бессемейным заключенным. Эпизодически Фонд оказывал помощь на передачи, посылки и бандероли заключенным, на поездки на свидания, подписку на журналы и газеты, оплату адвокатов, оказывал разовую помощь освобождающемуся (на первое обзаведение).

После ареста А.Гинзбурга распорядителями Фонда стали Мальва Ланда, Татьяна Ходорович и Кронид Любарский. М.Ланда, однако, вскоре была осуждена на ссылку, а К.Любарский и Т.Ходорович были принуждены к эмиграции. Им на смену пришли жена А.Гинзбурга Арина Жолковская и Сергей Ходорович. Когда же в 1980 г. А.Жолковская выехала из СССР к мужу, единственным объявленным распорядителем Фонда остался Сергей Ходорович.

Единственным объявленным – ибо необъявленных помощников у распорядителей (начиная с А.Гинзбурга) всегда было очень много. Да это и естественно. Один человек просто физически

не в состоянии закупать продукты, паковать посылки и бандероли, встречаться с сотнями людей, отправлять сотни переводов и т.д. и т.п.

Жизнь С.Ходоровича в качестве распорядителя Фонда была нелегкой. Его неоднократно увольняли с работы, подвергали обыскам, арестовывали на 15 суток. К нему подсылали уголовников (или тех, кто под них маскировался) с требованиями денег под угрозой ножа. И конечно, невероятная физическая нагрузка, нервное напряжение.

Большим ударом для Фонда был арест представителя Фонда в Ленинграде Валерия Репина. До своего ареста В.Репин тянул на себе огромную работу и заслужил благодарность многих и многих заключенных и членов их семей — они и по сей день вспоминают его добрым словом. Но В.Репин оказался человеком слабым — видимо, под угрозой предъявления обвинения по ст.64 — измена Родине — он не только признал себя виновным, но и назвал всех известных ему помощников Фонда, всех известных ему заключенных, получавших от Фонда помощь. Его вынудили также сделать заявление о том, что Фонд — филиал ЦРУ, которое за деньги получает от заключенных секретную информацию. Велика, кстати, власть штампов над людскими умами. Допустим на минуту, что В.Репин сказал правду. Но ведь это означает, во-первых, что в СССР секретна информация о том, как обращаются с заключенными, чем их кормят, к какому труду понуждают — секретна, потому что постыдна; во-вторых, что ЦРУ, значит, готово тратить деньги на помощь инвалидам-заключенным, детям узников совести. Можно ли представить себе в такой роли КГБ?

"Покаявшийся" В.Репин получил очень мягкий приговор. Но через несколько дней после того как В.Репина вывели с его покаянием на телевизионный экран, (в апреле 1983г.) был арестован и Сергей Ходорович. Он не каялся. Результатом был трехлетний лагерный срок, а затем и новое, лагерное дело — "злостное неподчинение требованиям администрации", новый трехлетний срок. С.Ходорович до сих пор в лагере в г.Норильске.

После ареста С.Ходоровича короткое время Фондом руководил переводчик Андрей Кистяковский, который, однако, из-за тяжелой болезни был вынужден сложить с себя эту обязанность. С тех пор Фонд не имеет открыто

объявленного распорядителя.

Интересно, что на всех процессах против руководителей Фонда сам Фонд открыто не упоминался. Против него велась разнузданная газетная кампания, но официально назвать гуманитарную помощь преступной еще не решались.

11 января 1984 г. был сделан следующий шаг. Во вторую часть статьи Уголовного кодекса об "антисоветской агитации и пропаганде" было введено дополнение. Отныне стало считатьсяотягчающим обстоятельством, если эта, так называемая "агитация" проводилась "с использованием денежных средств или иных материальных ценностей, полученных от иностранных организаций или лиц, действующих в интересах этих организаций".

Проведение "антисоветской пропаганды" при отягчающих обстоятельствах наказывается сроком до 10 лет лагерей и 5 лет ссылки. Формально оказание помощи само по себе еще не считается преступлением, оно становится им лишь в совокупности с "пропагандой". Однако Кириллу Попову, например, (см. "Страна и мир", № 5, 1986 г.) оказание помощи политзаключенным было прямо поставлено в вину, так как эта помощь, дескать, "укрепляла" в политзаключенных "их антигосударственные настроения".

По этой статье и было теперь возбуждено дело против Фонда. 18 июля 1986 г., газета "Советская Россия" опубликовала статью "Операция Фонд". Центральное место в статье занимает "разоблачение" 80-летней бывшей политзаключенной Вильгельмины Германовны Славуцкой-Магидсон, которая, "действуя вместе с мужем Н.И.Славуцким", "получала из-за рубежа деньги для переправки по назначению". В статье содержались также нападки на покойных сотрудниц Фонда Н.И.Столярову и Л.Б.Туманову (см. "Страна и мир", № 5, 1985). Статья явно идет по следам вновь открытого "дела".

Пока еще никто не арестован. Идут допросы. Перед своим освобождением и высылкой из СССР был допрошен по этому делу проф.Юрий Орлов, основатель Московской Хельсинкской группы. Фонд пытаются "связать" с Хельсинкским движением в СССР.

Недавние освобождения ряда политзаключенных в СССР могли бы вселить какую-то, пусть малую надежду на изменения в репрессивной политике властей. Позорное дело против Фонда значительно ослабляет такие надежды.

ЧЕРНОБЫЛЬСКАЯ ТРАГЕДИЯ

Статья вторая

Первой реакцией советских властей на катастрофу 26 апреля было желание скрыть даже самый ее факт: мир впервые узнал о происшедшем из Швеции. Сейчас, задним числом даже трудно понять, как вообще можно было надеяться замолчать такое событие, эхо которого неизбежно должно было перейти через все государственные границы. Вероятно те, кто принимал решение, не рассуждали вообще. Воедино слились страх, растерянность, семидесятилетняя традиция молчания, ставшая уже инстинктом.

Лишь буря возмущения, прокатившаяся по всему миру, и нарастающая паника в своей собственной стране заставили власти сдать позиции. Шестого мая состоялась пресс-конференция, 14 мая выступил по телевидению М. Горбачев. Сказано было немного — лжи больше, чем правды, но все же сказано. Возмущение всего мира было представлено как волна антисоветской истерии, поток клеветнических измышлений.

Действительно, в тот период на страницах западных газет можно было встретить самые невероятные утверждения. Но это не были измышления. Это была естественная реакция — отчаянная попытка хоть как-то заполнить тот вакуум информации, который создали советские власти. Было известно, что случилось нечто, представляющее угрозу для всех. Но что? Приходилось ловить все слухи, обрывки слухов, поступавшие из Советского Союза. А в Советском Союзе знали еще меньше, чем на Западе, и машина слухов порождала подчас нечто фантастическое. "Антисоветская истерия" Запада — лишь отражение паники лишенного какой-либо информации, напуганного населения в самом Советском Союзе.

С возмущением мирового общественного мнения власти, возможно, и смирились бы, к этому они привыкли. Хуже было другое: молчание приводило к тому, что масштабы событий в глазах всего мира и собственного населения не сокращались, наоборот, разрастались. Примерно во второй половине мая было принято решение "открыть" Чернобыль. На страницах газет стали появляться многочисленные репортажи, на двадцатый день со дня катастрофы чернобыльская тема была открыта для кинодокументалистов, по телевидению замелькали кадры из Чернобыля.

Каковы бы ни были мотивы, заставившие советское руководство принять это решение, оно заслуживает всяческого одобрения. Жестокий урок Чернобыля в немалой степени помог расширению кампании гласности, которая развернулась сейчас на страницах газет.

Правда, нужно заметить, что репортажи, хроники, свидетельства, речи, стихи и даже пьесы на темы Чернобыля, буквально заполонившие советские газеты, имели несколько односторонний характер. Лишь в немногих из них, чаще всего в малых местных газетах, можно было встретить обрывки точной, конкретной информации о том, что же именно произошло. Газеты более сосредоточивались на мужестве тех, кто ликвидировал последствия аварии. "Суровые будни Чернобыля" использовались для того, чтобы за героизмом граждан спрятать просчеты руководства. Чернобыль изображали как нечто такое, за что мир должен быть благодарен Советскому Союзу. Писатель Виталий Коротич, например, утверждал, что советские люди еще раз, как в 41-м, спасли старушку Европу, прикрыв ее своей грудью. Ему вторил Е. Евтушенко, воспевавший подвиги чернобыльского героя:

и не знает никто —
 сколько стран он прикрыл,
 сколько крыш, —
 может быть, и моих сыновей,
 и тебя, скандинавский малыш.

А от чего, спрашивается, прикрыл?

Второй переломный момент наступил в августе, когда Советский Союз представил в МАГАТЭ (Международное агентство по атомной энергии) двухтомный отчет "Авария на Чернобыльской АЭС и ее последствия". Отчет был подготовлен для совещания экспертов МАГАТЭ по рассмотрению последствий аварии, которое состоялось в Вене 25–29 августа. В первом томе отчета, содержащем обобщение материала, — 77 страниц. Второй том содержит "Приложения" — более детальное и более техническое изложение некоторых узловых вопросов. В нем 388 страниц.

Это поразительный документ. Поражает он прежде всего своей откровенностью и подробностью — это нечто такое, чего от советского отчета никто не ожидал. Нет никакого сомнения, что развитие событий в Чернобыле и вокруг него описано в нем точно, без попыток что-либо скрыть — по крайней мере в том, что касается вопросов технических, научных, медицинских. Фальсифицировать такой отчет, полный технических деталей, цифр, таблиц, схем, рисунков, без того, чтобы ложь не выперла на стыках, попросту невозможно.

Отчет произвел на собравшихся в Вене экспертов большое впечатление. Прежде всего — своим высоким профессионализмом, объемом и тщательностью работы, проведенной за столь короткий срок. И еще более — именно откровенностью.

Тон совещанию задал глава советской делегации акад. В. А. Легасов, зам. директора Института атомной энергии им. И. В. Курчатова, один из авторов отчета. Свое выступление он начал с заявления, что он и его коллеги "испытывают тяжелое чувство, ибо они делятся не результатами успешного эксперимента с атомным ледоколом или с зондом, направленным к комете Галлея, а болезненным опытом, тем, что стало для нас великой трагедией и вызвало беспокойство всего мира".

На совещании сразу же установилась атмосфера товарищества, сопереживания. Все старались, как заметил В. Легасов, в максимальной степени проявить чувство солидарности. Если советские руководители хоть в малой степени сами верили в то, что на Западе велась антисоветская кампания, венское совещание должно было окончательно убедить их в обратном. Оказалось, что для прекращения "кампании клеветы" и "антисоветских выпадов" надо не так уж много — нужно самим перестать лгать и изворачиваться. Правило, которое было бы очень полезно применять не только на экспорт, но и по отношению к критикам внутри собственной страны.

Советским представителям было задано свыше 700 вопросов, на часть они ответили в Вене, на остальные должны позднее ответить письменно. Эксперты старались тщательно избегать таких вопросов, которые могли быть восприняты как враждебные. Даже те, кто, возмущившись первоначальной советской скрытностью, готовились эти вопросы задать, отказались от своего намерения, ознакомившись с отчетом.

Между тем спрашивать было о чем. Откровенный в научно-технических вопросах отчет тщательно обходит все острые углы, когда речь заходит о действиях администрации, партийных и правительственных органов. В нем не обсуждается ни система оповещения об аварии, ни медлительность действий как местных властей, так и правительства в первые решающие дни, ни задержка в эвакуации и ее организация, ни первоначальное упорное молчание о случившемся. Это та сфера, на которую новая советская "открытость" пока еще не распространилась.

Очень сдержан отчет и в своих выводах. Авторы максимально стараются снизить степень ответственности руководства за происшедшее, переложить ее на плечи персонала самого нижнего уровня, стараются избежать обсуждения врожденных пороков советской атомной программы. Обо всем этом мы еще поговорим позже.

И наконец последнее. Советский отчет передан экспертам в Вене и стал широко известен на Западе. Но он до сих пор не предан гласности в Советском Союзе. Советские средства массовой информации ограничились очень кратким сообщением о пресс-конференции, на которой председатель Госкомитета по использованию атомной энергии А. М. Петросьянц представил отчет. В газетном сообщении — краткое изложение лишь одной и, пожалуй, самой маловажной ошибки операторов. Все прочее занимают общие слова и ответ на вопрос корреспондента болгарской газеты "Работническо дело" о мирных инициативах М. Горбачева. Не больше информации и в газетных сообщениях из Вены, где отчет обсуждался экспертами.

Обидно. Обидно, что после всего пережитого и, казалось, понятого, пресловутая гласность вновь оказалась ущербной. Люди в нашей стране вправе знать все об одном из самых тяжелых эпизодов нашей послевоенной истории. В конце концов, это наша страна добавила третье имя в пока коротком, но трагическом перечне: Хиросима—Нагасаки—Чернобыль...

Это сопоставление отнюдь не литературного свойства, что, впрочем, признал и сам М. Горбачев. Выступая 18 августа по телевидению в связи с продлением моратория на ядерные испытания, он указал, что взрыв даже маленького ядерного устройства будет "равен трем Чернобылям". Не ста, а всего лишь трем. Это значит, что Чернобыль — это треть Хиросимы. Позднее мы увидим, что на самом деле ситуация гораздо серьезнее.

Если советская пресса пока еще не в состоянии выполнить свой гражданский долг, это приходится делать прессе зарубежной. Мы публикуем ниже подробное изложение официального советского отчета. К сожалению, отчет невозможно опубликовать полностью, и не только из-за его объема. Составленный для специалистов, он и написан, в основном, специальным языком, для широкого читателя зачастую непонятным. Поэтому многие места отчета мы приводим в пересказе, с необходимыми комментариями и пояснениями, иногда чуть упрощая изложение. Во всех тех случаях, когда это оказалось возможным, мы цитируем точный текст отчета (эти места выделены далее курсивом и кавычки при этом не ставятся). При изложении и комментировании мы широко пользовались также дополнениями и разъяснениями, которые советские представители сделали позднее в Вене.

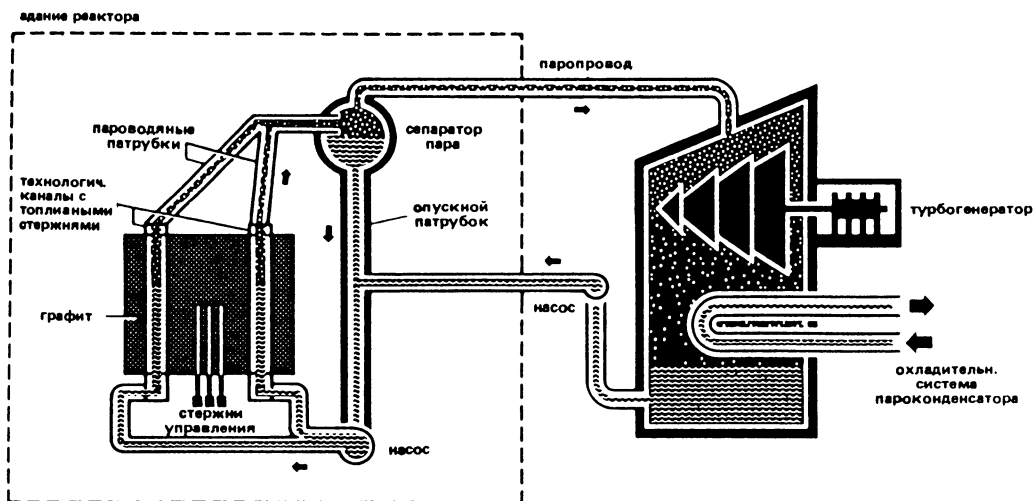
В ряде мест мы привлекали также информацию, почерпнутую из советских газет, — тогда, когда она дополняет или, наоборот, контрастирует с утверждениями отчета. Мы сознательно старались не использовать имеющуюся в нашем распоряжении дополнительную неофициальную информацию — письма, рассказы очевидцев — даже тогда, когда были все основания считать эту информацию надежной. Нам хотелось сделать рассказ максимально документальным. То, что известно официально, само по себе достаточно страшно, чтобы нуждаться в дополнительном расцвечивании.

Знакомство с отчетом показывает, что в принципе то представление о случившемся в Чернобыле, которое сразу сложилось у зарубежных специалистов, было правильным. Что действительно оказалось новым и неожиданным — это раскрытие тех "человеческих ошибок", на которые советские представители глухо намекали ранее. Такой степени безответственности персонала АЭС действительно не мог предвидеть никто.

Реактор РБМК-1000

Чтобы ход драматических событий на 4-м блоке Чернобыльской АЭС стал вполне ясен, напомним вкратце устройство установленных на этой электростанции ядерных реакторов РБМК-1000.

РБМК-1000 принадлежит к числу **т е п л о в ы х** реакторов, в которых ядерная реакция идет с участием тепловых, то есть медленных нейтронов. Нейтроны, выделяющиеся при делении ядер атомов урана — "ядерного топлива", захватываются потом

Принципиальная схема реактора РБМК-1000

другими урановыми ядрами. При каждом таком захвате происходит новое деление с испусканием нескольких нейтронов, и процесс повторяется — идет цепная реакция. В тепловом реакторе нейтроны проходят через **замедлитель** — вещество, в котором они теряют значительную часть энергии, а значит, и скорости. Медленные нейтроны легче, чем быстрые, захватываются ядрами урана. Значит, в тепловых реакторах частота делений урановых ядер больше, и поэтому в них можно загружать относительно меньшее количество топлива.

В реакторе РБМК замедлителем служит графит. В реакторах иных типов в качестве замедлителя используются другие вещества, содержащие легкие ядра, — чаще всего вода или углекислый газ.

При распаде ядер урана выделяется тепло — это, собственно говоря, и есть та энергия, которую производит реактор. Тепло это надо из реактора отводить — во-первых, для того, чтобы использовать его по назначению, во-вторых, чтобы уберечь реактор от перегрева. Отвод тепла производится протекающим через реактор **теплоносителем**. В РБМК это вода, в других реакторах кроме воды теплоносителем могут служить органические жидкости, углекислый газ, гелий.

Конструктивно реактор устроен следующим образом. Активная зона его сложена, как из кубиков, из графитных блоков сечением 25 см x 25 см. Вдоль осей этих блоков проходят вертикальные каналы. Всего в реакторе 1661 так называемый технологический канал и 211 каналов управления. В технологических каналах проложены металлические трубы. По оси труб проходят пучки **тепловыделяющих элементов** — **твэлов**, состоящих из топлива — двуокси урана, заключенного в циркониевую оболочку.

Твэлы омываются водой, которая подается в технологические каналы и отводится из них специальными трубопроводами. В РБМК-1000 имеются две петли водяного охлаждения: половина технологических каналов подключена к одной петле, половина — к другой. Каждую петлю обслуживают три главных циркуляционных насоса и один резервный.

Вода в технологических каналах нагревается до кипения и частично испаряется. Смесь пара и воды поступает в два барабана — гравитационных сепаратора, где пар отделяется от воды. Сухой пар идет на турбины генератора, а вода вместе с конденсатом пара вновь поступает на главные циркуляционные насосы и далее в реактор.

Реактор — объект, состояние которого постоянно меняется. В нем выгорает урановое топливо, которое время от времени надо заменять, причем выгорает неравномерно. Меняется и съем энергии с реактора. Поэтому реактор нуждается в непрерывном контроле и регулировании. Его мощность необходимо поддерживать на заданном уровне, следить за тем, чтобы выделение энергии происходило по массе реактора равномерно. Это делается при помощи 211 стержней из карбида бора, которые могут перемещаться вверх и вниз в каналах управления. Бор сильно поглощает выделяющиеся при ядерной реакции нейтроны. Поскольку скорость цепной реакции зависит от величины потока нейтронов, то, регулируя поглощение нейтронов, можно регулировать скорость реакции. Когда стержни-поглотители выдвинуты из активной зоны — реакция ускоряется, мощность растет; когда, наоборот, вдвинуты внутрь — мощность падает.

В реакторе имеется несколько систем автоматического регулирования, которые по сигналам датчиков-измерителей перемещают стержни вверх и вниз. В зависимости от условий — прежде всего от мощности реактора — используют ту или иную систему регулирования.

Естественно, в такой сложной конструкции, как ядерный реактор, всегда существует опасность самых различных аварий. Создатели его, конечно, предусмотрели на этот случай соответствующие меры. В их числе — система аварийной защиты, когда в реактор вводятся до конца сразу все стержни управления, и ядерная реакция прекращается; система аварийного охлаждения реактора, срабатывающая при нарушениях нормальной системы охлаждения; система защиты от превышения давления в технологических каналах и многие другие.

Таково, в самых общих чертах, устройство реактора РБМК-1000. Знание его необходимо для понимания того, что случилось на Чернобыльской АЭС в ту роковую ночь с 25 на 26 апреля.

Путь к катастрофе

На 25 апреля была запланирована остановка 4-го блока АЭС на средний ремонт — блок находился в эксплуатации с декабря 1983 г., и профилактический ремонт был необходим. "Завершающий год одиннадцатой пятилетки был для Чернобыльской АЭС необычный — здесь действовали на полную мощность сразу все энергоблоки. Подобного еще не было за всю историю эксплуатации атомного богатства. Раньше ежегодно, согласно графику, хотя бы один из энергоблоков останавливали на плановый ремонт: он длился в зависимости от его сложности от 15 до 80 суток. Благодаря сокращению сроков ремонта графики удалось совместить. И годовое производство электроэнергии достигло в прошлом году рекордной цифры — 28 миллиардов киловатт-часов" ("Известия", 6 января 1986 г.). Рекорды — рекордами, но рано или поздно ремонт нужен.

Перед остановкой были запланированы испытания турбогенератора № 8 в режиме выбега с нагрузкой собственных нужд. Цель этих испытаний — экспериментально проверить возможности использования механической энергии ротора отключенного по пару турбогенератора для поддержания производительности механизмов собственных нужд блока в условиях обесточивания. Потребность в такого рода эксперименте связана с тем, что даже полностью выключенные реакторы нуждаются во внешних источниках энергии — например, для работы насосов, прогоняющих воду через реактор, чтобы отводить тепло, генерируемое в реакторе в результате самопроизвольного радиоактивного деления. В Чернобыле были, конечно, запасные источники энергии: батареи, три дизель-

ных генератора мощностью 5500 кВт. Батарей, однако, достаточно лишь для питания ряда контрольных и измерительных систем, но не для питания охладительных насосов, которые нельзя остановить ни на секунду. Поэтому энергия "выбегавшего" турбогенератора необходима до тех пор, пока не будут запущены аварийные дизели. Техническая задача состояла в том, чтобы поддерживать необходимое напряжение (в Чернобыле — 6 кв) как можно дольше.

При надлежащем порядке выполнения испытаний и принятии дополнительных мер безопасности проведение такого рода испытаний на работающей АЭС не запрещалось. Однако, как сообщили в Вене советские делегаты, необходимость таких экспериментов не раз ставилась под сомнение. Подобные испытания уже проводились ранее на этой станции. Тогда было выяснено, что напряжение на шинах генератора падает намного раньше, чем расходуется механическая энергия ротора при выбеге. В испытаниях, намеченных на 25 апреля 1986 г., предусматривалось использование специального регулятора магнитного поля генератора, который должен был устранить этот недостаток. Однако "Рабочая программа испытаний турбогенератора № 8 Чернобыльской АЭС", в соответствии с которой они должны были проводиться, не была должным образом подготовлена и согласована.

Качество программы оказалось низким, предусмотренный в ней раздел по мерам безопасности составлен чисто формально. (В нем указано лишь то, что в процессе испытаний все переключения делаются с разрешения начальника смены станции, в случае возникновения аварийной ситуации персонал должен действовать в соответствии с местными инструкциями, а перед началом испытаний руководитель испытаний — инженер-электрик, не являющийся специалистом по реакторным установкам, — проводит инструктаж дежурной вахты.) Помимо того, что в программе по существу не были предусмотрены дополнительные меры безопасности, ему предписывалось отключение системы аварийного охлаждения реактора. Это означало, что в течение всего периода испытаний, то есть примерно 4 часа, безопасность реактора окажется существенно сниженной.

В силу того, что безопасности этих испытаний не было уделено должного внимания, персонал к ним готов не был, не знал о возможных опасностях. Кроме того, как это будет видно из дальнейшего, персонал допускал отклонения от выполнения программы, создавая тем самым условия для возникновения аварийной ситуации.

25 апреля в 1 час 00 мин персонал станции начал снижать тепловую мощность реактора, которая в норме составляет 3200 МВт. Запланировано было довести мощность до 700—1000 МВт. Через полсуток, в 13 час 05 мин мощность была уже уменьшена наполовину и был отключен один из двух турбогенераторов 4-го блока (№ 7 по официальной нумерации, остальные шесть находятся в первых трех блоках АЭС). Электропитание для собственных нужд давал теперь только второй генератор — № 8. В 14 час 00 мин в соответствии с программой испытаний... была отключена система аварийного охлаждения реактора. Однако по диспетчерскому требованию вывод блока из работы был задержан. "По диспетчерскому требованию" — значит, предприятия области нуждались в электроэнергии, и проводить дальнейшее снижение мощности диспетчер "Киевэнерго" запретил. Требованию подчинились, но аварийную систему более не включили. В нарушение регламента эксплуатация блока в это время продолжалась с отключенной системой аварийного охлаждения реактора.

Еще до появления на свет отчета корреспондент "Литературной газеты" спросил Б. С. Семенова, зам.председателя Госкомитета по использованию атомной энергии (ЛГ, 11 июня 1986 г.): "Предусмотрена ли конструкторами РБМК-1000 возможность аварийной ситуации? — Разумеется. Эта реакторная установка обеспечена рядом противоаварийных систем, например, системой аварийного охлаждения активной зоны," — ответил Б. Семенов. Теперь мы видим, какова оказалась цена этой конструкторской предусмотрительности.

На совещании в Вене проф. А. А. Абагян утверждал, что отключение системы аварийного охлаждения осталось без последствий и не является одной из причин позднейшей аварии. Видимо, он прав. Но этот шаг операторов уже показывает, насколько некомпетентная команда проводила эксперимент.

"Нарушение регламента" продолжалось 9 часов. К ночи потребность в энергии уменьшилась и диспетчер электросети разрешил продолжать эксперимент. *В 23 час 10 мин снижение мощности было продолжено. В соответствии с программой испытаний выбег генератора с нагрузкой собственных нужд предполагалось произвести при (тепловой) мощности реактора 700–1000 МВт.*

В ходе снижения мощности, в 0 час 28 мин, уже 26 апреля, операторы от основной системы автоматического регулирования, используемой при больших мощностях реактора, перешли к другой, вспомогательной. При этом измерительная часть системы автоматического регулирования оказалась разбалансированной, и оператор не сумел достаточно быстро это разбалансирование устранить. *В результате этого тепловая мощность упала до величины ниже 30 МВт. Только к 1 час 00 мин 26 апреля 1986 г. ее удалось стабилизировать на уровне 200 МВт.* Это все еще было значительно ниже запланированной для эксперимента мощности реактора.

В этот момент следовало отказаться от дальнейшего проведения эксперимента. Продолжение эксперимента представляло собой не только нарушение стандартных норм эксплуатации реактора, но и прямое отклонение от программы испытаний, которая и сама по себе, как уже говорилось, была составлена плохо. Чем руководствовались операторы? В Вене советские представители пояснили: операторы опасались, что если испытания не будут доведены до конца, то придется ждать еще целый год до следующей плановой остановки реактора.

Реактор в этот момент был, как выражаются физики, сильно "отравлен" ксеноном — газом, образующимся при делении урана. Изотоп ксенон-135 — это хорошо известный реакторный "яд": он сильно поглощает нейтроны и может лишить реактор его *р е а к т и в н о с т и*, то есть способности поддерживать ядерную реакцию. Когда реактор работает на стабильном уровне мощности, в нем имеется некоторая равновесная концентрация ксенона. Она определяется балансом между образованием этого газа и его распадом (в результате захвата нейтронов возникает радиоактивный изотоп ксенона с периодом полураспада 9,2 часа). Эта равновесная концентрация тем выше, чем выше мощность. Если же мощность реактора падает очень быстро, как и было в данном случае, то ксенон в нем не успевает распасться и в реакторе еще сохраняется высокая концентрация этого газа, соответствующая большой мощности. Следовательно, поглощение нейтронов в реакторе становится чрезмерно высоким. Энергетики-ядерщики знают, что если отключать реактор слишком быстро, потом его нельзя сразу запустить вновь, надо ждать, пока весь "яд" — ксенон сам собой не распадется.

Тем не менее операторы решили любой ценой не допустить остановки реактора и выжать из него желаемую мощность. С этой целью они вывели из реактора на всю длину большинство стержней автоматической системы управления, о которых говорилось выше.

Это было еще одним нарушением правил. В реакторе всегда должен сохраняться определенный *з а п а с р е а к т и в н о с т и* — он определяется суммарной длиной находящихся в данный момент внутри реактора участков стержней управления. Измеряют запас реактивности количеством целых стержней, укладываемых на этой длине. Если по каким-то причинам мощность реактора падает, всегда можно выдвинуть стержни, уменьшить поглощение нейтронов и поддержать ядерную реакцию. Когда все стержни выдвинуты до предела, то запас реактивности — ноль: если мощность упадет, ее уже нечем поддержать.

Когда запас реактивности достаточен, то, перемещая стержни, можно легко регулировать как общий выход энергии, так и распределение мощности по реактору. Без раз-

решения главного инженера запрещается работать при запасе реактивности менее чем 30 стержней. Если же запас реактивности менее 15 стержней, то разрешение на работу в таких условиях не может дать, как выразился акад. В. А. Легасов в Вене, "даже сам премьер-министр". Операторы же 4-го блока в определенный момент снизили реактивность до 6–8 стержней. "Пытаться проводить испытания в таких условиях, — сказал В. А. Легасов, — все равно, что экспериментировать на высотном самолете: что получится, если открыть все двери?"

Итак, как уже говорилось, 200 МВт все же каким-то образом удалось из реактора выжать. В связи с тем, что в этот период продолжалось "отравление" реактора, дальнейший подъем мощности был затруднен из-за малого оперативного запаса реактивности, который к этому моменту был существенно ниже регламентного.

И все же испытания решено было проводить.

Но вслед за этим вопиющим нарушением правил немедленно последовало еще одно. В 1 час 03 мин и 1 час 07 мин дополнительно к уже работавшим шести главным циркуляционным насосам обеих петель системы охлаждения были подключены два резервных.

Зачем это было сделано — остается только гадать. Отчет говорит об этом очень туманно: якобы четыре насоса должны были питаться от турбогенератора, работающего во время эксперимента в режиме выбега, служить ему, так сказать, нагрузкой; другие же четыре должны были выполнять свои функции, когда эксперимент закончится и первые четыре насоса останутся. Есть, правда, и другое объяснение, высказанное в Вене: некомпетентные операторы, зная, что они проводят эксперимент со многими нарушениями правил, решили, что большее количество воды-охладителя в системе создаст большую безопасность.

Как бы то ни было, в результате этого шага операторов суммарный расход (воды) через реактор возрос до 56–58 тысяч $\text{м}^3/\text{ч}$, а по отдельным насосам до 8000 $\text{м}^3/\text{ч}$, что является нарушением регламента эксплуатации. Такой режим работы запрещен из-за опасности срыва подачи насосов и возможности возникновения вибраций магистралей контура вследствие кавитации. Подключение дополнительных насосов и вызванное этим увеличение расхода воды через реактор привело к уменьшению парообразования, падению давления пара в барабанах-сепараторах, изменению других параметров реактора. Операторы пытались вручную поддержать основные параметры реактора: давление пара и уровень воды в барабанах-сепараторах, однако в полной мере сделать это не удалось. В этот период в барабанах-сепараторах наблюдались провалы по давлению пара... и провалы по уровню воды ниже аварийной уставки. Чтобы избежать остановки реактора в таких условиях, персоналом были заблокированы сигналы аварийной защиты по этим параметрам...

Оператор начал подпитку барабанов-сепараторов с целью не допустить в них провала уровня воды. Через 30 сек ему удалось удержать уровень, увеличив расход питательной воды более чем в 3 раза. По-видимому, оператор решил не только удержать уровень воды, но и повысить его. Поэтому расход воды продолжал увеличиваться и примерно через минуту уже в 4 раза превышал исходный.

Как только более холодная вода из барабанов-сепараторов дошла до активной зоны, генерация пара заметно уменьшилась.

Попросту — температура в технологических каналах стала падать до точки конденсации пара. Это произошло в 1 час 19 мин 30 сек. Чтобы сохранить тепловую мощность хотя бы на уровне 200 МВт, оператор стал еще дальше вручную выводить регулирующие стержни из реактора, еще более снижая запас реактивности. (Эта операция не была зафиксирована в оперативном журнале, но без нее удержать мощность на уровне 200 МВт было бы совершенно невозможно.)

Операторы все еще не понимали близящейся опасности. Они настолько были сосредоточены на электротехнических проблемах, что совершенно забыли, что работают с

ядерным реактором. А до катастрофы оставалось менее 4 минут. Тем временем реактивность реактора продолжала медленно падать. В 1 час 22 мин 30 сек оператор на распечатке программы быстрой оценки запаса реактивности увидел, что оперативный запас реактивности составлял величину, требующую немедленной остановки реактора. Тем не менее это персонал не остановило, и испытания начались.

Почему было принято такое решение? Операторы, видимо, поняли, что им все же не удастся восстановить генерацию пара, если они не сократят прокачку холодной воды из барабанов-сепараторов в охладительные петли. Они это сделали, и расчет оказался верным. Через 30 сек после сокращения прокачки количество пара в системе возросло, стержни управления вновь пополнились внутрь, слегка поднимая реактивность. Давление пара в петле охлаждения поднималось и далее еще в течение 20 сек. Операторы, очевидно, решили, что реактор пришел в нормальное состояние и эксперимент можно начинать. В 1 час 23 мин 04 сек подача пара на турбину была прекращена и начался долгожданный "выбег" турбогенератора — ротор начал крутиться по инерции. Ради этого и совершались все описанные невероятные действия.

Напомним, что подача пара на второй из турбогенераторов четвертого блока (№ 7) была прекращена еще за полсутки до этого. А поскольку в реакторе имела еще одна аварийная защита, автоматически его отключавшая, если пар не подается ни на один из турбогенераторов, то с ней поступили так же просто, как и с другими аварийными системами: ее заблокировали.

Но реактор вовсе не пришел в норму, как это казалось операторам. Реактор находился в необычном, нерегламентном состоянии. Прекращение подачи пара на турбогенератор привело к тому, что удельный объем пара в системе охлаждения возрос — пар-то ведь больше не отводился. Давление стало выше, и соответственно прогон охлаждающей воды через реактор снизился. Вода обладает свойством заметно поглощать образующиеся при распаде атомов урана нейтроны, но менее плотный пар поглощает их существенно слабее. Следовательно, нейтронный поток значительно возрос. В том же направлении действовал и распад ксенона, "отравлявшего" реактор, — к этому времени большая часть ксенона уже распалась, и поглощение нейтронов из-за этого тоже сократилось. Вследствие увеличения суммарного потока нейтронов цепная реакция в реакторе ускорилась. В результате тепловая мощность реактора — для операторов неожиданно — начала расти.

Только на этот момент операторы, очевидно, осознали, что случилась беда. В 1 час 23 мин 40 сек начальник смены блока дал команду нажать кнопку АЗ-5, по сигналу от которой в активную зону вводятся все регулирующие стержни и стержни аварийной защиты.

Кнопка АЗ-5 — кнопка аварийной защиты — это "кнопка паники". Но было слишком поздно. В момент нажатия кнопки мощность достигла уже 320 МВт и каждую секунду удваивалась. Стержни в момент нажатия кнопки были выдвинуты слишком далеко и двигались слишком медленно (0,4 м/сек), чтобы оказать какое-либо действие. Стержни пошли вниз, однако через несколько секунд раздались удары и оператор увидел, что стержни-поглотители остановились, не дойдя до нижних концевиков. Тогда он обесточил муфты сервоприводов, чтобы стержни упали в активную зону под действием собственной тяжести. Но и это не помогло: стержни, очевидно, просто заклинило.

При катастрофическом нарастании мощности теплоноситель-вода не успевала уносить с собою генерируемое в топливе тепло. Это привело к разогреву топлива, его разрушению, бурному вскипанию теплоносителя, в который попали частицы разрушенного топлива, резкому повышению давления в технологических каналах... Именно в это время давление в активной зоне настолько возросло, что произошло резкое снижение расхода воды от главных циркуляционных насосов (захлопнулись обратные клапаны).

Теперь уже все содержимое системы охлаждения превратилось в пар. Графитовые блоки реактора, сквозь которые проходят технологические каналы и каналы регулирующих стержней, не выдержали, треснули и сместились, зажав регулирующие стержни на полпути. Разрушились и сами технологические каналы. Этот разрыв технологических каналов привел к частичному восстановлению расходов от насосов, однако вода от них поступала уже не только в уцелевшие каналы, но и в реакторное пространство.

Парообразование и резкое повышение температуры в активной зоне создали условия для возникновения пароциркуляционной и других химических экзотермических реакций. В результате этих реакций образовалась содержащая водород и оксид углерода смесь газов, способная к тепловому взрыву при смешении с кислородом воздуха. Это смешение могло произойти после разгерметизации реакторного пространства.

По свидетельству очевидцев, находившихся вне четвертого блока, примерно в 1 час 24 мин раздалась последовательно два взрыва, над четвертым блоком взлетели какие-то горящие куски и искры, часть из которых упала на крышу машинного зала и вызвала пожар.

"В небо вырвалось горячее шаровое облако и зависло над атомной", — рассказывала 25 июня "Литературная газета".

Катастрофа, которая незаметно для сотрудников станции приближалась — и нельзя сказать, чтобы неотвратимо, — разразилась. Но это было только начало.

И снова РБМК-1000

Прервем пока изложение хода событий и подумаем над причинами того, что произошло. Официальный советский отчет, профессионально честный и подробный, когда речь идет об описании хода событий, сбивается на скороговорку, становится невнятным, когда дело доходило до выводов, до глубинных причин аварии.

В отчете причины аварии подытоживаются так.

Основным мотивом в поведении персонала было стремление быстрее закончить испытания. Нарушение установленного порядка при подготовке и проведении испытаний, нарушение самой программы испытаний, небрежность в управлении реакторной установкой свидетельствуют о недостаточном понимании персоналом особенностей протекания технологических процессов в ядерном реакторе и о потере им чувства опасности.

Разработчики реакторной установки не предусмотрели создание защитных систем безопасности, способных предотвратить аварию при имевшем место наборе преднамеренных отключений технических средств защиты и нарушений регламента эксплуатации, так как считали такое сочетание событий невозможным.

Таким образом, первопричиной аварии явилось крайне маловероятное сочетание нарушений порядка и режима эксплуатации, допущенных персоналом энергоблока.

Катастрофические размеры авария приобрела в связи с тем, что реактор был приведен персоналом в нерегламентное состояние.

Что верно, то верно. То, что делала работавшая на реакторе смена, — невероятно. Это предел безграмотности, некомпетентности, глупости, безответственности. Впрочем, прибегнем к гневным словам...

В Вене члена советской делегации проф. А. А. Абагяна спросили: "А что случилось с персоналом?" А. Абагян ответил: "Они были наказаны". — "Как?" — "В этом вопросе я не являюсь экспертом", — сказал А. Абагян.

Экспертом быть не обязательно. В советском отчете поражает одно обстоятельство: не раз и в самом тексте отчета, и при обсуждении его на заседании экспертов в Вене возникал вопрос о мотивах действий персонала. Каждый раз высказывались различные, подчас противоречивые суждения. Почему? Казалось бы, возьми и спроси. Некого было

Два снимка района Чернобыльской АЭС, полученные ИСЗ Landsat. Верхний снимок сделан 22 апреля. АЭС работает нормально. Темное пятно справа – пруд охладитель. У левого конца пруда – прямоугольник площадки АЭС, от него вниз и вправо отходит темная линия – отводной канал системы охлаждения пароконденсатора. По нему горячая вода сбрасывается в пруд. Левая нижняя половина пруда светлее (на цветном снимке она красная) : это движется, ограниченная справа дамбой, струя горячей воды. Нижний снимок сделан после катастрофы 29 апреля. Станция остановлена, горячая вода в пруд больше не спускается. Пруд выглядит равномерно темным.

Панорама Чернобыльской АЭС после катастрофы. На переднем плане – разрушенный 4-й блок

спрашивать. Акад. В. Легасов в Вене сказал, что отчет основан на записях, извлеченных из операторской, на результатах математического моделирования событий и на опросах операторов, "пока они не умерли". Увы, они умерли быстро, задолго до конца расследования...

Операторы наказаны — судьбою или Богом, — как кому будет угодно. Но кто ответственен за то, что управление атомной электростанцией, объектом, в котором сокрыты поистине убийственные силы, было доверено людям, даже отдаленно не понимавшим, с чем им приходится работать?! Кто и как организовал их подготовку? Кто сегодня сидит за пультами управления в Ленинграде, в ИгнаLINE (Литва), в Смоленске, в Курске?

Американские реакторы закрываются ежегодно для удаления выгоревшего топлива и загрузки свежего. РБМК сконструирован так, что разгрузка и загрузка топлива производится постепенно без остановки реактора. Из технологических каналов извлекаются один за другим пучки твэлов — так называемые тепловыделяющие сборки. Привычка постоянно работать на невыключенном реакторе создает у оператора ложное чувство знания его, ложное чувство безопасности. В таких условиях гораздо легче махнуть рукой на инструкции.

Акад. В. Легасов в Вене признал, что Советский Союз значительно отстал в организации подготовки операторов. В частности, в СССР не хватает симуляторов — устройств, на которых моделируются различные условия, возникающие в реакторе, и операторы учатся справляться с чрезвычайными обстоятельствами.

Но допустим даже, что операторы вполне компетентны. Система безопасности, которую можно просто взять и отключить, по определению вообще не является системой безопасности. А если завтра оператор, даже самый квалифицированный, явится на работу в состоянии нервного стресса? Психически заболевает? Придет пьяным? Мало ли причин, по которым он сможет сделать роковые переключения! Жизнь сотен тысяч людей не должна зависеть от чьей-то доброй или недоброй воли.

На совещании в Вене акад. В. Легасов сказал, что в СССР автоматические системы регулирования считались слишком ненадежными, чтобы доверить им полностью управление реактором. Поэтому было решено установить определенные правила и инструкции по ручному управлению. На людей-операторов полагались более, чем на компьютерные системы советского производства. Красноречивая оценка советской техники, но в то же время и поразительная демонстрация наивной веры в силу инструкций! В стране, где инструкция призвана регулировать все стороны жизни, это неудивительно.

В советском отчете из точно изложенных фактов не сделан единственно возможный вывод: используемые в Советском Союзе реакторы РБМК технически очень несовершенны, и сам принцип их конструкции представляет собой потенциальную опасность. Неслучайно от постройки реакторов такого типа отказались уже во всем мире — кроме нашей страны.

Специалисты предпочитают системы с внутренне присущей безопасностью, мало зависящей от наличия или отсутствия отдельных защитных устройств. Например, если бы в водо-водяных реакторах, принятых в США и ряде других стран, были совершены, одна за другой, все ошибки, сделанные на 4-ом блоке ЧАЭС, последствия были бы сравнительно незначительными. В реакторах этого типа вода является не только теплоносителем, но и замедлителем нейтронов, то есть выполняет также и ту роль, которую в РБМК играет графит. При аварии типа Чернобыльской реактор отключается естественным образом: замедлитель-вода вскипает и испаряется, и в отсутствие медленных нейтронов ядерная реакция угасает.

Водо-водяные реакторы останутся безопаснее РБМК даже после того, как в последних будут произведены все намеченные сейчас косметические улучшения, ибо различие между этими двумя типами реакторов имеет принципиальный характер: при вскипании

и испарении воды в РБМК реакция не угасает, а усиливается. У РБМК между количеством пара, генерируемого в активной зоне, и тепловой мощностью реактора имеется, как говорят физики, положительная обратная связь: чем горячее становится реактор, тем больше пара производится, чем больше пара — тем горячее реактор и т. д. Именно это, в самом конечном счете, и привело к чернобыльской трагедии.

Как стало ясно из объяснений акад. В. Легасова в Вене, первоначальное советское решение о выборе РБМК как основного промышленного реактора было сделано потому, что Советский Союз не умел производить большие стальные контейнеры высокого давления, в который заключаются реакторы других типов (мы писали об этом в № 5 нашего журнала за этот год). Только после того, как СССР начал строить атомные ледоколы (В. Легасов не упомянул, конечно, атомных подводных лодок), в нашей стране началось развитие технологии стальных контейнеров высокого давления. В РБМК же вместо контейнеров имеется 1661 трубка высокого давления (по числу технологических каналов). Производить трубки легче, чем контейнеры, но надежность реактора резко падает: система трубопроводов получается очень сложной и неизбежно возникает множество дополнительных слабых точек. Наружный же защитный кожух не рассчитан на давление больше чем $0,2 \text{ кг/см}^2$ и не может, естественно, противостоять взрыву.

Еще одно соображение сыграло роль в выборе РБМК. Оно связано с тем, что РБМК — реактор прямого цикла. Это значит, что пар образуется непосредственно в его активной зоне и поступает оттуда на турбины. Поэтому нет необходимости строить сложные и дорогие парогенераторы, такие, как в водо-водяных реакторах. Заметим, кстати, что в реакторах прямого цикла пар, поступающий на турбины, оказывается слегка радиоактивным.

Итак, основные доводы в пользу РБМК, предопределившие выбор, — это сравнительная простота и дешевизна. Безопасность была поставлена на второе место.

У РБМК множество и других недостатков. Активная зона реактора очень велика: это цилиндр диаметром 11,8 м и высотой 7 м. Распределение мощности по такой массе неизбежно получается неравномерным, за поддержанием равномерности надо непрерывно следить. Кроме того, такая машина — графитная масса и металлоконструкции, — нагревающаяся при нормальной работе реактора до температуры 700°C , является гигантским аккумулятором тепла.

Графит при повышении температуры и при контакте с кислородом воздуха легко воспламеняется. При взаимодействии раскаленного графита с водяным паром происходят химические реакции с образованием водорода и окиси углерода — горючей, взрывчатой смеси. Все это и случилось в Чернобыле и усугубило размеры катастрофы.

Системы безопасности в РБМК конструкторски были решены довольно примитивно. Выше уже цитировалось заявление авторов отчета о том, что разработчики считали события, развернувшиеся на ЧАЭС, маловероятными и потому не предусмотрели на этот случай защиты. При разработке таких систем в других странах производится подробное изучение (методами системного анализа) всех возможных причин аварий: так называемый "количественный вероятностный анализ безопасности". Везде, только не в Советском Союзе. В. Легасов на венском совещании вынужден был признать: "нашей большой ошибкой было то, что мы начали думать о таких вещах позже, чем другие специалисты".

Единодушное мнение собравшихся в Вене экспертов можно подытожить словами западногерманского физика-ядерщика Рудольфа Шультена: "Авария вызвана в основном человеческими ошибками, но и сам реактор чрезвычайно старомоден". Эдвард Уорман, старший инженер американской фирмы, строящей АЭС в США, добавляет: "Концепция безопасности, принятая в этом реакторе, ни за что бы не прошла ни в одной стране западного мира. Советский отчет очень откровенен, но он переоценивает роль ошибок операторов и не обсуждает в достаточной мере недостатков конструкции реактора".

Заметим, что несмотря на все попытки советских официальных лиц защитить выбор РБМК, главный конструктор этих реакторов, член-корреспондент АН СССР Иван Емельянов постановлением Политбюро от 19 июля наряду с другими лицами снят с занимаемой должности "за крупные ошибки и недостатки в работе, приведшие к аварии с тяжелыми последствиями".

В ожидании Хиросимы

Вернемся к тому, как отчет описывает дальнейшее развитие событий — после взрыва. *Первоочередной задачей после аварии на реакторе была борьба с начавшимся пожаром.*

В результате взрывов в реакторе и выброса разогретых до высокой температуры фрагментов его активной зоны на крыше некоторых помещений служб реакторного отделения, деаэрационной этажерки и машинного зала возникло свыше 30 очагов горения. Сколько же горючих материалов было использовано в строительных конструкциях! Из-за повреждения отдельных маслопроводов, коротких замыканий в электрических кабелях и интенсивного теплового излучения от реактора образовались очаги пожара в машинном зале над турбогенератором № 7, в реакторном зале и примыкающих к нему частично разрушенных помещениях.

В 1 час 30 мин на место аварии выехали дежурные подразделения пожарной части по охране АЭС из городов Припяти и Чернобыля.

Ввиду прямой угрозы распространения пожара по покрытию машинного зала на соседний, третий блок и быстрого его усиления первоочередные меры были направлены на ликвидацию пожара именно на этом участке. Было также организовано тушение возникающих очагов горения внутри помещений с использованием огнетушителей и стационарных внутренних пожарных кранов. К 2 час 10 мин на крыше машинного зала и к 2 час 30 мин на крыше реакторного отделения основные очаги пожара были подавлены. К 5 час утра пожар был ликвидирован.

Авария привела к частичному разрушению активной зоны реактора и полному разрушению системы ее охлаждения. В этих условиях состояние среды в шахте реактора определялось следующими процессами:

- остаточным тепловыделением топлива за счет распада продуктов деления;
- тепловыделением в результате различных химических реакций, происходящих в шахте реактора (горение водорода, окисление графита и циркония и т. д.);
- теплоотводом из шахты реактора за счет ее охлаждения потоками атмосферного воздуха через образовавшиеся отверстия в герметичных (до аварии) оболочках, окружающих активную зону.

Из этого перечня видно, что, что "пожар был ликвидирован" только в помещениях АЭС. Сам реактор (в первую очередь — графит) продолжал гореть. Беседуя с корреспондентом "Правды" 3 мая, акад. В. Легасов вспоминал, как, подъезжая вечером 26 апреля к Припяти, он увидел на горизонте зарево пожара. Не случайно все советские газеты, говоря о состоянии реактора первых дней (примерно до 10–11 мая), употребляют выразительное слово "кратер".

Вместе с дымом и горячим воздухом в атмосферу выбрасывались радиоактивные частицы (мы поговорим об этом позднее). Но еще более важным было, пожалуй, то, что происходил дальнейший разогрев топлива. А это грозило тем, что в начале мая акад. Е. Велихов туманно называл "возможностью расширения аварии".

В эти первые дни после аварии специалисты, затаив дыхание, следили, поднимется ли температура уранового топлива до 2150°C — до точки плавления, будет ли топливо плавиться. *Потенциальная возможность концентрирования части расплавленного топли-*

ва и создания условий для образования критмассы и возникновения самопроизвольной цепной реакции требовала принять меры против этой опасности.

"Критмасса" — это критическая масса, масса урана, при которой происходит "самопроизвольная цепная реакция" — то есть взрыв. Расплавленное топливо могло начать стекать через разломы разрушенной конструкции вниз и собраться где-нибудь в одном месте. И если к этой луже расплава добавится — в буквальном смысле — последняя капля, над Чернобылем поднимется грибовидное облако атомного взрыва.

Только сейчас мы узнали, что все эти дни, когда газетные сообщения заверяли нас, что "обстановка стабилизирована", — вплоть до 5 мая — в Чернобыле со страхом ждали повторения Хиросимы. В основном только ждали — пронесет или нет, ибо сделать мало что было можно.

Изменение температуры топлива с течением времени имело немонотонный характер. Можно предположить, что в температурном режиме топлива имелось несколько стадий. В момент взрыва произошел разогрев топлива... Эффективная температура оставшегося в реакторном здании топлива составляла после взрыва 1600–1800°K. (то есть 1300–1500°C. — К. Л.) В течение последующих нескольких десятков минут температура топлива снизилась за счет отдачи тепла графитовой кладке и конструкциям реактора. Снижение, видимо, произошло до температуры порядка 600–700°C. Это соответственно привело к снижению утечки летучих продуктов деления из топлива.

В начальный момент после аварии была предпринята попытка снизить температуру в шахте реактора и предотвратить разгорание графитовой кладки с помощью аварийных и вспомогательных питательных насосов для подачи воды в пространство активной зоны. Эта попытка оказалась неэффективной.

Тогда сделали другую слабую попытку. Для уменьшения температуры и снижения концентрации кислорода в пространстве под шахтой реактора подавался азот от компрессорной станции. Но и это не привело к желаемым результатам.

В последующем температура топлива за счет остаточного тепловыделения стала подниматься. В результате возросла утечка из топлива летучих радионуклидов (инертных газов, йода, теллура, цезия). При дальнейшем повышении температуры топлива появилась утечка других так называемых нелетучих радионуклидов. К 4–5 мая эффективная температура топлива, оставшегося в реакторном блоке, стабилизировалась, а затем стала снижаться.

К 6 мая рост температуры в шахте реактора прекратился и началось ее снижение в связи с образованием стабильного конвективного потока воздуха через активную зону в свободную атмосферу.

Максимальная температура, которая развилась в реакторе 4–5 мая (когда она "стабилизировалась") — около 1900°C. Надо подчеркнуть, что это — не результат прямых измерений, а результат модельных расчетов. Часть западных специалистов подвергает сомнению вывод авторов отчета о том, что плавления топлива не было. Дело в том, что состав радиоактивных продуктов, выпавших в Западной Европе, указывает на то, что плавление все же произошло. Видимо оно было лишь частичным, ибо температура по реактору неравномерна, и масса расплава оказалась ниже критической.

Можно было вздохнуть с облегчением. Хиросимы не произошло. Впрочем, это утверждение верно лишь частично. Не было взрывной волны, атомного огня в эпицентре. Что же касается остального — радиоактивного заражения, то, как мы увидим ниже, Чернобыль оказался вполне сравним с Хиросимой.

Отсроченная смерть

Возможность образования критической массы была хоть и главной и самой срочной, но не единственной заботой. Горящий реактор продолжал интенсивно выбрасывать

в атмосферу радиоактивные частицы и газы, которые ветер разносил по всему миру. Реактор надо было изолировать.

Группа специалистов на военных вертолетах начала забрасывать аварийный реактор соединениями бора, доломитом, песком, глиной, свинцом. С 27 апреля по 10 мая всего было сброшено около 5000 т материалов, причем большая часть из них с 28 апреля по 2 мая включительно. В результате этих действий шахта реактора была покрыта слоем сыпучей массы, интенсивно адсорбирующей аэрозольные частицы. К 6 мая выброс радиоактивности перестал быть существенным фактором...

В качестве перестраховки от весьма маловероятного (но возможного в первые дни после аварии) разрушения нижнего яруса строительных конструкций было принято решение срочно создать под фундаментом здания искусственный теплоотводящий горизонт в виде плоского теплообменника на бетонной плите. К концу июня запланированные работы были закончены.

Отчет расценивает разрушение нижнего яруса как весьма маловероятное, но в те дни так не думали. Акад. Е. Велихов на пресс-конференции в МИД 26 мая говорил: "Ситуация осложнялась тем, что под реактором есть бассейн-барботер, заполненный водой для охлаждения пара. (Пар этот может образовываться при срабатывании главных предохранительных клапанов и аварийных протечках. — К. Л.) Это большое двухуровневое сооружение. Мы не знали, осталась ли там после аварии вода. Если да, то ее надо было отвести. Иначе не исключался такой вариант: конструкции не выдерживают, раскаленная реакторная масса опускается в воду, происходит дополнительный выброс радиоактивного пара, который увеличивает загрязнение окружающей реактор территории. О том, как реактор охлаждали жидким азотом и как операторы станции отводили воду из барботера, в прессе сообщалось. Это был поистине героический труд".

С конца мая обстановка в значительной мере стабилизировалась. Разрушенные части здания реактора находятся в устойчивых положениях. Радиационная обстановка после распада короткоживущих изотопов улучшается. Мощность экспозиционной дозы составляет единицы рентген в час в подреакторных помещениях, в машинном зале и помещениях щитов управления. Вынос радиоактивности из блока в атмосферу связан в основном с ветровым уносом аэрозолей. Активность выбросов не превышает десятков кюри в сутки. Температурный режим в шахте реактора стабилен. Максимальные температуры различных участков составляют несколько сотен градусов Цельсия при устойчивой тенденции к снижению со скоростью примерно $0,5^{\circ}\text{C}$ в сутки. Нижняя плита шахты реактора сохранилась и топливо в основном (примерно 96%) локализовано в шахте реактора и в помещениях пароводяных и нижних водяных коммуникаций.

Сколько же радиоактивности было вынесено в атмосферу, пока радиационная обстановка не стабилизировалась на деле, а не в правительственных сообщениях?

Выброс радионуклидов за пределы аварийного блока ЧАЭС представлял собой растянутый во времени процесс, состоящий из нескольких стадий.

На первой стадии произошел выброс диспергированного топлива из разрушенного реактора. Состав радионуклидов на этой стадии выброса примерно соответствует их составу в облученном топливе, но обогащен летучими нуклидами йода, теллура, цезия, благородных газов.

На второй стадии с 26 апреля по 2 мая 1986 г. мощность выброса за пределы аварийного блока уменьшилась из-за предпринимаемых мер по прекращению горения графита и фильтрации выброса. В этот период состав радионуклидов в выбросе также близок к их составу в топливе. На этой стадии из реактора выносилось мелкодиспергированное топливо потоком горячего воздуха и продуктами горения графита.

Затем вновь наступила кризисная ситуация, о которой мы узнаем только сейчас.

Третья стадия выброса характеризуется быстрым нарастанием мощности выхода продуктов деления за пределы реакторного блока. В начальной части этой стадии отме-

чается преимущественный вынос летучих компонент, в частности йода, а затем состав радионуклидов вновь приближается к их составу в облученном топливе (на 6 мая 1986 г.).

Это обусловлено нагревом топлива в активной зоне до температур выше 1700°C за счет остаточного тепловыделения. При этом в результате температурно-зависимой миграции продуктов деления и химических превращений оксида урана происходила утечка продуктов деления из топливной матрицы и их вынос в аэрозольной форме на продуктах сгорания графита.

Графитный пожар все еще продолжался. На этой третьей стадии в атмосферу было выброшено больше радиоактивности, чем в момент взрыва (26 июля было выброшено 20–22 миллиона кюри, на третьей стадии — более 25 миллионов).

Последняя, четвертая стадия, наступившая после 6 мая, характеризуется быстрым уменьшением выброса. Это явилось следствием принятых специальных мер, образованием более тугоплавких соединений продуктов деления в результате их взаимодействия с введенными материалами, стабилизацией и последующим снижением температуры топлива.

Суммарный выброс продуктов деления (без радиоактивных благородных газов) составил около 50 миллионов кюри, что соответствует примерно 3,5% общего количества радионуклидов в реакторе на момент аварии.

1 к ю р и — это единица радиоактивности, равная 37 миллиардам атомных распадов в секунду. 0,2 кюри, поглощенные на килограмм веса тканей, производят такой же биологический эффект, как облучение в 1 б э р (см. ниже).

В атмосферу было выброшено практически 100% содержащихся в реакторе радиоактивных изотопов ксенона-133 и криптона-35; 20% йода-131; 15% теллура-132; 13% цезия-137 и 10% цезия-134; 5,6% бария-140; по 4% стронция-89 и стронция-90.

Чем эта радиоактивность угрожает населению? Оставим пока в стороне тех, кто облучился непосредственно в момент аварии и при ее ликвидации. Поговорим о долгосрочном воздействии радиации.

Зная количество выброшенной радиоактивности, можно оценить суммарную дозу облучения, полученную людьми, — в р е н т г е н а х, или, точнее, в б э р а х (биологический эквивалент рентгена; здесь учитывается "качество" радиации, характер ее поглощения тканями). В отчете такие оценки сделаны — как в целом по Европейской части СССР, так и по отдельным ее областям. При расчете учитывалась численность населения в различных местах: естественно, там, где она больше, коллективная доза облучения больше.

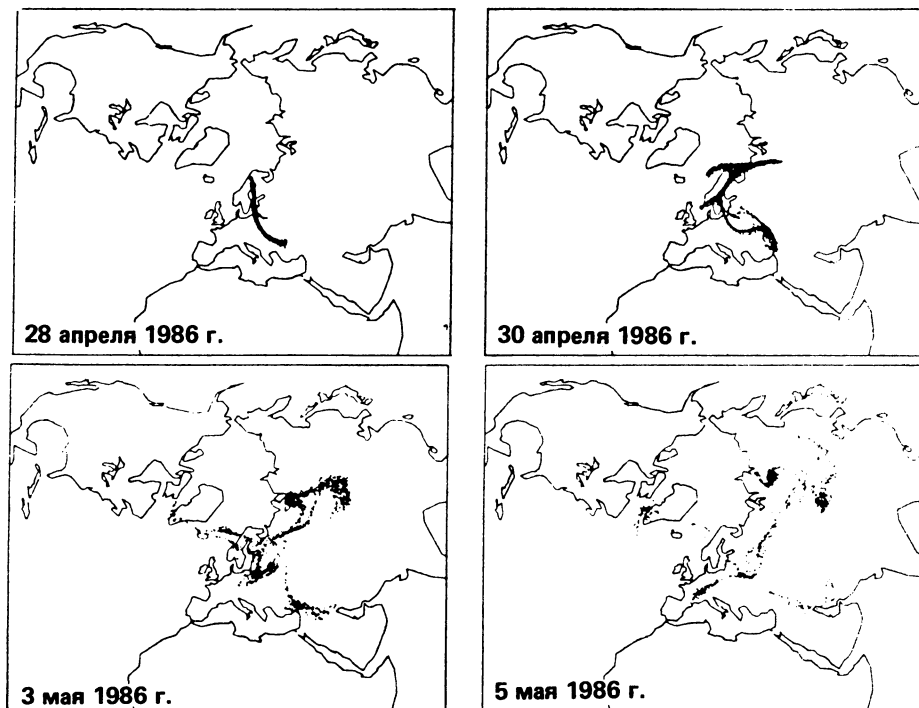
В западных районах Европейской части СССР проживает 74,5 миллиона человек. Только от внешнего излучения выпавших на местность радиоактивных изотопов они получат в 1986 г. коллективную дозу 8,6 миллиона человеко-бэр. В течение последующих 50 лет, по данным отчета, эта доза составит 29 миллионов человеко-бэр.

Такая доза, распределенная на 75 миллионов, кажется малой. Но это не так: заболевание раком — процесс вероятностный. Нельзя сказать, к т о именно заболит, но можно приблизительно сказать — с к о л ь к о человек заболеют.

Отчет не приводит этих цифр, он ограничивается указанием процента увеличения числа раковых заболеваний. Как и при описании хода аварии, авторы отчета очень точны в конкретных фактах, но робеют, когда дело доходит до выводов. Проценты же оказываются небольшими ("нормальная" заболеваемость раком велика) и звучат нестрашно. "Это почетный способ приуменьшить вред, нанесенный здоровью", — говорит американский физик-ядерщик Томас Кохрен.

Между тем количество лиц, у которых возникнет заболевание раком со смертельным исходом, легко оценить.

Известно, какой риск смерти создает одна единица облучения — 1 человеко-бэр. Примем ту величину, которую официально принимал сам акад. В. Легасов еще за 1,5 го-

Распространение радиоактивного облака из Чернобыля. Расчет произведен в Ливерморской национальной лаборатории им. Лоуренса по данным дозиметрических измерений с учетом направления и силы ветров в северном полушарии.

да до катастрофы: риск этот равен 0,0002 ("Энергия, экология", № 8, 1984 г.). В отчете, составленном при участии В. Легасова после катастрофы, величина риска, судя по всему, принята меньшей, но нам думается, что до катастрофы В. Легасов был более объективен.

Итак, исходя из приведенных в отчете цифр, получаем, что в результате Чернобыльской катастрофы заболеют раком со смертельным исходом дополнительно примерно 5800 человек, из них только в текущем, 1986 г. — около 1700 чел.

Отчет приводит величины коллективных доз по разным регионам Европейской части СССР. Исходя из них, получаем такие цифры дополнительных раковых заболеваний со смертельным исходом:

	в 1986 г.	за 50 лет		в 1986 г.	за 50 лет
Центральная часть УССР	550	1860	Молдавская ССР	50	180
Западная часть УССР	90	290	Брянская обл.	90	300
Восточная часть УССР	150	500	Калужская, Тульская		
Южная часть УССР	150	490	и Смоленская обл.	60	220
Юго-Восточ. часть БССР	410	1390	Орловская, Курская		
Северо-Зап. часть БССР	90	320	и Липецкая обл.	70	230

Но это еще не все. Кроме внешнего облучения, существует еще опасность облучения, получаемого с пищей, зараженной радиоактивными изотопами. Основную опас-

ность представляют изотопы йода, цезия, стронция. Доз радиации, полученных с йодом-131, отчет не приводит, сообщаются лишь конечные выводы.

В ряде областей УССР, БССР и РСФСР концентрация йода-131 в отдельных пробах в 20–100 и даже более раз превосходила установленный норматив... Проведенное на основе расчетов индивидуальных и коллективных доз облучения людей сравнение величин риска смерти за счет облучения щитовидной железы, реализуемого в течение 30 лет после поступления йода-131 в организм человека, с риском смерти от спонтанных случаев рака щитовидной железы за тот же период времени (около 150 тыс. случаев), показало, что дополнительная смертность от йода-131 составляет около 1% и практически не увеличивает показателей смертности в рассматриваемых регионах нашей страны.

Показатели, может быть, и не очень испортятся, но дополнительно 1500 человек умрут.

Воздействие стронция пока остается неясным. До сих пор относительно содержания стронция-90 в продовольствии имеются лишь отдельные, недостаточные для коррективных оценок данные. Со временем, возможно, этот нуклид будет иметь наряду с цезием-137 основное значение.

Что касается цезия, то цезий-137 и цезий-134 — основные биологически значимые радионуклиды, которые (не считая стронция-90) с середины июня являются главными загрязнителями мяса, молока, овощей и других продуктов. До настоящего времени источником их поступления как в растительные, так и в животные продукты был воздух. Поступление из почвы практически значения не имело. Урожай зерновых и картофеля осенью 1986 года можно ожидать относительно чистым — воздушным путем цезия много уже не поступит, а почвенное поступление еще не успеет сыграть свою роль. Загрязненность продуктов цезием в последующие годы будет существенно отличной для прилегающих к ЧАЭС территорий, где тип почвы иной. Поскольку из полесских почв, бедных гумусом, цезий переходит в растения в 10 и даже 100 раз больше, чем из других типов почвы, в районах Полесья можно ожидать в последующие годы относительно устойчивое и высокое, почти на нынешнем уровне, содержание цезия-137 в продовольствии. В других регионах, в частности на севере Белоруссии, на западе РСФСР, на юге, северо-востоке, западе Украины есть основания ожидать резкого, в 10 и более раз, снижения концентраций цезия в пищевых продуктах.

Коллективная доза облучения населения за 70 лет после аварии составит $2,1 \cdot 10^8$ человеко-бэр.

Эта доза, с учетом величины риска смерти, дает дополнительно 42 тысячи заболеваний со смертельным исходом.

Только эти, учтенные факторы, дают оценку дополнительной смертности примерно в 50 тысяч человек. Внушительная гекатомба. Хиросима все-таки состоялась.

Более того. В конце сентября Ливерморская национальная лаборатория им. Лоуренса (Калифорния) опубликовала свои оценки последствий Чернобыльской катастрофы, основанные на данных советского отчета и на информации, сообщенной дополнительно на совещании в Вене. Вывод этого исследования ошеломляет: в Чернобыле было выброшено в воздух, почву и воду больше долгоживущих радиоактивных изотопов, чем при всех ядерных испытаниях и взрывах ядерных бомб, произведенных до настоящего времени, включая Хиросиму и Нагасаки. Например, цезия — на 50% больше.

Ядерная бомба производит опустошительное воздействие прямым радиационным облучением в момент взрыва, тепловым ожогом, взрывной волной. В радиоактивных выпадениях от бомбы преобладают короткоживущие изотопы. При выбросе же из ядерного реактора выделяется гораздо большее количество долгоживущих изотопов (таких, как цезий-137, стронций-90 и др.). Непосредственное воздействие такого выброса, может быть, и не очень велико, зато созданная им длительная опасность гораздо серьезнее.

В свете этого заявление М. Горбачева о продлении моратория на ядерные испытания не выглядит столь впечатляющим.

Отчет ограничивается только территорией Советского Союза. Что произойдет за его пределами — в отчете даже не обсуждается. Зарубежные специалисты в разное время приводили разные цифры дополнительной смертности от рака за пределами Советского Союза — в зависимости от принятых исходных данных и методики расчета.

Хорошо теперь известный в Советском Союзе д-р Роберт Гейл оценивает общее количество будущих жертв Чернобыля в 75 тысяч. Из них 40 тысяч, по его оценкам, — советские граждане. Эта последняя цифра чуть меньше приведенной выше.

Припять, улица Курчатова

Особое внимание привлекает состояние лиц, проживавших в г. Припять и в других районах, прилегающих к ЧАЭС, — тех, что позднее были эвакуированы. Им в отчете посвящаются специальные страницы.

С начала аварии на IV блоке и во время последовавшего за этим пожара ветер сносил радиоактивные продукты мимо г. Припять. Видимо, этим и объясняется то, что местные припятские власти, первоначально немедленно сообщившие об аварии в Москву, затем послали успокоительное сообщение, что все "находится под контролем". Высота радиоактивной струи составляла в то время около 1200 м и радиоактивные осадки выпадали вдалеке, на севере. Местные власти этого не знали и решили, что все обошлось. По крайней мере такое объяснение привел в Вене д-р Л. А. Ильин.

Впрочем, очень похоже, что эта часть информации, данная в Вене неофициально, мягко говоря, неточна и имеет целью свалить вину на "стрелочника". Надо же как-то объяснить, что специальная группа по выяснению причин аварии и устранению ее последствий прибыла из Москвы в район Чернобыля лишь через 17 часов (а до тех мест из Москвы от силы 3—4 часа полета).

Сомнения в правильности такого объяснения подкрепляются и другими данными. 24 мая, выступая по второй программе Московского радио, Е. И. Игнатенко, зам. начальника Союзатомэнерго, рассказал: "В субботу в три часа ночи я был поднят по звонку телефонному и быстро прибыл на поле сбора, и самолетом мы прибыли в Киев, а потом в Чернобыль. Тут, буквально через несколько часов, мы оценили обстановку, ознакомились с ситуацией и стали готовить решения по локализации выбросов и по организации эвакуации населения".

Значит уже утром 26 апреля ситуацию оценивали не только анонимные и безответственные "местные власти", но и авторитетнейшие специалисты, прибывшие из Москвы. И несмотря на это, в Припяти ничего не предпринимали, а только "готовили решения".

Сразу после начала аварии населению г. Припять было рекомендовано максимально сократить время пребывания вне помещения, не открывать окна. 26 апреля любые занятия на открытом воздухе во всех детских учреждениях города были запрещены. Кроме того, во всех детских учреждениях была проведена йодная профилактика.

И это все. Непонятно, на что надеялись власти. На авось?

В последующем, когда высота подъема выбрасываемых продуктов из аварийного реактора существенно снизилась, из-за флуктуации направления ветра в приземном слое воздуха радиоактивный факел в некоторые интервалы времени захватывал территорию города, постепенно загрязняя его. До 21 час 26 апреля 1986 г. на отдельных улицах города мощность экспозиционной дозы гамма-излучения, измеренная на высоте 1 м от поверхности земли, находилась в пределах 14—140 миллирентген/час.

21 час 26 апреля — это час, когда было принято решение об эвакуации — через 20 часов после взрыва и через 2 часа после прибытия правительственной комиссии. Но это

решение не было сразу выполнено. Объяснение, данное в Вене, таково: уже наступила ночь и намеченные для эвакуации дороги были загрязнены.

В последующем радиационная обстановка в городе стала ухудшаться. 27 апреля 1986 г. к 7 час в районе, ближе всего находящемся к АЭС (ул. Курчатова), мощность экспозиционной дозы гамма-излучения достигла 180–600 миллирентген, а на других улицах – 180–300 миллирентген/час. Тенденция к ухудшению радиационной обстановки в городе в течение 27 апреля 1986 г. сохранялась и к 17 час, то есть к концу завершения полной эвакуации населения составляла 360–540 миллирентген/час, а в районе ул. Курчатова – 720–1000 миллирентген/час. Эвакуация населения началась 27 апреля 1986 г. в 14 час.

Впрочем, в сообщениях об эвакуации много неясностей. Сейчас время начала эвакуации – 14 часов в воскресенье 27 апреля – стало почти хрестоматийным фактом. Но в газетах первых дней нет-нет, да и промелькнет сообщение о какой-то эвакуации в субботу вечером. Вот одно из самых подробных.

“Красная звезда”, 7 июня 1986 г. Генерал Н. Антошкин описывает свой первый “чернобыльский” день, субботу 26 апреля: “Киев с подполковником Кушным покинули, когда над городом горели яркие звезды. Какое-то время дорога была пустыня, и со скоростью не церемонились. Но стали попадаться встречные автомашины. Больше и больше. В основном автобусы, в которых людей было, как в час пик. Эвакуация... Катился поток эвакуированных. Через короткое время автобусы мчались уже сплошным потоком, как железнодорожные вагоны в сцепке, как бесконечный эшелон.”

Может быть, все это вымысел, но тогда какова же вера всем другим красноречивым газетным рассказам? А если нет, то кто это ехал ночью, при “ярких звездах”? Местное начальство с семьями, которое сейчас так сурово обвиняют в безответственности? Те рабочие, начальники смены и старшие операторы, о которых 15 июня газета “Правда” сообщала, что они “в бегах”? Пожалуй, не хватит на “бесконечный эшелон”. История эта остается загадкой.

Будем поэтому придерживаться официальной версии.

Город Припять (45 тысяч человек) был эвакуирован за 2 часа 45 мин. Авторы отчета полагают, что население, находившееся преимущественно в помещениях в дневное время 26 и 27 апреля, подверглось в 2–5 раз меньшему воздействию гамма-излучения по сравнению с уровнями, измеренными на улице... Есть основание полагать, что для подавляющего большинства населения г. Припять в качестве вероятных уровней облучения можно принять значения 1,5–5,0 рад по гамма-излучению и 10–20 рад по бета-излучению на кожу... О возможном уровне облучения за счет ингаляционного поступления йода можно судить по данным измерения содержания йода в щитовидной железе... По результатам измерений, проведенных 7 мая 1986 г., у большинства обследованных лиц дозовые нагрузки на щитовидную железу могут составить 1,5–25 рад. (1 рад – единица измерения дозы облучения, приблизительно соответствующая 1 бэр – единице, которую мы употребляли раньше. – К. Л.)

Припять была эвакуирована, но округа продолжала пока еще жить в блаженном неведении, хотя слухи, конечно, уже ползли. Только 4 и 5 мая (!), учитывая продолжавшееся в первые дни после аварии истечение газов и аэрозолей из зоны аварии, был сделан вывод о целесообразности дополнительной эвакуации населения из района аварии. Из 30-километровой зоны вокруг ЧАЭС в первые дни после аварии была проведена эвакуация 90 тыс. человек. С учетом 45 тысяч человек, вывезенных 27 апреля из г. Припять, общее число эвакуированных достигло 135 тыс. человек.

Из некоторых местностей, лежащих за пределами 30-километровой зоны (преимущественно в Белоруссии), эвакуация продолжалась практически до конца мая, по мере того, как обнаруживались новые зараженные места.

Проведение этой чрезвычайной меры позволило обеспечить для подавляющего большинства населения уровни доз внешнего гамма-облучения от облака выброса и радиоак-

тивных выпадений не превышающие 25 бэр, и лишь для некоторых населенных пунктов, оказавшихся в наиболее загрязненных участках радиоактивного следа (села Толстый Лес, Копачи и некоторые другие), значения доз облучения людей могут достигать 30–40 бэр.

В Вене, впрочем, д-р Л. А. Ильин признал, что значительная часть эвакуированных получила дозы и свыше 50 бэр. Видимо, не случайно 18 тысяч из числа эвакуированных были помещены в больницы для более тщательного обследования.

Дозы в 30–50 бэр, разумеется, недостаточны, чтобы вызвать острую лучевую болезнь. Однако смертность от рака среди эвакуированных должна значительно возрасти. Отчет опять-таки не приводит абсолютных цифр, лишь философски констатируя, что *дополнительная смертность, связанная с аварийным выбросом ЧАЭС, менее чем на 2,0% увеличит естественную смертность от рака среди облученного населения.*

Однако по величинам коллективных доз, приведенных в отчете (вычисленных с учетом плотности населения), можно получить и абсолютные цифры. Среди населения, проживавшего на расстояниях 3–7 км от ЧАЭС ожидается 70 дополнительных смертей. На расстояниях 7–10 км это число составляет 80; в этой же зоне находится г. Припять, который добавляет к этой величине еще 30 жертв. В зоне 10–15 км ожидается 60 дополнительных смертей, в зоне 15–20 км (тут находится г. Чернобыль) — 10. Наконец, зоны 20–25 и 25–30 км дадут соответственно 20 и 40 дополнительных жертв раковых заболеваний.

Все эти цифры получены лишь с учетом внешнего облучения, вызванного осевшими на местности радиоизотопами. Воздействие радиоактивности, поглощенной с пищей, оценить гораздо труднее. В отчете не приводятся величины доз, полученных, например, от радиоактивного йода, лишь скользко замечается, что эти дозы *значительно ниже тех, которые могут вызвать какие-либо изменения в состоянии здоровья.*

В отчете отмечается однако, что *указанный выше контингент населения до момента эвакуации (4–5 мая) в течение 9–10 дней питался продуктами местного производства, и, в том числе, молоком и молочными продуктами, удельный вес которых значителен в районе данного региона.*

Запрет на потребление молока был введен только на 5 день (!) катастрофы. Однако молоко от коров, находившихся в частном владении, все равно продолжали пить: мало кто понимал нависшую опасность. Под особую угрозу попали дети. *Это обусловлено тем, что накопленная доза излучения в щитовидной железе при одинаковом содержании радиойода в 8–2 раза выше у детей в возрасте 2–14 лет соответственно, чем у взрослого человека. Кроме того, необходимо отметить, что доля молочных продуктов в рационе детей существенно выше.*

В целях профилактики весь детский контингент из 30-километровой зоны эвакуации в централизованном порядке был вывезен в летние оздоровительные учреждения страны. *За детьми, у которых расчетная величина дозы облучения щитовидной железы до полного выведения изотопов йода может превысить 30 бэр, установлено постоянное медицинское наблюдение.*

Можно думать, что учет радиоактивности поглощения с пищей не менее чем в два раза (если не более) поднимет приведенные выше цифры дополнительной смертности среди жителей местностей, прилегающих к Чернобыльской АЭС.

Тем, кто был или сейчас находится в районе Чернобыля, теперь до конца жизни предстоит тщательно следить за своим здоровьем. Они будут находиться под непрерывным наблюдением. По сообщению авторов отчета, *регистрации подлежат все лица, проживающие, приехавшие временно, привлеченные для ликвидации аварии и ее последствий организованные контингенты, в последующем их дети и внуки, а также лица, эвакуированные из загрязненных районов.*

Те, кто не выжил

Ну, а как с теми, кто принял на себя первый удар?

В ночь с 25 на 26 апреля 1986 г. на площадке первой и второй очередей Чернобыльской АЭС находились 176 человек дежурного эксплуатационного персонала, а также работников различных цехов и ремонтных служб.

Кроме того, на площадке третьей очереди АЭС в ночной смене работали 268 строителей и монтажников.

В результате участия в противоаварийных мероприятиях в первые часы после аварии часть лиц из этого персонала получили большие дозы (более 100 бэр), а также ожоги при участии в тушении пожара. Всем пострадавшим была оказана немедленная медицинская помощь. К 6 час утра 26 апреля 1986 г. было госпитализировано 108 человек, а в течение дня — еще 24 человека из числа обследованных. Один пострадавший в 6 час утра 26 апреля 1986 г. умер от тяжелых ожогов и один человек из числа работавших на аварийном блоке не был обнаружен. Возможное его место работы находилось в зоне завала и высокой активности.

На основе принятых в СССР критериев ранней диагностики к исходу первых 36 часов были отобраны для срочной госпитализации лица, у которых развитие острой лучевой болезни (ОЛБ) прогнозировалось с наибольшей вероятностью. Были выбраны для госпитализации ближайшие к месту аварии клинические учреждения в Киеве и специализированный стационар в Москве с целью обеспечить максимальный объем помощи и компетентный анализ результатов наблюдений.

В Москву за первые двое суток были направлены 129 пациентов. Из них за первые трое суток 84 человека были определены как больные ОЛБ II—IV степени тяжести и 27 человек — ОЛБ I степени. В Киеве было больных ОЛБ II—IV степени 17 человек, ОЛБ I степени — 55 человек.

В последующие дни отправка пострадавших в Москву продолжалась. Всего в Московскую клиническую больницу № 6 было помещено 299 человек.

Диагноз ОЛБ II—IV степени ставился в первые трое суток, для уточнения диагноза ОЛБ I степени был необходим, как правило, более длительный период наблюдения (до 1–1,5 месяцев).

Всего больными ОЛБ было признано 203 человека. Общее число погибших от ожогов и ОЛБ среди персонала на начало июля составило 28 человек.

К тому моменту, когда отчет был представлен совещанию экспертов в Вене, погиб уже 31 человек. Из них — 6 пожарных, 25 — работники АЭС.

Все чернобыльские жертвы похоронены сейчас на кладбище в деревне Митино, в 22 км к западу от Москвы. Говорят, что там будет воздвигнут монумент. Возможно. Пока же власти не разрешают иностранным корреспондентам переписывать с надгробных плит имена погибших. Почему — неясно. Некоторые имена (хотя и небольшая часть всего списка) широко публиковались в советской печати.

Сотрудники АЭС и пожарные облучились гамма-излучением от летучих продуктов ядерного деления, поднимавшихся со струей горячего воздуха из реактора, а также бета-излучением от этой струи и от осколков ядерного топлива, выброшенного из реактора. В дополнение к обычному тепловому ожогу кожи, они получили обширный радиационный ожог, а также ожог слизистых носа и рта. Он возник при вдыхании частиц, испускавших бета-излучение.

Эти частицы оседали на коже и на слизистых, и их не всегда было можно сразу удалить, ибо кожа была слишком обожжена. В результате, даже после того, как удавалось справиться с последствиями первичного облучения, пациенты получали новую дозу от застрявших в коже частиц — иногда даже через три недели после аварии. Врачи должны были обращаться с такими пациентами с особой осторожностью, чтобы не облучиться самим.

Несколько человек, находившихся в центральном зале после взрыва, вышли посмотреть, что случилось. Они скончались от прямого облучения из развороченной активной зоны реактора.

То, о чем проговаривается советская пресса, приводит к убеждению, что и сотрудники АЭС, и пожарники, к ней приписанные, да и вообще многие, так или иначе связанные с "атомной", просто не понимали, с чем они имеют дело. Им это не объяснили или объяснили спустя рукава.

А ведь еще в октябре 1983 г. именно на Чернобыльской АЭС было проведено Всесоюзное совещание на тему "Противопожарная защита АЭС" с последующим крупным опытно-показательным учением по тушению пожара в машинном зале станции. Чему же научили пожарных?

"Литературная газета" от 4 мая: "Пожарный Леонид Шаврей... стоял в ту ночь на посту на крыше реактора, следя за тем, чтобы огонь не перекинулся дальше. Ему действительно было жарко, даже каску на какое-то мгновение сбросил. Ночь как ночь, пожар как пожар, ничего сверхъестественного не заметил."

"Комсомольская правда" от 16 мая: "Началась схватка с бушующим, съедающим прожорливо все, что горит, огнем. Но огонь, не ведали они еще тогда, был не самым страшным врагом. Тот, другой, невидимый глазу, был коварней — радиация."

Пожарные АЭС, прошедшие специальный курс тренировки, "не ведали", "ничего сверхъестественного не заметили!"

Но это пожарные. А вот сами работники АЭС. Говорит старший машинист турбинного цеха П. В. Жучков ("Робітнича газета", 8 июня 1986 г.): "На работу утром 26 апреля я приехал на своем "Запорожце", по дороге захватил ребят из своего цеха... Мы уже знали, что на станции произошла к а к а я - т о н е п р и я т н о с т ь. Но всю серьезность ситуации мы поняли лишь тогда, когда из окна машины увидели зияющий пролом в стене 4-го блока. В цеху повсюду мигали красные огни радиационной опасности. Кто-то из ребят предложил бежать на четвертый: вдруг там нужна наша помощь... Но, услышав привычный гул турбин, я сказал товарищам: ...оставлять рабочие места мы не имеем права... В случае необходимости нас найдут. Мы надели респираторы и приступили к своим обычным обязанностям".

"Надели респираторы"... Сколько из этих ребят стали потом пациентами доктора А. Гуськовой из шестой клинической больницы?

Если так вели себя работники АЭС, можно себе представить, как обеспечивалась безопасность других.

"Красная звезда", 7 июня 1986 г. Рассказ о вертолетчиках, сбрасывавших на реактор мешки с песком: "Как сбрасывали? Зависали над кратером, открывали дверь и, заглядывая в жерло, целясь в него глазом, сбрасывали. Летчики, техники. А ведь из жерла аварийного блока били не солнечные лучи."

Московское радио, 2-я программа, 21 мая 1986 г. О милиционерах, охраняющих г. Припять: "Вначале мы несли службу в пешем порядке, затем по рекомендации врачей службу стали нести только на патрульных машинах, а сейчас и на бронетранспортерах". Только к концу мая выяснилось, что нужны бронетранспортеры! А в начале? В начале — "в пешем порядке".

"Советская культура" 15 июля 1986 г. с восторгом повествует о том, что корреспондент Центрального телевидения А. Крутов, выехавший в Чернобыль, от спецодежды "отказался решительно. Какие эмоции мог вызвать у телезрителей корреспондент, одетый в защитную одежду и с респиратором на лице? Самые тревожные. И объяснения о том, что это простое требование техники безопасности, не помогло бы".

Последний эпизод — это уже не незнание. Это принцип: нужно любыми средствами "успокоить народ", даже ценою здоровья человека.

Можно уверенно сказать: у московских и киевских врачей было бы меньше пациентов, если бы сотрудников АЭС и население своевременно серьезно информировали и подумали о средствах безопасности. Сотрудники АЭС и пожарные могли иметь защитные комбинезоны и скафандры. Вертолетчики могли бы не "целиться глазом". Милиционеры могли бы раньше получить свои бронетранспортеры (если бы, конечно, их обеспечила промышленность).

У пациентов с наиболее тяжелой IV степенью лучевой болезни уже в первые полчаса появились рвота, головная боль, повышение температуры. В течение первых трех—шести дней в крови почти исчезли лимфоциты. Возникла общая интоксикация, лихорадка, поражение полости рта и слюнных желез. Доза, которую получили эти пациенты (определенная по биологическому эффекту в кроветворении) составляла 600—1600 рад (как уже говорилось, при ориентировочных оценках можно считать, что 1 рад соответствует 1 бэру).

Из 20 человек, отнесенных к этой категории, 17 умерло в период от 10 до 50 дней после катастрофы. Еще двое с IV степенью ОЛБ скончались в Киевском рентгенологическом и онкологическом институте на 4-й и на 10-й день.

ОЛБ III степени была определена у 23 человек — 21 в Москве и 2 в Киеве. Доза их облучения — от 420 до 630 рад. Первичная реакция (рвота, головная боль, повышение температуры) появлялась у них позднее — от 30 мин. до часа. В разгаре болезни выражены лихорадка, инфекционные осложнения, кровоточивость. Эти люди потеряли все волосы. Семеро умерли в сроки от двух до семи недель, из них шестеро — с тяжелыми ожогами кожи.

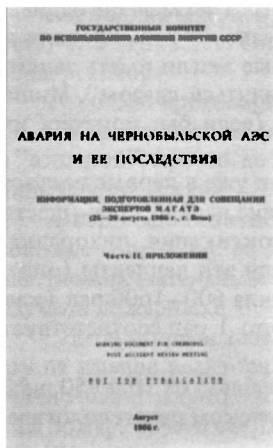
У 53 человек была определена ОЛБ II степени. Их доза облучения: 200—400 рад. Дозы 80—210 рад вызвали лучевую болезнь I степени. *Клиническое выздоровление у большинства имело место к исходу второго месяца от момента аварии. В настоящее время в стационаре на излечении находятся 30 человек.*

Надо сказать, что врачи Московской клинической больницы № 6 во главе с д-ром А. К. Гуськовой проявили самую высокую степень профессионализма и самоотверженности. Ведущий английский онколог Роджер Берри, член британской делегации на совещании в Вене убежденно заявил, что советские врачи "не потеряли ни одной жизни, которую вообще можно было спасти". К сожалению, возможно это было далеко не всегда. В частности, малоэффективной оказалась пересадка костного мозга, на которую возлагалось столько надежд. Из 19 человек, которым была сделана пересадка, 13 скончались. У четырех произошло отторжение донорской ткани; хотя они и выжили, их жизнь одно время висела на волоске.

Отдавая должное искусству и самоотверженности советских врачей, нельзя все же пройти мимо странных замечаний в отчете: *Накопленный ранее опыт позволил своевременно и достаточно полно оценить прогноз течения болезни... Применяли испытанные в повседневной практике методы лечения отдельных синдромов острой лучевой болезни.* "Литературная газета" (4 июня 1986 г.), рассказывая о Киевском рентгенологическом и онкологическом институте, тоже подчеркивает: "выводить больных из подобных состояний после сильного облучения киевские медики умеют."

Интересно и важно было бы знать, когда и при каких обстоятельствах советские медики приобрели этот опыт, откуда у них "повседневная практика"? Острую лучевую болезнь на улице не подхватишь. Значит, есть правда во время от времени появляющихся на Западе сообщениях об авариях на советских атомных подводных лодках, ядерных реакторах и т. п.?

ЧЕРНОБЫЛЬСКАЯ КАТАСТРОФА

В. А. Легасов и А. М. Петросьянц на пресс-конференции в Москве представляют отчет о Чернобыле

Конвой грузовиков направляется в Припять

Рабочие в респираторах на площадке АЭС

Снятие грунта, зараженного радиоактивностью

Ведется дезактивация местности

**В коридоре московской
клинической больницы № 6**

**Пожарный из Припяти в стерильной
пластиковой камере больницы № 6**

**Радиационные ожоги
на спине у пожарного**

Пациенты с ЧАЭС в реанимационном отделении больницы № 6

**Доктор Р. Гейл в кабине вертолета
после облета ЧАЭС**

**Могилы жертв Чернобыля на
Митинском кладбище под Москвой**

На площадке АЭС

Перейдем теперь от людских судеб к судьбе АЭС и окружающих ее, подвергшихся заражению районов.

После аварии на четвертом блоке на первом – третьем блоках были проведены следующие мероприятия:

– первый и второй блоки были остановлены соответственно в 1 час 13 мин и 2 час 13 мин 27 апреля;

– третий блок, который технически тесно связан с аварийным четвертым блоком, но практически не пострадал от взрыва, был остановлен в 5 час 26 апреля;

– первый и третий блоки подготовлены к длительной стоянке в холодном состоянии;

– оборудование АЭС после аварии переведено в состояние холодного резерва.

Первый–третий блоки и оборудование АЭС контролируются дежурным персоналом.

Поразительное сообщение. Оно кажется невероятным, но вполне согласуется с тем, что нам известно о темпах эвакуации. Оказывается, третий блок работал все время, пока шло тушение пожара, работал даже при разрушенной кровле. Первые же два блока работали еще целые сутки – в том числе целых девять часов после прибытия правительственной комиссии из Москвы.

Такую медлительность просто невозможно понять.

О том, какова была радиационная обстановка на площадке АЭС в первые дни после взрыва, отчет не сообщает, но об этом можно судить по интервью, которое дал 26 мая корреспонденту АПН член-корреспондент АН СССР В. Сидоренко: "Я могу охарактеризовать состояние на период, когда был на месте аварии вместе с представителями МАГАТЭ. (То есть 8 мая. – К. Л.) В радиусе примерно 400 метров прямое излучение поврежденного блока давало 5–20 рентген/час". Рентген, а не миллирентген! И это на 12 день после катастрофы, когда реактор был уже почти закрыт! Газета "Советская Россия", сообщая 24 сентября об успешном завершении строительства "саркофага" для реактора, задним числом признает: "Уже сейчас можно ходить там, где было излучение в десятки, а то и в сотни ретген". "Правда Украины" (26 сентября) говорит буквально о том же: "Прежде в этих местах так не ходили: излучение измерялось десятками, а то и сотнями рентген".

Но продолжим изложение отчета.

Значительное радиоактивное загрязнение оборудования и помещений первого – третьего блоков АЭС было вызвано поступлением радиоактивных веществ через вентиляционную систему, которая продолжала работать в течение некоторого времени после аварии.

Значительные уровни радиации имели отдельные участки машинного зала, так как его загрязнение происходило через разрушенную кровлю третьего блока. Мощность дозы гамма-излучения в загрязненных помещениях 1 и 2 блоков на 20 мая 1986 г. составляла 10–100 миллирентген/час, машзала – 20–600 миллирентген/час.

Состав растворов для дезактивации подбирался с учетом отмываемого материала (пластикат, сталь, бетон, различные покрытия), характера и уровней загрязнения поверхностей.

При отмывке широко применялся струйный метод дезактивации с помощью моечных машин, пожарных гидрантов, часть помещений обмывалась вручную протиркой ветошью, смоченной дезактивирующими растворами. Использовался также парозжекционный метод и методы сухой дезактивации с помощью полимерных покрытий...

После дезактивации уровни гамма-излучения снизились в 10–15 раз, мощность дозы гамма-излучения для помещений 1 и 2 блоков составила 2–10 миллиген/час.

Во время аварии радиоактивные материалы были разбросаны по территории станции, в том числе попали на крышу машзала, крышу третьего блока, на металлические опоры трубы.

Территория станции, стены, кровли зданий имели значительные загрязнения также в результате оседания радиоактивных аэрозолей и радиоактивной пыли. Однако общий гамма-фон на территории, создаваемый излучением от разрушенного четвертого блока, существенно превышал уровень излучения от загрязненных территорий и зданий...

Общее количество обрабатываемых площадей до 15–35 тыс. м² в сутки. В результате выполненных мероприятий удалось снизить общий гамма-фон в районе первого блока до 20–30 миллирентген/час, причем этот остаточный фон обусловлен в основном внешними источниками, что говорит о достаточной эффективности дезактивации территории и зданий. Однако значительное улучшение радиационной обстановки на всей территории АЭС, и особенно в районах 3–4 блоков, возможно только после закрытия разрушенного реактора.

Работы по закрытию реактора шли полным ходом. Строились внешние защитные стены по периметру, внутренние и металлические разделительные стены между блоками и внутри них, защитные перекрытия. Бетонировались завалы и территория, снимался поверхностный слой грунта. Сооружались вентиляционная система и система отвода тепла из погребенного реактора. Строительство "саркофага", или, как предпочитает выражаться "Правда", – "скафандра" производилось по очевидно хорошо продуманному плану.

Впрочем, в уже упомянутом исследовании Ливерморской лаборатории обращается внимание на следующее тревожное обстоятельство: "время жизни" бетонного "саркофага", видимо, не превысит 50 лет, много меньше, чем время, в течение которого радиоактивные изотопы, похороненные в нем, будут еще опасными. За состоянием "саркофага" придется все время следить.

Вот как описывала газета "Советский патриот" в номере от 14 сентября (!) атмосферу, в которой происходило строительство:

"Мы вошли в галерею, вплотную примыкающую к разрушенной стене. Отсюда до нее метров 120–140. У одного из окон мужчина с рацией в руках. Выглянет на секунду в проем, резко, по-десантному, скамандует "пошел" и снова за укрытие. Эти команды – водителю бетоновоза, который укрывается в излучине за зданием галереи. Проходит секунд 10–15, и машина перед нами. Еще немного, и она сменяет у стены четвертого

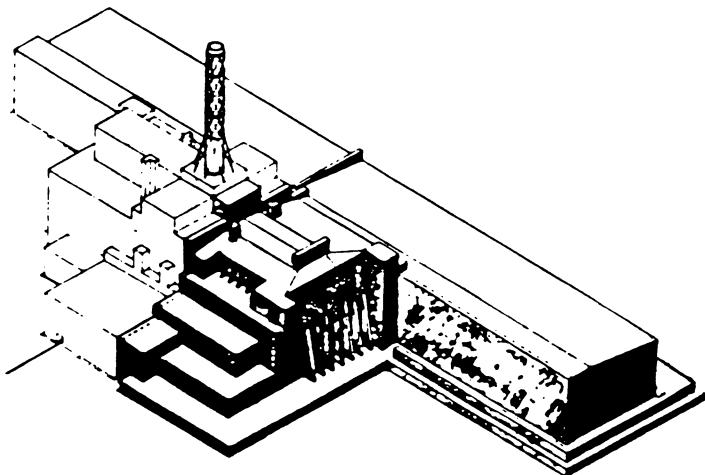

Схема захоронения энергоблока № 4. Общий вид одного из вариантов проекта

блока такую же порожнюю машину. Водитель, подключив миксер к бетононасосу, укрывается в будке, обшитой свинцовыми листами."

После знаменитой аварии в 1979 г. на Трехмильном острове в США, которую любят вспоминать в советских газетах, реактор до сих пор не запущен вновь, хотя все восстановительные и дезактивационные работы были произведены. И это при том, что радиоактивный выброс был в несколько тысяч раз меньшим, чем в Чернобыле, не было ни взрыва, ни человеческих жертв. Просто велика была сила общественного мнения и осторожность лиц, ответственных за эксплуатацию АЭС.

Что же было сделано в Чернобыле? Уже в конце сентября, когда только заканчивалось строительство "саркофага", в присутствии президента АН СССР А. П. Александрова был произведен ф и з и ч е с к и й (то есть еще не промышленный) пуск 1-го реактора. 1 октября в 16 час 48 мин состоялся и промышленный пуск этого реактора, подключенного к единой энергосистеме страны. За два часа реактор набрал уже мощность в 40 МВт, и она продолжает нарастать.

Совершен шаг, которого все опасались. Была надежда, что от планов столь скорого пуска АЭС все же откажутся, несмотря на то, что дата 1 октября все чаще и чаще называлась в советской печати. Ради все тех же "экономических выгод" принято решение поставить под угрозу здоровье и жизнь людей. Правда, как мы знаем теперь из сообщений московского радио (1 октября) работать сотрудники АЭС будут "вахтовым методом" — 15 дней в месяц они будут "отдыхать" в удаленном поселке вместе с семьями. Ясно, однако, что это паллиатив.

Корреспондент московского радио спросил 1 октября Ю. К. Семенова, зам. председателя правительственной комиссии: "Западная печать комментировала пуск 1-го энергоблока. Министр энергетики США Харрингтон считает, что возобновление работы Чернобыльской атомной вызывает у него беспокойство. Что вы можете сказать по этому поводу?" Ю. Семенов отрезал: "Ну, пусть он беспокоится о работе своих атомных станций. Чернобыльская атомная работает. Сегодняшнее включение блока № 1 в сеть заставит прикусить языки таким предсказателям".

Грубость, разумеется, не ответ. Радиационная обстановка на площадке АЭС и вокруг нее малосовместима с нормальной работой электростанции, и беспокойство министра США оправдано (кстати, о своих атомных станциях он уже побеспокоился). Беспокойство это разделяют и другие лица, как в СССР, так и за рубежом.

"Саркофаг", конечно, величественное сооружение. В тело его, высотой 74 м, уложено треть миллиона кубометров бетона. "Советская Россия" 4 октября 1986 г. даже написала со странной в таких обстоятельствах гордостью, что "саркофаг — единственное в мире столь сложное сооружение из бетона и металла." Газеты наперебой уверяют, что радиационная обстановка на площадке АЭС совершенно нормальная. Но вот, тот самый корреспондент, который только что восхищался уже завершенным "единственным в мире сооружением", вдруг замечает: "мы стоим у четвертого блока, конечно, в защитной одежде, респираторах". До "нормальности", видимо, далеко...

Но дело не только в захоронении главного источника загрязнения — 4-го блока. ЧАЭС находится в самом центре большой, уже загрязненной зоны. Как обстоят дела в ней?

Села, пашни, леса

Значительное радиоактивное загрязнение прилегающих территорий вокруг АЭС заставило принять ряд чрезвычайных решений относительно создания контролируемых зон, эвакуации населения, запрета или ограничений на хозяйственное использование земель и т. п.

Было принято решение о введении трех контролируемых зон: особой, 10- и 30-километровой. В них был организован строгий дозиметрический контроль транспорта, развезены пункты дезактивации. На границах зон организована пересадка работающих людей из одних транспортных средств в другие для уменьшения переноса радиоактивных веществ...

Формирование радиоактивного следа после однократного выброса заканчивается примерно через год. За этот период происходит существенное перераспределение радионуклидов по элементам ландшафта в соответствии с особенностями рельефа. Наиболее интенсивно перераспределение радиоактивности (вторичный перенос) происходит в первые 3–4 месяца после выброса, особенно в период протекания активных биологических и атмосферных процессов (роста, развития, отмирания растений, дождей и ветров). Сильному перераспределению подвержена слабозакрепленная часть радиоактивных веществ, осевших на поверхность почвы и растительности. В хвойных лесах такое перераспределение заканчивается лишь через 3–4 года (после полного обновления хвои).

В силу указанных причин радиационная обстановка в пределах 30-километровой зоны будет продолжать существенно изменяться в течение 1–2 лет, особенно в районах с высоким градиентом уровней загрязнения.

Поэтому проводимые мероприятия по дезактивации населенных пунктов приводят, как правило, лишь к временному улучшению радиационной обстановки.

Эти соображения авторов отчета должны были учитываться и правительственной комиссией, и всеми теми, от кого зависело принятие ответственного решения о пуске АЭС. Должны, но не были учтены.

Продолжается и попытка поскорее вернуть к жизни 30-километровую зону эвакуации.

Уровень радиоактивного загрязнения жилых домов и построек в сельской местности в пределах 30-километровой зоны колеблется в значительных пределах... Дезактивация проводилась струйной обработкой поверхностей с расходом дезактивирующего раствора 10–15 л/м². Для обработки использовались авторазливочные станции... После обмыва строений радиоактивное загрязнение земли у стен увеличивалось в 2–2,5 раза, поэтому вдоль стен землю перекапывали либо снимали бульдозерами и вывозили...

Об этой работе гораздо более подробно писала советская пресса: о том, что вдоль проезжей части улиц срезался и вывозился на захоронение грунт, отдельные строения разбирались и тоже вывозились, выкорчевывался кустарник, срезалась трава, перепахивались земельные угодья...

Резэвакуация населения может быть проведена лишь после стабилизации радиационной обстановки на всей территории загрязненной зоны... Для решения вопросов о возможности возобновления сельскохозяйственного производства и резэвакуации населения необходимо располагать достоверной информацией о концентрациях долгоживущих радионуклидов (стронций-90, цезий-137) в почвах и возделываемых на них растениях. В настоящее время закончен отбор образцов почв на всех полях колхозов и совхозов зоны. По окончании анализа образцов будут составлены картограммы загрязнения сельскохозяйственных угодий указанными радионуклидами.

Имеется принципиальная возможность возвращения загрязненных земель в сельскохозяйственное использование. Разработаны общие организационные и технологические принципы ведения сельского хозяйства в таких условиях и многочисленные рекомендации по отдельным направлениям. Так как сельскохозяйственные условия Полесья весьма специфичны, характер радиоактивного загрязнения пока мало изучен, конкретные оценки могут быть даны лишь по получению конкретных данных.

Вызывает тревогу, что, несмотря на все эти разумные предостережения специалистов, уже форсируется возврат жителей в 30-километровую зону и даже возобновление обработки земли.

На пресс-конференции в МИД 5 июня (уже 5 июня!) зам. председателя Совета министров СССР Ю. П. Баталин сказал, что "принято решение уже сейчас жителям ряда населенных пунктов вернуться в свои дома". 17 июля Московское радио сообщило, что "полевые работы возобновили земледельцы шести хозяйств Чернобыльского района Киевской области. Работа ведется вахтовым методом". 10 июля то же радио передало, что "в первые два села 30-километровой зоны вокруг Чернобыльской АЭС — Черемошну и Невещкое — возвратились эвакуированные жители".

Хочется надеяться, что сейчас, после представления официального отчета, эта опасная тенденция будет остановлена. Впрочем, пуск 1-го энергоблока оставляет для таких надежд слишком мало оснований.

А что леса? "Неделя" (№ 22 за 1986 г.) описывает один из пораженных участков леса: "Деревья здесь стоят с бурой хвоей. Их с вертолетов поливают специальным составом, образующим пленку. Так уменьшается уровень радиации. А потом — выкорчуют и надежно изолируют. Землю вспашут и тоже обработают дезинфицирующим составом."

Но весь лес не выкорчуешь. *При решении вопроса о судьбе загрязненных лесов необходимо исходить из хорошо известной их поглотительной роли в лесостепных и степных районах как аккумулятора и хранителя влаги.*

Исследования показали также, что в условиях радиоактивного загрязнения лес является также аккумулятором радиоактивных веществ сначала в кроне, а потом в подстилке. Закрепленные в подстилке радионуклиды будут надолго исключены из радиационных цепочек.

Поэтому в настоящее время, по мнению большинства специалистов, наиболее целесообразным способом обращения с загрязненными лесами является интенсификация противопожарной службы.

Как видно, все рекомендации по "возврату в хозяйственную деятельность" зараженной зоны составлены в очень осторожных выражениях. Их главный смысл: не торопиться, не делать опрометчивых шагов, выжидать. Это разумно. Но всегда ли учитываются доводы разума?

Уроки Чернобыля

Подводя итоги случившемуся в Чернобыле, авторы отчета дают и некоторые общие рекомендации на будущее. В главном они безусловно правы: как бы ни была ужасна Чернобыльская катастрофа, дальнейшее развитие ядерной энергетики остановить нельзя. Это невозможно уже в силу самой логики развития человеческой цивилизации. Нельзя перестать пользоваться огнем, хотя одному Богу известно, сколько людей погибло за всю историю при пожарах. Нельзя перестать плавать по морям, даже помня статистику кораблекрушений, ездить на машинах, летать на самолетах, стремиться в космос. Но есть и простая экономическая невозможность отказаться от ядерной энергетики. Уже пройдена точка, за которой нет возврата. Отказ от ядерных АЭС буквально подорвал бы всю экономику многих развитых стран.

Однако ядерная энергетика, как и вся техника, должна быть безопасной — максимально, насколько это вообще возможно, безопасной.

К сожалению, авторы отчета не делают одного важного конкретного вывода — конструкция реакторов РБМК внутренне порочна, и от нее следует отказаться, несмотря на всю дешевизну таких реакторов. Впрочем, и дешевизна оказывается теперь относительной — одна Чернобыльская катастрофа обойдется во многие миллиарды рублей.

Ученые, возможно, и рекомендовали бы отказаться от РБМК, но экономические соображения, находящиеся вне сферы их компетенции, перевесили. Отказаться от РБМК, как существующих, так и строящихся, значит сократить примерно на одну десятую

производство энергии в стране. Надо закрыть АЭС не только в Чернобыле, но и в Ленинграде, Курске, Смоленске, Литве (Игналина), отказаться от строительства АЭС в Свердловске и в Магаданской обл. (Билибино). Хромающая советская экономика не может себе этого позволить. Поэтому специалистам, конечно, не было разрешено вносить столь радикальные предложения, и они вынуждены были ограничиться "косметическими" исправлениями существующих реакторов.

Сообщено, что будут на метр с лишним переставлены концевые выключатели стержней управления, увеличено количество стержней, находящихся в активной зоне, установлены различные дополнительные сигнализаторы и т. д., все в том же роде. Усилятся исследования по количественно-вероятностному анализу безопасности. Ну и, разумеется, *необходимо поднять качество подготовки и переподготовки персонала, усилить контроль со стороны конструкторов и проектировщиков за качеством изготавливаемого оборудования, монтажом и проведением пусконаладочных работ и их ответственность за последующую эффективность и безопасность эксплуатируемых АЭС.*

"Поднять качество", "усилить контроль", "усилить ответственность"... Слова, давно девальгированные многочисленными "Постановлениями" ЦК, Совмина, Президиума Верховного Совета и других. Все знают, что слова эти еще ничего ни разу не "усилили", не "подняли".

Видимо, угроза событий, подобных чернобыльским, будет и впредь висеть над нашей страной. Уже после совещания экспертов в Вене 28 августа Шведский государственный совет по энергетике опубликовал отчет своих экспертов с анализом состояния реактора АЭС в Игналине (Литва). Эксперты считают, что реактор этой АЭС, РБМК-1500, еще менее безопасен, чем чернобыльский. РБМК-1500 создан на основе РБМК-1000 путем модификаций уже существующей конструкции и поэтому излишне усложнен и подвержен авариям и утечкам радиации. Большая мощность достигнута в нем без увеличения размеров активной зоны: на единицу объема этой зоны в игналинском реакторе выделяется больше энергии, чем в чернобыльском, что делает реактор более опасным в эксплуатации. Особенно трудноуправляема система охлаждения, и существует постоянный риск вскипания теплоносителя и "разгона" реактора. Представители Шведского исследовательского совета обороны, того самого, который впервые сообщил миру о катастрофе в Чернобыле, заявили, что они уже шесть раз регистрировали небольшую утечку радиоактивных веществ из игналинского реактора.

Трагедия Чернобыля — это трагедия экономически и технически отсталой страны, вынужденной — и старающейся — идти вровень с передовыми державами. Но если в других областях эта отсталость приводит лишь к резкому снижению уровня жизни, то в области ядерной энергетики за это приходится платить куда большую цену.

И еще один урок преподнес Чернобыль — урок гласности, урок того, что гласность не может быть ограниченной. Она либо есть, либо ее нет. Советское руководство все еще пытается сидеть между двух стульев. Разрешив экспертам-специалистам представить западному общественному мнению откровенный (или почти откровенный) отчет, оно по-прежнему боится столь же откровенно рассказать о том же своему собственному населению.

Чернобыль — это не гибель "Адмирала Нахимова", где действительно виноваты лишь те, кого наказали — капитаны, — и поэтому об этом можно писать и говорить. Чернобыль — это еще и повесть о просчетах самого высшего руководства страны.

Полная гласность существует лишь тогда, когда объектом ее становятся и те, кто нас к этой гласности публично призывает. ●

К. Любарский

ТРУДНО БЫТЬ ОПТИМИСТОМ

Заметки о гласности

В последнее время стали особенно много говорить и того более писать о гласности. В этом — давно назревшая потребность общества. Закономерно возлагаемые на нее упования требуют и четкого представления о сущности этого понятия, об охватываемых гласностью сторонах общественной жизни. При этом необходимо уяснить себе ее значение именно для нашего времени — конца XX века, потому что каждое поколение вкладывает в понимание этого термина свой отличный смысл, отвечающий исторической обстановке.

Так, в начале века, когда, быть может, этот термин впервые получил права гражданства в России и политические ораторы любили ссылаться на "благотельную гласность", прогрессивно мыслящие деятели отождествляли ее с упразднением цензуры, свободой печати, с беспрепятственным высказыванием личного мнения. В первое десятилетие века выпускались газеты, отражавшие программы целого спектра политических партий. Я помню сатирические журналы тех лет с карикатурами на царя в надетой набекрень короне, жалующего мужика в лаптях бутылкой водки и просыпающего другой рукой золотой дождь на шеренгу бравых гвардейцев...

В дальнейшем, когда несколько улеглись или притаились страсти, разбуженные первой революцией, правительством были приняты меры, ограждавшие царя и его семью от критики и поношения, однако в остальном поле боя осталось за общественностью: ограниченному конституцией самодержавию пришлось примириться с резкой критикой порядков, разоблачением уличенных газетчиками недобросовестных или бездарных министров и сановников, злоупотреблений полиции и т.п.

Так было в первые годы века, вплоть до начала германской войны, то есть более семидесяти лет назад. За этим рубежом словно плотину прорвало: жизнь понеслась вскачь, замелькали события мирового масштаба, были опрокинуты прежние темпы развития, рушились укоренившиеся порядки, общественные устои и представления... Никогда прежде, в минувшие века, человечество не испытывало столь быстрых перемен. В так называемые "добрые старые времена" можно было жить вразвалку, не торопясь, без риска и, придерживаясь дедовских заветов, оказаться среди отсталых. Двадцатый век стал перекраивать сознание революционными темпами, на всех континентах забурлила жизнь, сделалась очевидной невозможность жить, не исследуя пристально накапливающийся на глазах и тут же устаревающий опыт, не внося существенных поправок в бытовавшие в начале века представления: то, что накануне принималось за истину, опровергалось на следующий день — требовалась корректировка на ходу! И это решительно во всех областях жизни, в социальных и нравственных представлениях.

Вплотную приблизившись к концу столетия, мы уже не можем руководствоваться опытом дедов, хотя как раз их деятельность легла в основание порядков, определивших развитие современного общества. Корни занимающих нас сегодня проблем надо искать в фактах нашей истории. Только бесстрашно их раскрыв и изучив, можно до-

браться до первопричин накопившихся отрицательных явлений в нашей жизни, развившихся настолько, что они вынуждают в срочном порядке изыскивать пути, способные вывести хозяйство и общество из тупика. Их завели туда десятилетия, когда пресекалась любая попытка критического пересмотра источников, определивших жизнь установлений: она клеймилась порочащим термином "ревизионизм". На пути развития общественной жизни стояли рогатки, воздвигнутые непониманием необходимости считаться со стремительной поступью XX века во всем мире. Длительное время официальная оценка положения страны расходилась с тем, как оно сложилось в действительности.

Пусть наслоившиеся годы заслонили жуткие картины обезлюдевших, вымерших от голода деревень Поволжья и Украины с оставшимися невыключенными громкоговорителями, победно повторявшими на пустых улицах: "Жить стало лучше, жить стало веселей!"

Пусть официальная пропаганда не сбивалась с раз и навсегда усвоенной оптимистической ноты, — в людях с годами все непререкаемое укоренялось сознание, что, говоря словами Гамлета, "какая-то в державе датской гниль!"; что наша страна все более отстает в своем развитии от прочих стран; что несерьезным хвастовством звучит обещание за пару пятилеток догнать и перегнать США; что все резче обозначается выделение слоя населения, который только привитая осмотрительность не позволяет назвать паразитическим; что все более накапливается в нашей стране лжи, лицемерия, неправды и несправедливости...

Незачем добавлять, что деградация общества и скатывание в хозяйственный хаос оказались возможными только из-за полного отсутствия гласности — хотя бы такой, какой она утвердилась в предреволюционной России. Зло, воспользовавшись ее отсутствием, охватило своими метастазами ряд областей народной жизни. Особенно пострадавшими от них мне представляются нравственная ее грань и деревня.

Все началось, однако, с отмены правосудия. В некие годы в стране водворилось беззаконие, окрещенное, правда, "революционной законностью". Но кто из испытывавших мертвящую хватку развязанных ею темных сил и инстинктов рискнет признать террор законным средством установления даже самых справедливых, гуманных порядков?

Торжество диктатора все же скоротечно: отвергнутая справедливость мстит за себя. Подавление и насилие поселяют в человеческих сердцах семена зла, жестокости, притупляют голос совести, плодят и выращивают безнравственных людей, глухих к добру, неспособных проводить его в жизнь.

Оправданием тому, что в 1918 г. вместе с родителями были убиты и царские дети, послужило наступление армии Колчака, окружившей Екатеринбург. А уже в тридцатых годах статьи уголовного кодекса дополнились формулировками, узаконившими расправы с членами семей так называемых врагов народа. Они давали право чекистам по своему усмотрению поступать с матерями, женами, детьми и другими близкими человека, произведенного во враги народа! Можно было отправить на каторгу, даже расстрелять. И карательные органы стали широко пользоваться формулировками "ЧСВН" — член семьи врага народа; "ПШ" — подозрение в шпионаже; "СОЭ" — социально опасный элемент и множеством других... И потянулся за ними длинный скорбный след, как за знаменитым синодиком "венчанного злодея" (так навсегда заклеил Карамзин Ивана Грозного), — со списками казненных и умученных, имена которых, по записи царского писца, мог знать один Бог — "имена их ты один, Господи, веши!" По существу в стране на долгое время воцарились порядки, воскресившие времена Грозного, расправ Петра, бироновщины, недоброй памяти "Слова и Дела"! И люди сквозь страх и печаль шутили, что прежде чем утром заговорить, надо проштудировать передовицу "Правды"!

Однажды в пересыльной тюрьме Архангельска мне встретился инженер, приговоренный к трехлетнему лагерному сроку за... Горького! "За дискриминацию великого пролетарского писателя" — гласила выписка из постановления: этот бедолага в прия-

тельской компании признался, что ему не нравится вычурность языка Горького, злоупотребляющего иностранными словами. В те годы, кстати, почиталось верхом неосторожности высказать свое мнение при двух свидетелях...

И все же могло на поверхностный взгляд казаться в то время, что в стране тишь да благодать: ни критики, ни протестов, все согласно дуют в одну дуду, славословя "Великого кормчего". Всеобщая немота подтачивала нравственную силу народа, в людях оскудевало духовное начало, глохло чувство справедливости и вырабатывалась терпимость ко злу и неправде, между людьми росла отчужденность. Еще предстоит глубоко исследовать и всесторонне выявить истоки проявленного народом в Великую Отечественную войну героизма. Помимо исконной любви к родине тут, несомненно, присутствовала надежда на наступление после победы над людоедской идеологией фашизма времени, когда и у нас будут осуждены и отменены уродливые порядки, вскормленные тем, что впоследствии было деликатно названо "культом личности", а в народе окреплено произволом. От победы ждали — назовем вещи своими именами — раскрепощения жизни.

Чаяния эти оправдались, как известно, лишь в очень скромной мере после 1953 г., когда была сделана не доведенная до конца попытка осудить самые грубые и несправедливые проявления беззакония и расправами покончить с ними: стали говорить и даже писать об "оттепели". Но полного, исчерпывающего осуждения мы не дождались. Многие замалчивались, сделанные сквозь зубы признания оставили в тени подлинные масштабы цены, заплаченной народом за этот "культ". Однако народная совесть приговор свой вынесла иначе: в его сознании — да и в истории! — запечатлелись две вставшие рядом фигуры — Сталина и Гитлера.

Наступили годы, названные шутниками годами "позднего реабилитанса". Были существенно разгружены лагеря, стали подзабываться разъезжавшие некогда по ночным улицам городов за добычей "вороны" и "воронята". Из деревень перестали увозить "кулаков" в ссылку и лагеря. Страну накрыла глухая тишина — "народ безмолвствовал"... Не стало и громких процессов вредителей, служивших козлами отпущения: ведь это их козни не давали власти создать райскую жизнь для тружеников! В несколько иной оркестровке и в более близкое к нам время роль вредителей стали играть диссиденты. Естественно, что очевидцев жестоких массовых расправ тридцатых годов не могли особенно волновать обходившиеся без большой крови процессы диссидентов. Помня латинскую поговорку "о мертвых хорошо или ничего", не стану называть имя крупного писателя, заявившего во время процесса Синявского—Даниэля: "Подумаешь, возятся с ними; да в двадцатых годах поставили бы попросту к стенке и шлепнули!" Более того, не слишком вникающий в подробности и тонкости судопроизводства наблюдатель мог бы заключить, что есть у нас гласный суд и юристы, стоящие на страже закона. И вот эта поверхностная тишина, налаженность бюрократической машины, фестивали и спортивные состязания, эффектные внешнеполитические шоу и, главное, отошедший в самом деле в прошлое неограниченный произвол вселили в людей иллюзию спокойного существования — скудного, безыдейного, но относительно бестревожного и воспринимаемого как передышку: лишь бы не пришлось снова испытать прежние тревоги и утеснение!

Размышляя о прошедшей у нас в стране легкой зыбью волне инакомыслия (названного диссидентством) — столь естественной после десятилетий железного "не смей свое суждение иметь!" — я думаю, что это вполне закономерное и общее для всех народов явление, когда кучка несогласных правдолюбцев, чаще всего юных, волнующих неопределенными исканиями истины, зачастую понимаемой вкривь и вкось, по-

читает оппозицию существующим порядкам своим священным долгом. В средние века этих вольнодумцев преследовали церковь, университетские деканы, за ними светские власти, сановные держиморды, и лишь в исходе минувшего века стали более или менее везде в цивилизованном мире, где упрочились парламентские порядки, смотреть на них сквозь пальцы: пусть себе студентики тешатся зажигательными речами, стуча кулаками по трактирным столам или попитрам аудиторий, пускай даже выходят на улицу с песнями и плакатами: попротестуют, перекипят, проврут, а там, подросши, возьмутся за дело и, чего доброго, окажутся честными, полезными работниками и патриотами.

Но оказались сильны пережитки упраздненного культа! Эти горячие, но вполне безвинные головы были произведены во врагов советской власти, в злоумышленников, подрывающих устои, и несправедливо круто с ними расправились, тем самым окружив их имена ореолом мученичества. Подумать только: в обиход вошла практика упрятывания инакомыслящих в "психушки"! Некому было напомнить применявшим эту меру про императора Николая I, бесповоротно осужденного нами же за объявление Чаадаева сумасшедшим после опубликования им первого "Философического письма" в "Телескопе"! Тут будет уместным заметить, что мы зачастую бываем глухи к урокам, какие преподносит нам жизнь, и не примеряем к себе то, что осуждаем в других.

И спустя двадцать шесть лет после смерти Бориса Пастернака на его могилу приносят цветы многочисленные посетители. Этот крупный, выдающийся поэт не был особенно популярен и широко известен при жизни: его стихи знали и ценили избранные, эстеты. А вот заушательство и преследования, омрачившие под конец его дни и преждевременно сведшие его в могилу, привели к тому, что его чтут и помнят как пострадавшего за правду — как жертву режима. А если бы дали Симонову опубликовать "Доктора Живаго", им бы, разумеется, не воспользовались на Западе, чтобы создать антисоветский фильм. Полагаю, что и отечественные критики вскрыли бы значительные недостатки этого романа.

И ныне, в пору поисков новых путей и дозволенных критических настроений, следовало бы, думается, пересмотреть вынесенные в то безвременье приговоры инакомыслящим. Мне пришлось познакомиться с обстоятельствами судьбы писателя Леонида Бородина, находящегося уже четыре года — при десятилетнем сроке — в заключении в лагере строгого режима. В его книжках, опубликованных за рубежом, трудно усмотреть криминал, заслуживающий каторжного приговора. Мой личный опыт — а у меня в столе хранятся пять документов о реабилитации, обошедшихся мне в двадцать семь лет тюрем лагерей и ссылок, — позволяет заключить, что обвинение Бородина построенное на подтасовках и передергиваниях, словно позаимствованных у сталинских следователей. Не знаю, восстановил ли чем против себя Бородин своих судей или им застила глаза его прежняя судимость, позволявшая отнестись к нему как к рецидивисту, но бесспорно, что мера наказания ему была неправомерно завышена и справедливость требует пересмотра приговора. Если, конечно, считать, что наступило время, духу которого отвечало бы провозглашение всеобщей широкой политической амнистии, убедительно свидетельствующей о признании нами на деле ошибок, признаваемых ныне на словах.

По карнизу зала заседаний Петербургского окружного суда шла сделанная славянской вязью надпись: "Милость и правда да царствуют в судах: лучше оправдать десять виновных, чем осудить одного невинного". И хотя это напутствие судьям принадлежит Екатерине II, я полагаю, что заложенная в нем гуманная суть пригодна и для наших дней. Согласимся, что каторга за инакомыслие и даже крамольные высказывания более не отвечает духу времени — концу XX века.

Вряд ли когда прежде внешнее благополучие общества маскировало столь стремительно разрастающееся подспудное разложение. Лишенные благородных стимулов и идеалов, люди бросились устраивать свое личное процветание. Рискну сказать, что ве-

ликим крушением для переживших подъем духа и веру в грядущее близкое переустройство общества на справедливых началах в 1917 г. были придавившие страну безгласность и немота, обманувшие надежды на свободную и достойную жизнь. Забота о личном преуспевании заменила всякие идеалы. Гоголь говорил, что человеку необходимо время от времени взглядывать вверх, на небо, иначе он отучится поднимать голову, как свиньи, умеющие смотреть только в корыто.

Поколебленные нравственные устои поощряли полную неразборчивость в средствах: стали — сначала таясь, потом в открытую (чего стесняться, коли все так делают! Не зевать же по-глупому...) — прививаться и укореняться в нравах казнокрадство, хищения, взятки, мошенничество, все виды обмана. И тут снова память о неувядаемом, бессмертном Гоголе: воскресли герои николаевской России, их заветы брать по чину, не брезговать и борзыми щенками... Коррупция и злоупотребления изъязвили все поры общества, все отрасли деятельности. Причем среди самых лютых стяжателей оказались люди, стоящие на очень высоких ступенях власти. Психологам еще предстоит исследовать, как это получилось, что человек, воспитанный от младых ногтей в коммунистической семье, питомец партийных школ и академий, оказывается питекантропом, идеологом кубышки с золотом и бриллиантами, о которых как о реальной, нужной ценности не помышляет ни один современный рядовой советский человек!

И снова — литературные реминисценции: Пушкин, помрачневший при чтении ему Гоголем первых глав "Мертвых душ". "Боже, как грустна наша Россия!" — воскликнул поэт. Сходное чувство испытываем и мы, разворачивая газеты, приоткрывающие уголки правды материалами, которые свидетельствуют о том, что нет ныне поприща, нет самого ничтожного хозяйственного или административного организма, где бы не угнездились мошенники и ловкачи, умеющие нажиться и на дерьме! Вузы, клиники, НИИ, дипломатические и партийные посты, не говоря о торговой сети, сделались благодатной почвой для взяточников и махинаторов. Вызывает, кстати, недоумение: значительные особы в случае разоблачения отделяются строгом или переводом на другую работу за художества, влекущие за собой тюрьму и лагерь для рядового уголовника... Вопреки изречению "кому много дано, с того много и спрашивается"!

Наблюдаемые деморализация и падение нравственности общества — прямое следствие подавления всякой живой мысли и честного побуждения, "вышколенности" граждан, твердо усвоивших, что при открытом голосовании надо всегда поднимать руку "за", никогда не голосовать "против" и неблагоразумно привлекать к себе внимание, объявившись "воздержавшимся". Вот почему так важно разобраться в нашем прошлом, из которого вытекло наше сегодня, и начиная с первых послеоктябрьских лет проследить по этапам, как могла сформироваться эта всеобщая холопская психология. Помочь в этом нам должны наши почтенные историки. Не уводить нас, как они повадились это делать, в далекое средневековье, к ратным подвигам далеких предков, как бы это само по себе ни было интересно и лестно для самолюбия, а сказать полную правду о вчерашнем дне, трагически неблагоприятно отразившемся на моральных устоях народа. Правда, Алексей Константинович Толстой писал:

Ходить бывает склизко
По камушкам иным.
О том, что было близко,
Мы лучше умолчим... —

и сам довел свою "Историю от Гостомысла" лишь до царствования Александра I, но признаем все же, что всего нужнее нам сейчас честно и до конца вытащить сталинскую занозу из тела нации, занозу, продолжающую отравлять наше сознание.

Вряд ли нужно доказывать, что именно в такой стране, как Россия, последовательная многолетняя антирелигиозная пропаганда не могла не повести к расшатыванию нравственных устоев общества. Хотя к началу XX века русский народ в массе своей

утратил в значительной мере свою историческую религиозность и очень смутно представлял себе суть христианского вероучения, а влияние духовенства ограничивалось внешней обрядностью, в сознании еще крепко держался суеверный страх перед неким высшим судьей, от которого нельзя скрыть не только дурные поступки, но и помыслы. И это представление о грозящей небесной каре заставляло жить по совести, не грешить. Разрушение церквей, воплощавших эстетическое начало жизни, красоту духовных идеалов, воспринималось как сигнал к вседозволенности, как отмена норм поведения, диктуемых голосом совести. Полноценной замены этим нормам не нашлось, поскольку рациональные, практические доводы разума не влияют на совесть и не воздействуют на иррациональную сущность человеческого сознания.

Я только что прочел в газете заявление председателя Союза китайских писателей о том, что "культурная революция принесла народу и стране неисчислимые бедствия". "Боюсь, — сказал он, — что ее влияние не исчезнет на протяжении нескольких поколений. Поэтому необходимо всеми силами ниспровергать "культурную революцию", как следует обобщить ее опыт, чтобы последующие поколения не забывали этот горький исторический урок". Тут пригодно для нас всякое слово, надо только заменить слова "культурная революция" сталинской диктатурой.

Выше упоминалось о русской деревне, особенно тяжело пострадавшей от проделанных над нею начиная с 17-го года опытов и "проб пера". Ведь и до того, как ее обескровили, расправившись под флагом борьбы против кулачества с пахарем, крестьяне сделались подопытными кроликами. Невдолге после знаменитого декрета, отдававшего землю навеки тем, кто ее обрабатывал (никогда, кстати, этот декрет не сделался выполняемым законом), начались реформы и переделки. Так, еще в самые первые годы после Октября в наших тверских краях власти стали поощрять выделение крестьян из общин на хутора, правда, с условием, чтобы селились вместе не менее двух семей. Добрые плоды сразу дало добровольное кооперирование: всюду возникали, как грибы, сельские кооперативы. Но нагрянули годы военного коммунизма, когда с крестьян драли по несколько шкур, а ретивых кооператоров пересажали за приверженность эсеровской программе. Деревню, оказавшуюся на краю гибели, оживило возвращение к испытанной капиталистической практике: с введением нэпа наступил краткий период подъема деревни, начавшей энергично и успешно зализывать нанесенные лихолетьем раны. Но тут власть спохватилась: "Нас регулирует кулак!" — истошно воззвал перетрусивший Каменев, и было срочно приступлено к планомерному и целеустремленному регулированию хлебопашества, обернувшемуся его разорением.

Не следует заблуждаться, будто в тюрьму и лагерь попадали одни подлинные мироеды — те кулаки, о которых писали еще Тургенев и Успенский. Помню, что большинство мельников, прасолов, лесоторговцев, растузившихся хуторян и огородников загоняли учуяли беду и, побросав свои хозяйства, укрылись в городах. На деле деревню лишили самых трудолюбивых, самых преданных земле пахарей, тех, кто едва не с колыбели и до могилы жил с не сходящими с рук мозолями! Великим стройкам коммунизма — как полезным, так и рекламным — были нужны рабочие руки, и их, не задумываясь, отбирали у деревни. Потомственного крестьянина в ней сменил пришлый человек, горожанин, случайные на селе люди. Уцелели и местные крикуны и лодыри — наступило их время...

Мне навсего врезались в память улицы и набережные Архангельска, наводненные толпами раскулаченных — голодных, бесприютных, сломленных, отверженных. Чекисты не справлялись с потоком, поступавшим с поездов и барж, не хватало транспорта, чтобы рассредоточить ссыльных по области. Голодные, больные, намерзшиеся, с уку-

танными в тряпье детьми, с дряхлыми стариками, они умирали на улицах, в толкучке осаждавших барак на берегу Северной Двины, где помещалась комендатура и иногда выдавала паек — соленую рыбу и граммы невесты из чего выпеченного хлеба. Мне, устроившемуся преподавать языки педагогам местных вузов, имевшему крышу над головой и паек, было совестно за свое хрупкое благополучие перед лицом всенародной трагедии русского пахаря — кормильца страны!

Страна должна знать эту правду. Народ обязан сохранить свидетельства очевидцев, чтобы нынешнее и будущее поколения имели верное представление о крестном пути русского земледельца, о цене, заплаченной им ради воплощения в жизнь новых схем общественного устройства. Первоочередный наш долг — воздвигнуть в столице достойный памятник русскому пахарю.

Поучительна и последующая судьба деревни, сделавшейся полигоном для экспериментирования. Чередовались шарахания от колхозов к совхозам и обратно, их дробили, укрупняли, подчиняли МТСам, вводили новые культуры, примеряли одно, другое, меняли, мудрили; усадебные участки урезали, потом стали рекламировать частное овощеводство, разведение птицы и скота... Ныне в чести — надолго ли? — семейный подряд. Как тут не вспомнить басню! И у меня невольно возникает в памяти опытная сельхозстанция в селе Ярцеве на Енисее, вводившая не ведавшей сомнения рукой гречиху и пшеницу на поля, знавшие от века один ячмень.

Но сколько ни экспериментируют, страна продолжает ввозить зерно из Канады и Аргентины, и вряд ли кто теперь поверит, что Кубань в начале века была ж и т н и ц е й Е в р о п ы! Одной из причин беспомощного состояния деревни является отсутствие стабильных условий и самостоятельности. У современного хлебороба нет твердой почвы под ногами, как нет и уверенности, что его, буде ему удастся упрочить свое благосостояние, не постигнет участь дедов. Не убран, все еще маячит над страной призрак тех страшных лет, когда кому-то "жить стало лучше, жить стало веселей", а голод беспощадно косил деревни...

Да и в силах ли мы освободиться от подозрительно-неприятного отношения к частнику, даже если он торгует яблоками из своего сада или ломтями сала на славу выкормленного поросенка? Не вкладываем ли мы уничижительный смысл в слово "нэпман", словно это непременно жулик и туеядец, а не предприимчивый, рискованный человек, поверивший в данное законом право открыть свою лавку или мастерскую? Жестоко поплатились люди, некогда поверившие в прозвучавший с высокой кремлевской трибуны призыв "Обогащайтесь!", и несомненно прав китайский писатель, полагающий, что в народной памяти на долгие годы откладывается горечь пережитых разочарований, подобных крушению надежд, возбужденных этим словом.

Я думаю и о поколениях воспитанников комсомола, которым со школьной скамьи внушили настороженное отношение ко всему, что отдает частным предпринимательством, личной наживой, составляющей, как мы знаем, его движущий стимул. Похоже, что наступило время, когда не обойтись без пересмотра и переосмысливания целых пластов нашего миропонимания, словно мы долго шли в тумане, вдруг поднявшемся и открывшем нам перепутье: надо выбирать — по какой дороге идти дальше?

Изложенное выше освобождает меня от необходимости объяснять, что я разумею под гласностью, и уточнять, какие именно стороны жизни она охватывает. В разумно и справедливо устроенном обществе не может быть запрета на высказывание и отстаивание любого мнения, тезиса, положения, идеологии. Оно лишь ограждает себя от проповеди насилия и человеконенавистничества, апологии принуждения и подавления, изуверства, порнографии, всего, что сеет вражду между людьми и народами, что без-

нравственно. Я вспоминаю диспуты того же Луначарского, оспаривавшего в переполненном зале тезисы митрополита Введенского, журнальные схватки рапповцев со сторонниками чистого искусства, изданные Гослитиздатом книги Шульгина, думских деятелей, Бориса Савинкова, воспоминания белогвардейцев...

Что было — то было. И чем полнее и честнее мы это признаем, тем легче и скорее избавимся от отравляющей наше сознание полуправды, покончим с замалчиванием и оздоровим обстановку. Если стучит в сердце "пепел Освенцима", то не менее тяготят совесть усталые костыли заключенных просторы Севера и Сибири с их гигантскими мясорубками — всякими Сиблагами, Дальлагами и Колымой. Где книги о них? Свидетельства очевидцев? И если "Архипелаг ГУЛаг" — правдивое сочинение о пережитом народом, почему он включен в индекс запрещенных книг? Возможно, что зарубежный Солженицын проявил себя противником коммунизма, но это само по себе не криминал, а всего лишь идеологическое расхождение, если, разумеется, нет в его деятельности поступков, преследуемых по закону. Солженицын, несомненно, крупный писатель, но это не значит, что его суждения и оценки бесспорны. Кое-кому из наших критиков вполне по плечу его оспорить и заодно осудить своеобразный, калечащий русский литературный язык слог, которым он стал писать... Но я повторяюсь!

В моем возрасте нельзя надеяться, что доживешь до времени осуществления высказываемых ныне надежд и пожеланий, когда за словами последует дело. Успех всецело зависит от того, будут ли широко и всерьез распахнуты двери перед гласностью или все ограничится благочестивыми о ней разговорами. Думаю, что не мне одному приходится на память при виде обильного потока планов и программ на близкое и отдаленное будущее, определяющих до мелочей, сколько, когда и чего прирастет и умножится, знаменитая диспозиция австрийского генерального штаба перед Аустерлицем, приведенная Толстым в "Войне и мире": "Die erste Kolonne marschiert, die zweite Kolonne marschiert..."

Трудно, безмерно трудно, оглядываясь на длинную череду прожитых лет, быть оптимистом... ●

Май—июнь 1986 г.

О ЗАМЕТКАХ ОЛЕГА ВОЛКОВА

Публикуемые выше заметки одного из старейших советских писателей Олега Волкова посвящены гласности — предмету, о котором в нашем любезном отечестве сейчас пишут и говорят все кому не лень. Иногда даже до такого договариваются, что хочется заглянуть в уголовный кодекс, не отменены ли там некоторые статьи. (Не волнуйтесь, не отменены, и по уровню гласности это очень даже заметно.)

Взять, например, выступления советских писателей на последнем съезде, до и после него. Иные выглядят ужас какими смелыми, но при ближайшем знакомстве с ними меня не покидает ощущение, что все без исключения смельчаки точно знают, где проходит черта, за которой конвой открывает огонь без предупреждения.

Вот, допустим, один говорит, что надо навсегда и бесповоротно покончить с прежней практикой захваливания начальников. Надо критиковать книги не взирая на лица и на чины их авторов. При этом ни лиц, ни чинов не называет. Другой идет еще дальше: мы, мол, только говорим, что надо критиковать не взирая, а сами не критикуем. И тут же подтверждает свою мысль тем, что тоже не критикует. (А недавно прочел я очень хвалебную статью о романе Владимира Карпова "Полководец" и, приняв к сведению тот факт, что романист ныне является первым секретарем Союза Инженеров Челове-

ческих Душ, предаюсь подозрению, что в условиях нынешней гласности критика свои оценки с чинами все еще соотносит.)

На упомянутом съезде много говорили о том, что надо восстановить правду о прошлом, надо открыть музей Пастернака, издать стихи Гумилева и романы Набокова. Высказывали тревогу о планируемом утоплении северных рек в песках Кара-Кумов. Неравнодушие писателей к проблемам экологии само по себе похвально, но надо сказать, что беспокоиться в этом направлении до определенных пределов разрешалось и раньше. Я, например, помню, что в день начала процесса Синявского и Даниэля "Литературная газета" разразилась длиннейшей (кажется, на целую страницу) статьей в защиту таежного гнуса, которого (в отличие от подсудимых) следовало сохранить для равновесия в природе.

Будь я художником-карикатуристом, я бы изобразил сегодняшнюю гласность в виде слегка удлинённого поводка. Или, скажем, в виде музейной амбразуры, на которую бросается Евгений Евтушенко, изображая из себя Александра Матросова. Но есть еще амбразуры, которые не остыли. Есть имена, события и явления, нынешним регламентом гласности не предусмотренные. Например, уже можно смело говорить о музее Пастернака, но еще нельзя робко заикнуться об "Архипелаге ГУЛаг" Солженицына. Можно читать публично стихи Юрия Андропова (этого поэта, как Гумилева, стали печатать посмертно), но до Наума Коржавина или Иосифа Бродского очередь еще не дошла. Ирина Ратушинская или Микола Руденко сочиняют стихи вперемежку с жалобами на действия надзирателей, а поборники гласности Андрей Сахаров и Юрий Орлов все еще испытывают ее превратности на себе, находясь под гласным надзором. Поэтому истинно откровенные суждения по вопросам текущего бытия и самых главных фактов истории звучат не с официальных трибун, их по-прежнему следует искать в Самиздате или в вольном пересказе на страницах обвинительных заключений.¹

В этих условиях я ко всем без исключения печатным рассуждениям о гласности отношусь с заведомым недоверием. И с заведомым доверием я отнесся к данным "Заметкам", на которые торжество гласности не распространилось именно потому, что они говорят о предмете всерьез. Доверие внушило мне и имя автора, который, не изведав шумной славы, давно заслужил репутацию писателя беспокойного и честного.

Из своих восьмидесяти шести лет Олег Васильевич больше трети провел в ссылках и лагерях. Однако приверженности к правде не утратил и столь освоенному некоторыми властителями наших дум лукавству не научился. Поэтому его рассуждения о гласности отличаются от официально одобренных, как живой организм от копирующего его муляжа. В них нет показной смелости, но есть свойственное автору стремление говорить по существу.

Волков, между прочим, неоднократно выступал в защиту родной природы (в частности, озера Байкал), но меня гораздо больше трогает, что его интересует не только природа, но беды народа и судьбы отдельных людей, начиная от всемирно знаменитого Солженицына, кончая писателем малой известности Леонидом Бородиным. Свое неравнодушие к происходящему и свое, я бы сказал, щепетильное отношение к правде Олег Васильевич выражает не первый раз. В 1978 году на Западе был опубликован его деревенский репортаж под выразительно отражающим тему названием "Ратуйте, люди добрые!". Два года спустя он решительно протестовал против приписанных ему газетой "Московский литератор" высказываний об альманахе "МетрОполь".

Учитывая направление интересов Волкова и способы их выражения, мне хочется сравнить его с Владимиром Галактионовичем Короленко, то есть с типом русского писателя, которого давно пора занести в Красную книгу.

С Олегом Васильевичем я лично, можно сказать, не знаком, хотя в свое время участвовал вместе с ним в каких-то заседаниях объединения прозы и всегда смотрел на него с любопытством. На фоне окружающих его и тронутых печатью растреления лиц он, боль-

1 Перед сдачей этого номера в печать получено известие о высылке Ю.Ф.Орлова за границу. — *Ред.*

шой, седобородый, выделялся ясно ощущаемым благородством и вообще неординарностью облика старого русского интеллигента. Какая-то странная и необычная фигура, к которой начальство, похоже, даже не знает, как относиться. Поэтому его литературные и общественные заслуги были оценены тоже несколько необычно. К его восьмидесятилетию Монетный двор не отчеканил для него даже самой завалящей медали, но зато Верховный Совет РСФСР, несмотря на свирепствующий в стране бумажный голод, наградил юбиляра Почетной грамотой. Ну, а мы, не имея даже и такой скромной возможности, наградим его чем можем — нашей благодарностью за то, что он такой, какой он есть. ●

Владимир Войнович

ИЗ ГАЗЕТ: 60 ЛЕТ НАЗАД

День проходил, как всегда:
В сумасшествии тихом.

А Блок

ВПОЛНЕ НОРМАЛЬНОЕ

ОБЩЕСТВО

Ленинград. Под руководством акад. Бехтерева учреждено Всесоюзное общество нормальной организации быта. Научно-исследовательская работа по заданиям общества будет проходить в психоневрологической академии и в институте по изучению мозга.

"Известия", 6 октября 1926 г.

СЛИШКОМ

ДОРОГОЕ ПРОШЛОЕ

В связи с проведением режима экономии президиум Моссовета обратил внимание на нецелесообразность расходов по реставрированию в Москве памятников старины. На реставрацию памятников старины расходуются громадные суммы Главнаукой, причем реставрационные работы часто тормозят обычные ремонтные работы и нарушают благоустройство города.

Президиум запретил отделам Моссовета производить реставрационные работы и разрешил впредь лишь работы, необходимые для поддержания в порядке памятников старины.

"Известия", 17 октября 1926 г.

ИЗ ГАЗЕТ: 50 ЛЕТ НАЗАД

А ХОЗЕ — У ФРАНКИСТОВ

Кармен! Мы знаем облик твой и нрав,
Табачной фабрики работница, не ты ли,
Крест-на-крест туго шаль перевязав,
Идешь на фронт по улицам Севильи,
И, проверяя у ружья затвор,
С тобою рядом твой торeadор.

Вера Инбер.

"Вечерняя Москва", 7 октября 1936 г.

СУД И КОНСТИТУЦИЯ

Беседа
с членом Верховного суда США
Уильямом Дж. Бреннаном

Уильям Бреннан (р. 1906 г.) — старейший член Верховного суда США. Он был назначен на этот пост в 1956 г. президентом Д. Эйзенхауэром (должность члена Верховного суда — пожизненная). У. Бреннан примыкает к либеральному крылу Верховного суда, энергично выступает в поддержку гражданских прав. По просьбе редакции интервью у Бреннана взяла в Вашингтоне Юлия Богуславская.

Как известно, роль Верховного суда Соединенных Штатов состоит в том, чтобы защищать Конституцию страны, определять, что конституционно, а что нет в законодательстве разных штатов, в решениях и определениях судов. Скажите, пожалуйста, испытывает ли Верховный суд давление со стороны государственной администрации, когда он принимает свои решения?

Нет, этого не случалось никогда. Я занимаю в Верховном суде пост уже тридцать лет, работал при правительствах президентов Эйзенхауэра, Кеннеди, Никсона, Форда, Джонсона, Картера и теперь Рейгана. И никогда никто даже не делал попытки оказать влияние на мои юридические взгляды, на решения, принимаемые Верховным судом.

А как насчет руководства Демократической партии? Вы ведь являетесь ее членом. Пыталось ли когда-либо руководство вашей партии оказать на вас давление?

Нет, никогда. В нашей стране не принято, чтобы политические деятели вмешивались в решения не только Верховного суда, но и любого судьи в системе федеральных судов Соединенных Штатов.

Решения Верховного суда и позиции, занятые отдельными судьями по каждому вопросу, обычно оживленно обсуждаются в прессе. Считаете ли вы это важным для работы суда?

Об этом не может быть двух мнений. В нашей стране средства массовой информации, будь то газеты, радио или телевидение, пользуются защитой закона. Первая поправка к Конституции Соединенных Штатов гарантирует свободу печати. И пользуясь этой свободой, пресса в нашей стране внимательно следит и отражает деятельность всех должностных лиц и органов, как государственных — президента, его администрации, Конгресса, так и судебных, чтобы общество знало, как они исполняют обязанности, налагаемые на них Конституцией. Поскольку все решения Верховного суда, касающиеся интерпретации и применения Конституции и поправок к ней, являются окончательными и обязательными для всего американского общества, эти решения подвергаются особенно пристальному вниманию средств массовой информации.

Не могли бы вы назвать наиболее важные решения, принятые Верховным судом при вашем участии за последние десять лет, решения, которые будут иметь длительное влияние на жизнь страны?

Я думаю, что одним из них было решение о так называемой Программе положительных действий, направленных против расовой и других видов дискриминации. Согласно этому решению, предпочтение, отдаваемое представителям расовых меньшинств при приеме на работу и продвижении по службе, не противоречит Конституции. Такое предпочтение позволит ликвидировать последствия той дискриминации, которой подвергались если не сами представители расовых меньшинств, то их предки. В нашей стране на протяжении трех столетий дискриминации подвергались негры. Мы начали исправлять это положение пятьдесят лет тому назад. Другим весьма ценным актом я считаю решение Верховного суда о том, что Конгресс не имеет права передоверять кому-либо урезывание общих статей государственного бюджета, увеличение других статей и иные важные бюджетные изменения. Верховный суд признал решение Конгресса перепоручить решение бюджетных проблем лицу, имеющему исполнительную власть — начальнику Главного контрольно-финансового управления, — неконституционным. Это решение будет иметь очень большое влияние на порядок составления правительством государственного бюджета. Нужно помнить, что наша Конституция была принята для того, чтобы обеспечить каждому гражданину полную свободу добиваться своих целей, каковы бы они ни были, если только они не наносят вреда другим. Главный принцип, с помощью которого удастся сохранить эту свободу, состоит в том, что власть в обществе разделена так, что ни один из ее секторов не получает чрезмерных полномочий. Федеральная система разделена на три сектора: законодательный, исполнительный и судебный, и ни один из них не имеет права исполнять функции другого. Кроме того, в соответствии с Конституцией, многие функции управления мы передаем самим штатам. Так осуществляется широкое разделение власти. Мы стремимся избежать ее концентрации, которая могла бы привести к нарушению прав граждан.

При голосовании в Верховном суде голоса его членов нередко разделяются, и решение принимается большинством голосов. Вам, очевидно, не раз приходилось оставаться в меньшинстве. Не можете ли вы припомнить какой-либо важный случай, когда суд принял решение, которое вы считали неправильным? Каковы были ваши чувства?

Возьмем, например, вопрос о допустимости смертной казни. Ее применение я считаю нарушением. Восьмой поправки к нашей Конституции, которая запрещает жестокие и необычные наказания, унижающие человеческое достоинство. Мои коллеги со мной не согласились. Я тем не менее настаивал на своей позиции, которую изложил в особом мнении. Как я уже говорил, решения Верховного суда окончательны, поэтому наша ответственность особенно высока, и каждый из нас может и должен обосновывать свое решение и может не считаться с мнением своих коллег в вопросах трактовки Конституции и поправок к ней. Тем не менее каждый из нас относится с глубоким уважением к позиции своих коллег, и бывают случаи, когда находящийся в меньшинстве приходит к выводу, что он не прав и меняет свою позицию. Я, однако, не думаю, что это случится со мной в вопросе о смертной казни. Я собираюсь и впредь выступать против нее.

Случалось ли вам в результате дискуссий со своими коллегами менять свою позицию по какому-либо вопросу? Принимали ли вы мнение большинства, с которым не соглашались вначале?

О, очень часто! Идешь на заседание с твердым убеждением, что следует поступить определенным образом. Однако посоветовавшись с коллегами и приходишь к выводу, что они более правы. В таких случаях я присоединяюсь к мнению большинства. Это происходит

с каждым из нас довольно часто. Бывает и так: мы уже проголосовали, затем кто-то из коллег пишет особое мнение, остальные восемь читают его, снова думают. Бывает, что это особое мнение влияет на окончательное решение суда. Дело в том, что наше первое голосование после обсуждения и споров является предварительным, и его результаты могут измениться при повторном голосовании. Часто так и происходит. Те, кто были в меньшинстве, оказываются в большинстве и наоборот.

Как известно, американское правительство принимает активное участие в борьбе за права человека во всем мире. Какова позиция Верховного суда Соединенных Штатов по этому вопросу.

Вы называете это правами человека, мы называем их Права и Свободы. О них прямо говорится в нашей Конституции, принятой в 1787 г., и в поправках Тринадцатой, Четырнадцатой и Пятнадцатой, запрещающих рабство, гарантирующих гражданам равные права, запрещающих дискриминацию и защищающих право голоса негритянского населения. Эти поправки были приняты после гражданской войны 1861–65 гг. Главной обязанностью Верховного суда является следить за соблюдением этих прав на деле, следить за тем, чтобы существовало подлинное равенство всех граждан, какое бы положение в обществе они ни занимали.

А как насчет международной борьбы за права человека?

Как известно, ООН приняла Декларацию прав человека, однако она существует больше на словах, чем на деле. По моему убеждению, пока для надзора за соблюдением этой Декларации не будет создан международный трибунал, имеющий те же права и ту же силу, что наш Верховный суд, все разговоры о правах человека останутся лишь в области добрых пожеланий.

Американских юристов часто приглашают в страны, недавно получившие независимость, чтобы помочь местным юристам создать более совершенную Конституцию. В частности, президент Филиппин Корасон Акино намерена пересмотреть Конституцию своей страны и приблизить ее к американской. Вы поддерживаете эту идею?

Да, конечно, и для этого есть серьезные основания. Еще в прошлом веке известный французский историк Алексис Токвиль отметил, что в отличие от других народов американский народ решает свои политические, социальные и экономические проблемы путем судебных разбирательств. В Соединенных Штатах суды выносят решения, которые служат затем прецедентами для разрешения конфликтов во всех сферах жизни. Количество судебных разбирательств, одновременно ведущихся в нашей стране, неизмеримо больше, чем в любой другой стране. Очень часто вы можете слышать фразу: "Я ни перед чем не остановлюсь и дойду до Верховного суда Соединенных Штатов". У нас сложная и развитая система судопроизводства. Что касается стремления сделать нашу Конституцию моделью при разработке конституции в других странах — это тоже не ново. Такая тенденция началась в начале прошлого века, когда другим государствам стал очевиден успех нашей Конституции. Я не знаю точных цифр, но думаю, что основные законы большинства стран, отождествляющих себя с Западным миром, испытали в той или иной мере влияние американской Конституции. Американские юристы, адвокаты и судьи действительно без конца получают приглашения из других стран приехать и помочь в создании местной конституции. Я думаю, что это очень показательный и радующий факт. Но вот что интересно: я читал советскую Конституцию и должен сказать, что на бумаге она выглядит очень красиво, в ней звучат сильные выражения о свободе и равенстве. Но насколько я знаю, ее претворение в жизнь не сопровождается таким строгим надзором, как у нас.

Что бы вы посоветовали изменить в советской Конституции, в советской системе судопроизводства, если бы, например, советские представители пришли к вам за рекомендациями?

Я думаю, что ответ прост. Я посоветовал бы им принять ту форму демократии, которая существует у нас, и если они хотят, чтобы конституция что-нибудь значила, строго следить за ее соблюдением в повседневной жизни страны, как это делаем мы.

В одной из своих последних статей, опубликованной в газете "New York Times", вы выразили мнение, что отцы-основатели нашего государства не могли предвидеть всех изменений, которые внесла современная жизнь в наше общество, и поэтому мы должны руководствоваться не буквой американской Конституции, а ее духом. Не могли бы вы объяснить, как это следует понимать в конкретных обстоятельствах?

Вот, например, в Четвертой поправке к Конституции говорится о незаконности обысков и арестов без ордера. Там сказано: "Право людей на охрану личности, жилища, бумаг и имущества от необоснованных обысков и арестов не должно нарушаться, и ордера на обыск или арест не будут выдаваться без достаточных оснований, подтвержденных присягой". В 1791 г., когда была принята эта поправка, еще не существовало телефонов, соответственно не было и системы телефонного подслушивания. Уже в мою бытность членом Верховного суда возник вопрос: следует ли относить Четвертую поправку также и к электронному и телефонному подслушиванию, это ведь не человек, не дом, не бумага... Однако Четвертая поправка по существу говорит о неприкосновенности личности и ограждает ее права от посягательств государства. Поэтому решение наше было принято на основании духа этой поправки, а не следовало ее буквальному тексту. Решение это гласило, что подслушивание такого рода без судебного ордера является нарушением Конституции.

Каким вам представляется Верховный суд Соединенных Штатов в будущем?

Точно таким же, каким он был создан в 1790 г. Он будет нести те же обязанности и ту же ответственность. Ведь наше общество и в будущем будет передавать решение большинства своих социальных, политических и экономических конфликтов в руки судебных органов, главным образом, федеральных судов, и вопрос о соблюдении Конституции не может утратить своей важности.

Позвольте задать вам вопрос личного характера. Я знаю, что вы католик. Как член Верховного суда и верующий католик, что вы можете сказать по вопросу об отделении церкви от государства?

Как вы понимаете, неизбежны случаи, когда принципы верующего человека вступают в противоречие с принципами Конституции. Но когда меня приводили к присяге при вступлении на этот пост, я дал клятву, что буду всеми силами способствовать исполнению Конституции. В тех случаях, когда мои религиозные убеждения вступают в конфликт с моим долгом, я остаюсь на стороне долга. Выполнение Конституции важнее всего для этой страны и для меня лично. Что касается отделения церкви от государства, то я всегда присоединялся к мнению тех, кто настаивал на буквальном выполнении этого положения.

Что требуется для того, чтобы стать членом Верховного суда?

Для этого нужен только президент, которому придет в голову вас назначить. Президент Эйзенхауэр принял это решение относительно меня тридцать лет тому назад. Я так никогда и не узнал, почему он выбрал меня, а не кого-нибудь другого.

Вы сын бедных эмигрантов из Ирландии, не так ли? Думаете ли вы, что история вашей жизни является типичной для детей из эмигрантских семей?

Типична ли моя история? Она типична в том смысле, что все семьи такого рода мечтают преуспеть и активно работают в этом направлении. Моя мать и мой отец не получили в Ирландии образования. У них было восемь детей. Они занимались в Америке тяжелой работой и дали высшее образование мне и двум моим братьям, которые так же, как и я, закончили юридический факультет Гарвардского университета. Три мои сестры тоже окончили колледжи. Эта очень типичная картина для эмигрантских семей: ирландских, вьетнамских, немецких, русских и других. И я думаю, что именно поэтому американское общество таково, каково оно есть. Мы только что привели в порядок наш государственный символ — статую Свободы, а сейчас реконструируется Эллис Айленд. Это остров в Нью-Йоркской гавани, через который начиная с 1890 г. прошли миллионы эмигрантов из Европы. Эллис Айленд — первое, что увидели здесь мои родители. Для меня реставрация зданий, которые были по сути воротами эмиграции, означает очень много.

Вы счастливы?

В моей жизни было много счастливых моментов: мои успехи, успехи моих детей, внуков, успехи моей страны. Мне очень повезло. ●

МЕЖДУ ПРОЧИМ

Советским автомобилям "Жигули", как персонажу оперетты "Мистер Х", сама судьба предрекла "всегда быть в маске", ходить — ездить — под псевдонимом. Началось все с того, что само отечественное название "Жигули" — всего лишь псевдоним иностранца "Фиата". Потом "Жигули" обратным ходом по недорогой цене пошли на Запад — выручать столь необходимую валюту. Но тут неожиданно выяснилось, что название "Жигули" очень созвучно с малоприятным французским словом "жиголо" — сутенер, кот, альфонс. Пришлось для Запада взять новый псевдоним: красивое русское слово "Лада".

Хорошо. Но вот завод в городе Тольятти, что под городом Куйбышевым, выпускает новую модель, и, естественно, новой модели полагается новое имя. И на Западе начинают продавать новую "Ладу" по имени "Самара". В Советском Союзе это слово, пожалуй, в последний раз пропела Роза Багланова лет 40 назад ("Ах, Самара, городок!"). Два поколения советских людей выросли, зная только название "Куйбышев". Или есть опасения, что имя пламенного революционера прозвучит на Западе столь же неприлично, как "жиголо"?

Feiern Sie mit uns
den neuen Lada Samara

Freitag, 12. 9., ab 12 Uhr

Am Grill: Werner Mitkin
Am Zapfhahn: Max Schmidt
Beim Service: Holger Tiemann

LADA HAUSLER

☎ 5101383

Landsberger Straße 83-87 · 8000 München 2

Марк ДЕЙЧ (Москва)

ФЕНОМЕН ВЫСОЦКОГО

Честно говоря, я не думал, что дело пойдет так далеко. Ну, популярен был, так сказать, сверх меры: спектакль с ним, фильм, концерт — все с аншлагом. Но то, что началось после его смерти, — трезвому уму непостижимо. Столпотворение и страшная давка — до членовредительства — в день похорон на Таганской площади (давка эта не без основания напоминала другие похороны, в марте 53-го); добровольные круглосуточные пикеты на Ваганьковском кладбище, зачем-то стерегущие его могилу; пластинки в магазинах и кассеты, ходящие по рукам; видеоконцерты по телевидению и передачи по радио; клубы (пока неофициальные), собирающие его песни, его вещи и вообще все с ним связанное — чуть ли не стаканы с отпечатками его пальцев... Шесть лет после его смерти, а тенденция эта все нарастает; уже можно говорить о некоем "культе Высоцкого". Даже пресса наша, консервативнее которой разве что албанская, — и та нынче вносит лепту в формирование этого культа: недавно газета "Советская культура" опубликовала большую статью о Высоцком с его фотографией, на которой Володе... девять лет.

Словом, явление, которое я называю "феноменом Высоцкого", прогрессирует. Вымысел уже неотделим от реальности; легенда обрела плоть, и хотя очевидцев более чем достаточно, все они лишь укрепляют легенду. Одним это выгодно, другие не хотят оставаться в явном меньшинстве, возражая общему мнению. К тому же — "о покойном либо хорошее, либо ничего". И все-таки мне кажется, что настала пора отдать "кесарю кесарево".

В 1974 году в "Литературной России", где я тогда работал, мне удалось опубликовать интервью с Высоцким. До сих пор я горжусь им: это был *первый* в советской прессе позитивный материал о "барде с Таганки". "Пробить" публикацию стоило мне немалых усилий. Началось, помню, с "планерки". "Это как же понимать? — обрушился на меня с высоты своего авторитета заместитель главного редактора Николай Васильевич Банников, энциклопедист и эстет, страстный поклонник русской поэзии 20-х годов, составитель сборников Ахматовой, влюбленный в ее стихи. — Наша пресса против Высоцкого не раз выступала, а вы его тащите. Песни-то у него с душком...Этак вы нам скоро интервью с Галичем принесете". И Банников с победной ухмылкой оглядел присутствующих.

Я разозлился. "Мы ведь не Галича сейчас обсуждаем, — ответил я. — Что же касается "душка", то если он даже и есть в каких-то песнях Высоцкого, нельзя же из-за отдельных стихов перечеркивать все творчество поэта. Вы вот, Николай Васильевич, сборники стихов Ахматовой составляете. А Ахматова, между прочим, — автор "Реквиема", который у нас до сих пор под запретом. Так что же — теперь и все прочие ее стихи не печатать?"

Удар был, конечно, ниже пояса, но действенный: Банников более не выступал, и первый раунд — под названием "планерка" — я выиграл. Но впереди их было еще два.

На следующем этапе к судьбе материала подключился редакционный цензор. Он поступил просто: отказался визировать интервью и отправил его в высшие инстанции Главлита. На этом этапе моя роль была сугубо пассивной, ибо вмешательство в дела сей организации исключено. И не только мое, но и чье бы то ни было вообще.

Однако и этот раунд оказался за мной: из Главлита интервью с Высоцким возвращалось довольно быстро, причем без купюр и с визой. Для меня это было приятной неожиданностью, хотя теперь я понимаю, что, с точки зрения специалистов из главного штаба советской цензуры, материал просто не заслуживал вмешательства.

Зато третий — заключительный — раунд, как и положено, оказался самым трудным. Ибо на сей раз за дело взялся мой главный редактор.

Член Союза писателей, автор двух десятков книг из жизни советского сельского хозяйства, книг, которых никто, по-моему, не читал (даже издательские редакторы) и читать не будет — по причине их невероятной скучности и весьма отдаленного отношения к литературе, — Юрий Тарасович Грибов посчитал отсутствие замечаний Главлита сигналом к проявлению бдительности. Он сократил интервью почти на треть, главным образом — за счет разговора о фильме "Служили два товарища". Фильм этот очень не простой, Высоцкий сыграл в нем, на мой взгляд, лучшую свою роль. На этой непростоте и споткнулся Грибов, а споткнувшись — выбросил.

Я уступил. Я даже не слишком сопротивлялся — до того мне хотелось увидеть это интервью напечатанным. Пожалуй, я и теперь уступил бы: в журналистике, особенно в советской, бывают случаи, когда важно не столько содержание материала, сколько сам факт его публикации. Интервью с Высоцким, которое я отнюдь не отношу к лучшим своим материалам, до сих пор многим памятно и частенько цитируется. Фамилия автора, правда, не упоминается; обидно, конечно, хотя в моем положении — "отщепенца" и "внутреннего эмигранта" — обижаться не положено.

Вероятно, мое интервью с Высоцким не заслуживает столь подробных воспоминаний. Скорее всего, я просто пытаюсь оправдать себя, хоть немного смягчить впечатление от того, о чем мне придется писать дальше. Понимая, что мой голос прозвучит одиноким фальцетом в общем хоре басовитых славословий, я все-таки рискую поговорить о явлении, которое я называю "феноменом Высоцкого". Риск этот кажется мне оправданным: наше молчание и без того уже стало причиной рождения многих легенд и кумиров. Примеров тому немало, и один из них — Владимир Высоцкий.

"Таким людям можно доверить и собственную жизнь, и Родину. Такие не подведут".

Это — из статьи о Высоцком камер-юнкера советской поэзии Роберта Рождественского.

"Он был истинно народным бардом. Самым большим счастьем для него была встреча со слушателями, всегда восторженно принимавшими его. Он никогда не отказывался от приглашения выступить в концерте, с одинаковым воодушевлением пел для рабочих, сотрудников научно-исследовательских институтов, колхозников, солдат..."

Не подумайте, будто я продолжаю цитировать Роберта Рождественского. Эти строки — из вступительной статьи к сборнику стихов Высоцкого, изданному в Нью-Йорке.

А между этими двумя цитатами — возмущенный рев толпы почитателей, пресекающей даже намек на критическое отношение к Высоцкому. "Великолепный актер", "великолепный поэт", "прекрасный человек"... Восторгам нет конца.

Я не принадлежал к числу друзей Высоцкого; наше знакомство было, что называется, шапочным. Мне довелось посмотреть все фильмы и многие спектакли с его участием. В моей фонотеке есть несколько кассет с его песнями, время от времени (не слишком часто) я с удовольствием их слушаю. Но восторга почему-то не испытываю. Может быть, причиной тому — мой природный скептицизм?

Итак, актер театра на Таганке Владимир Высоцкий. Популярность Высоцкого была одновременно популярностью театра — Юрий Петрович Любимов прекрасно это понимал. Поставив на Высоцкого, Любимов, безусловно, выиграл. Но за выигрыш пришлось расплачиваться: закрывать глаза на все то, что другим актерам никогда не прощалось. Срывы репетиций, внезапные отмены спектаклей, инъекции спирта в вену, без чего Высоцкий порой не мог выйти на сцену...

Впрочем, расплачиваться пришлось значительно раньше. Сначала из театра ушел Николай Губенко. Правда, он не состоял в штате, а был "разовым" актером, то есть приглашался лишь на определенные роли. Одну из его ролей — Керенского в "10 днях..." Любимов передал Высоцкому, после чего Губенко в театре больше не появлялся.

То же произошло и с Александром Калягиным. Он репетировал брехтовского Галилея, когда кто-то из любимовского окружения засомневался: доскать, не толстоват ли Калягин для этой роли? Не знаю наверняка, так ли это, но роль Галилея получил Высоцкий, после чего Калягин ушел из театра.

Я понимаю, что ставка на одного актера неизбежно ведет к потерям в труппе. Не слишком ли велики они были в данном случае? Два прекрасных артиста, один из которых — Губенко — вскоре стал крупным кинорежиссером, а другой — Калягин — ведущим актером МХАТа, что при засилье тамошних "стариков" возможно лишь при безудловном таланте.

Были ли оправданы эти потери? Может быть, Высоцкий с лихвой возместил их?

Принято считать Гамлета вершиной актерского мастерства. Не знаю, стремился ли к этой роли Высоцкий, но он был "обречен" сыграть ее. Хорошо помню, сколько жаростных споров вызвала постановка Любимова. Ну, как же: Гамлет — чуть ли не в джинсах, да еще с гитарой!.. В спорах об антураже в стороне осталось главное: суть персонажа, коего в трактовке Любимова сыграл Высоцкий.

Вот сцена убийства Полония.

Прощай, вертлявый глупый хлопотун!

Тебя я спутал с кем-то поважнее.

В голосе Смоктуновского-Гамлета звучали раскаянье и искренняя жалость. В голосе Высоцкого-Гамлета — досада. Все последующие убийства, полагающиеся по роли, Гамлет Смоктуновского совершал как-то неловко, даже с сомнением. А Гамлет Высоцкого — вполне профессионально и с удовольствием. В соответствующем эпохе костюме и при старинном оружии, которое Смоктуновский затребовал на съемку, его Гамлет оказался ближе нам, современнее Гамлета в джинсах, чья жажда убийств вполне отвечала духу шекспировского времени.

Но в конце концов, и такое прочтение роли имеет право на существование. Важнее другое: и Гамлет, и поручик Брусенцов, и Дон Жуан, и начальник отдела уголовного розыска в популярной телесерии — все они в исполнении Высоцкого *одинаковы*. Причем одинаковость эта — не от полноты актерского самоощущения (как, к примеру, у Жана Габена), а от внутренней пустоты, которая маскируется не совсем стандартной внешностью и какой-нибудь хорошо запоминающейся деталью. Такой деталью у Высоцкого был голос — мощный, низкий, красиво хриплый; его владелец пользовался им очень умело.

Нет никого сомнения: популярность Высоцкого-актера была в прямой зависимости от популярности Высоцкого — исполнителя собственных песен. Актер создает роль, но и роль творит актера. Высоцкий ничего не дал — ибо попросту не мог ничего дать — Гамлету, зато Гамлет, несомненно, добавил весьма ощутимый ломоть к славе Высоцкого-барда.

Мнения о песнях Высоцкого разнообразием не отличаются. "Прекрасный поэт", "великий бард" — вот все, что мне приходилось слышать до сих пор. И поскольку других мнений нет, единственное обретает силу истинного.

Много лет назад, когда популярность Высоцкого только-только набирала обороты, я заметил, пожалуй, главную особенность его песен: лишенные аккомпанемента и голоса, они — за редким исключением — не становятся стихами. Читать их трудно, а порой вовсе невозможно. Аритмичность, нарушение размера, неумелая рифмовка, множество необязательных и неточно используемых слов, небрежность... Примеров очень много, я не привожу их лишь потому, что найти их может каждый — достаточно прочесть хотя бы

несколько его стихов. Именно прочесть: хорошо поставленный громкий голос и еще более громкие гитарные аккорды заглушают явные стихотворные просчеты. Да вот беда: даже читая, не хотим мы их замечать. Все это мелочи, — говорим мы. — Ну пусть рифма так себе, и прочие законы стихосложения то и дело нарушаются. Зато — какая широта там! А уж острота!..

Боюсь, что и в этом мне трудно будет согласиться с многочисленными поклонниками Высоцкого. Тематика его песен действительно обширна. Так ведь и самих песен — более, чем достаточно. На одном из концертов автор говорил, что их у него свыше шестисот. Уже после его смерти почитатели-коллекционеры уверенно называют цифру 800 и даже 1000 песен.

Что ж, очень может быть. Легенда часто начинается с цифр — поскольку обладают они магической убедительностью. Впрочем, вполне вероятно, что цифры эти не так уж далеки от действительности. Ведь одних только военных песен у Высоцкого более пятидесяти.

Именно военные песни принесли Высоцкому первые благожелательные отзывы в нашей прессе (начиная с моего интервью). И как раз эти песни кажутся мне наименее удачными. Мыслей в них немного, а и те, что есть, сводятся, в основном к такой вот строке:

Прошли по тылам мы, держась, чтоб не резать их, сонных

Лирический герой здесь — все тот же Гамлет Высоцкого с финкой военного образца вместо шпаги.

В предисловии к сборнику Высоцкого "Стихи и песни" (издательство "Литературное зарубежье", Нью-Йорк, 1981 г.) сказано: "Но даже здесь, на Западе, где из года в год издают книги русских поэтов и писателей, творчество Высоцкого до последнего времени оставалось вне внимания издателей и критиков. Отчасти причиной этому послужила тенденция рассматривать Высоцкого только как барда. Но печатали же А. Галича и Б. Окуджаву!"

В этих словах содержится невольное сравнение, которого Высоцкий, конечно, не выдерживает. Практически любая песня Окуджавы или Галича, лишенная исполнения и музыкального сопровождения, остается стихотворением — точным по форме, глубоким и небанальным по мысли. Высоцкий не тянет ни на философскую простоту Окуджавы, ни на высокую злость Галича. Он мельче. Вот и военные его песни — со всей их жестокостью, жесткостью и бравадой, — все они вместе взятые меркнут перед одной-единственной Окуджавы: "Ах, война, что ж ты, подлая, сделала..."

То же можно сказать и о большой серии спортивных песен Высоцкого. Представление о нравах нашего спорта они дают не слишком верное, причем те из них, которые можно назвать лучшими ("Баллада о сентиментальном боксере", "На дистанции — четверка первачей"), — и вовсе далеки от реальности. Извинением Высоцкому могло бы послужить то обстоятельство, что он никогда не был спортсменом. Но еще более далеким от спорта человеком был Галич, а единственная в его творчестве спортивная песня ("Отрывок из репортажа о международном товарищеском матче по футболу...") и остроумнее и точнее всего того, что на эту тему написано Высоцким.

И уж никак не шла ему тога гонимого борца и правдолюбца. На нем она — будто с чужого плеча. Невольно это подтвердила даже газета "Советская Россия": в давней разгромной статье "О чем поет Высоцкий" речь шла в основном... о песнях Галича. Потом, конечно, разобрались, и каждый получил заслуженное: Высоцкий — помпезный монумент на Ваганьковском кладбище в Москве, Галич — скромное надгробие на эмигрантском кладбище в Париже. Но тогда, помню, Высоцкий страшно обиделся на газету, и не из-за враждебного тона статьи, а из-за того, что, дескать, уж если ругать, так не за чужие же песни...

Но в том-то и дело, что *таких* песен у Высоцкого нет. Кое-какая критика, конечно, в его песнях присутствует (кто ж в наше время без нее обходится), но больше так, по мелочи. И все намеками да аллегориями: козлы разные с медведями и жирафы с попугаями. И мы, слыша в этих иносказаниях то, что нам хочется слышать, бешено аплодируем и восхищаемся смелостью автора.

А восхищаться нечем. Смелость Высоцкого была строго дозирована, и существующего у нас порядка вещей практически не затрагивала. Более того: на место вырвавшегося за флажки волка ("Охота на волков") мог поставить себя любой, даже загонщик, что и происходит во "второй серии" "Охоты на волков":

И об стакан бутылкою звеня,
Которую извлек из книжной полки,
Он выпалил: "Да это ж про меня,
Про нас про всех! Какие, к черту, волки?"

Гонитель, оказывается, мало чем отличается от гонимого, и вот уже оба они достойны нашего сочувствия. И на чьей стороне автор, понять становится трудно, ибо и сторон уже вроде бы нет, а есть всеобщее примирение и полная гармония.

Что же остается? Песни-однодневки (о "бермудском треугольнике", о йогах, о хунвейбинах и т. п.), блатные и полублатные песни, герои которых — этикие сильные личности без страха и сомнений. Отождествлять их с автором, конечно, не стоит. "Меня часто спрашивают, не сидел ли я, не плавал ли, не шоферил ли..." — говорил Высоцкий на одном из концертов. Определенного ответа на эти вопросы он так и не дал, тем самым заронив в слушателях некоторую надежду: ну пусть не сидел и не шоферил — так хоть неприятности какие, из-за тех же песен, например, или еще из-за чего...

Вынужден вас разочаровать: ни неприятностей, ни чего-либо в этом роде. Нашему высокому начальству просто не за что было гнаться на Высоцкого, ибо он никому и ничему не мешал. И какими бы кошунственными ни показались мои слова, не стану жертвовать истиной: Высоцкий был очень благополучным человеком. Сильное "я" с уголовно-романтическим ореолом, отчетливо слышное в большинстве его песен, — попытка хотя бы в них казаться тем, кем их автор не был в жизни. Отсюда же — и безостановочное пьянство, добавляющее сияние к его ореолу: ну как же, убивал себя — то ли из протеста, то ли, как пишет автор предисловия к нью-йоркскому сборнику, из-за "ощущения постоянной неизбженной расплаты за сказанную правду".

Что касается протеста, то, если принимать за него неумеренность в возлияниях, половина нашего населения протестует, хотя и безуспешно. Так сказать, протест, обращенный внутрь. А уж медленное убивание себя в страхе перед возможной расплатой за правду — такая версия даже для меня, при моем скептицизме, неприемлема. На мой взгляд, все обстояло проще: Высоцкий пил потому же, почему это делают большинство пьющих — из-за слабости и бесхарактерности.

Не было ли благополучие Высоцкого, о котором я сказал выше, лишь маской, которую порою надевают на себя люди, потрепанные в жизненных неурядицах, но не желающие, чтобы их жалели? Судите сами.

Ведущий актер самого популярного столичного театра. Не слишком частые, но вполне приличные роли в кино. Никем не ограничиваемые концерты. Гастроли за рубежом (в том числе и на Западе) в составе труппы театра. Индивидуальные поездки с концертами во Францию, США и Канаду. Даже при таком умеренном перечислении — уместно ли говорить о гонениях, которым якобы подвергался Высоцкий? Как же тогда назвать то, чему подвергался Галич, исключенный из двух творческих союзов, лишенный всех средств к существованию и вынужденный распродавать свою библиотеку, пробиравшийся с соблюдением всех правил конспирации к своим слушателям, которые собирались весьма ограниченным числом на частных квартирах? Мечтал ли Галич о гас-

ролях? Вероятно, хотя никогда не говорил об этом. Но право на них он все-таки получил. Правда, без обратной визы.

А не был ли Высоцкий беден? В самом буквальном, низменном смысле этого слова? Ставки театральных актеров невысоки, в кино он снимался не часто, а пел, говорят, как истинно народный бард, и вовсе бесплатно — за улыбки да угощение...

Однако и эта часть легенды о Высоцком не выдерживает проверки. Скудность актерских ставок Высоцкий успешно возмещал концертами. И если организаторы такого концерта по каким-то причинам не могли собрать требуемой суммы, он отказывался от выступления.

"Как-то он выступал на далеком прииске в таежном поселке Хомолхо. Слушателей было совсем немного, но Высоцкий пел целых четыре часа". Так пишет газета "Советская культура", недавнюю статью которой о Высоцком я упоминал. Ее автор, следуя давней традиции отечественной журналистики, кое о чем умалчивает. Выступление, о котором он пишет, действительно состоялось. И было оно далеко не единственным: почти каждый год Высоцкий ездил с концертами на золотые прииски Дальнего Востока и Сахалина. Эти поездки он очень любил и время для них всегда выбирал одно и то же — в конце приискового сезона. Выбирал не случайно: старатели как раз получали заработанное (по нашим обычным меркам — очень большие деньги) и перед тем, как разъехаться до начала следующего сезона, начинали "гулять". Народ на приисках, конечно, разный, но преобладают здесь люди совершенно определенного склада; блатные песни для них — наиболее доступный вид искусства. Песен таких у Высоцкого вполне достаточно, пел он их для старателей без усталы, за что и награждался последними так же щедро: подгулявшие золотоискатели буквально осыпали своего любимца пачками купюр, достоинство которых он могло не радовать сердце истинно народного барда.

Образу бунтаря-одиночки, пусть даже не слишком хорошо понимающего, против чего и за что он борется, но все-таки — бунтаря, — этому образу, который рождался у слушателей песен Высоцкого и неизменно с ним ассоциировался, благополучие противопоставлено. И даже если оно приходило как бы само по себе, без видимых усилий, лучше бы его не демонстрировать.

Высоцкий этого не понимал. Он не только стремился к благополучию, но и не упускал случая его показать.

Он очень любил сидеть за рулем. Марина Влади подарила ему маленький белый "Рено"; Высоцкий хорошо в нем смотрелся и даже не вызывал зависти, хотя владел "иномаркой", которых в частном владении у советских людей очень мало. Но жажда — нет, не стяжательства, — жажда *иметь* не давала ему покоя. За 50 тысяч рублей он купил шикарный темно-синий "мерседес" Огромная, респектабельная "машина для миллионеров" совершенно не соответствовала бунтарскому духу его песен. Но этого он тоже не понимал.

Нездолго до смерти Высоцкого, он и его "менеджер" (был у него такой человек, он же — бывший администратор Театра на Таганке; Высоцкий не всегда считал возможным лично вести переговоры о гонорах за выступления) затеяли "выпуск" фотопортретов барда размером с почтовую открытку с его факсимиле. По весьма доступной цене — рубль за штуку...

Как и каждый человек, стоящий выше среднего уровня, Высоцкий не был однозначен. Рассказывать о нем можно много. Собственно, все эти рассказы — о двух Высоцких: пьяном и трезвом. Первый был проще, человечнее, обладал безусловным даром завоевывать сердца рабочих сцены и осветителей. У партнеров по сцене мог создать приподнятое настроение, что было особенно важно, когда пьеса не нравилась актерам и ее приходилось играть через силу. Так случилось с "Антимирами": словоблудие Вознесенского действовало на труппу настолько удручающе, что лишь ироническое к нему отношение, которое Высоцкий сумел вызвать у актеров, спасло спектакль.

Второй Высоцкий был совсем другим. Большой актер, в полной мере себя таковым осознающий и соответственно ведущий себя с окружающими. Здравовался краем рта, как бы намекая на скорую улыбку: вот еще чуть-чуть — и улыбнется... Но до улыбки так и не доходило.

Впрочем, второго Высоцкого доводилось видеть не часто. А тот, первый, которым он был большую часть своей жизни, оказывался к тому же еще и хорошо защищенным: в конце концов, даже незначительный протест, содержащийся в его песнях, мог вызвать неудовольствие властей. А так... "Вы знаете, имярек ругал советскую власть". — "Ну-у, это он спяну..."

Но хватит. Сколько бы я еще ни написал о Высоцком, его популярности не убудет. Чем же все-таки объяснить ее? Умеренно талантливый актер, скорее характерный, чем универсальный, и уж во всяком случае — безо всяких признаков выдающегося; весьма слабый поэт, а композитор — и вовсе никакой; правда, в качестве исполнителя мог поразить, но ненадолго: очень скоро хриплый, без обертонов, хотя и хорошо поставленный голос начинал утомлять, а содержание песен слишком примитивно, чтобы держать в напряжении.

Но почему же все-таки он? Не Окуджава или Галич, чьи песни *заставляют думать*, а Высоцкий?

Окуджава и Галич не подходили на роли кумиров прежде всего потому, что их песни предполагают в слушателях довольно высокий уровень интеллигентности и информированности, а значит — предназначены для немногочисленной аудитории. Иное дело — Высоцкий. Его песни рассчитаны не на разум и даже не на чувства, но более всего — на эмоции. В этом, на мой взгляд, заключается причина популярности Высоцкого: язык эмоций — не какой-нибудь иностранный, он понятен всем, даже нашему начальству.

Доступный кумир; чтобы внимать ему, не требуется ни знаний, ни активной работы мысли, ни душевного напряжения; в крайнем случае вполне достаточно рвануть на себе рубаху — широко, с хрустом, от горла до пояса — и вот ты уже в том же состоянии, что и твой кумир...

Таково мое объяснение "феномена Высоцкого".

...На знаменитой толкучке небольшого подмосковного городка Малаховка мне довелось как-то увидеть занятный календарь, изготовленный — судя по всему, немалым тиражом — предприимчивыми умельцами. Центральную часть большого листа фотобумаги занимает численник, а по углам — четыре изображения. В верхнем левом углу — Сталин, в правом — Высоцкий. Внизу слева — Алла Пугачева, справа — Богоматерь с младенцем. Парадоксальность сочетания, конечно, случайна: ничего подходящего не было, пришлось для симметрии использовать Богоматерь. Думаю, в новом "издании" правый нижний угол календаря займет другое изображение: уже сейчас на лобовых стеклах многих автомобилей рядом с портретом Сталина красуется портрет Горбачева.

Вот тогда и будут собраны вместе все наши кумиры. В каждом углу клетки — по штуке. ●

Май 1986 г.

В актерской уборной на репетиции
"10 дней, которые потрясли мир"

В.Высоцкий гримируется на роль
А.Керенского
в "10 днях, которые потрясли мир"

В.Высоцкий во время интервью с М.Дейчем

Одна из "подписных" самодельных
открыток, одобренных В.Высоцким
для продажи

Памятник В.Высоцкому на Ваганьковском
кладбище в Москве

У памятника В.Высоцкому

У памятника В.Высоцкому

ОХОТА НА ЧЕЛОВЕКА

*Все вернулось на круг,
И Распятый над кругом висел.*

В. С. Высоцкий

1.

Лунной ночью, стоя в люльке канатной дороги над памирской рекой Вахш — в переводе Бешеная, — ошеломленные стенанием и храпом воды, проламывающей путь в скалах, ворочающей валуны и дробящей камни в лунную пыль, вы заметите вспышки серебряных нитей, пронизывающих ущелье, — ток воды через воду, движение струй, слитых в единый стон, единую страсть клокочущего потока.

Так собирает в единый поток многозвучное песенное творчество Владимира Высоцкого стремление к духовному освобождению человека. Проявившееся еще в раннем "блатном" цикле как стихийная жажда воли заточенных персонажей, это стремление обрело трагическую глубину в песнях, отвергающих земную реальность, полных тоски и томления живой души, заключенной в мертвом предметном мире.

Идея свободного утверждения личности проявлена в песнях, посвященных сопротивлению человека его рабской судьбе, социально обусловленной тоталитарным насилием. Эта драматическая тема, требовавшая от человека воплощения в поступке, решалась поэтом в многочисленных военных песнях — "песнях-ассоциациях", на чем настаивал Высоцкий, песнях-метафорах, выражающих экстремальными поэтическими средствами социальную трагедию народа.

К непосредственному воплощению противостояния власти и общества Высоцкий обратился в 1966 году, помеченном процессом Даниэля и Сиянвского, переложив на современный лад пушкинскую "Песнь о вещем Олеге".

Пушкин, сам в некоторой степени кудесник и любимец богов, обращается к летописному источнику с патриархальной просветленностью, возвращающей нас к его известному восклицанию: "Что за прелесть эти сказки!" Вот как комментирует он легенду о князе Олеге в письме к А. Бестужеву от 1825 года: "Товарищеская любовь старого князя к своему коню и заботливость к его судьбе есть черта трогательного простодушия — да и происшествие само по себе в своей простоте имеет много поэтического".

Искренне сочувствуя князю, Высоцкий напоминает, к каким печальным последствиям привело досадное недоверие волхву: "Олег бы послушал — еще один щит прибил бы к воротам Цареграда!" Вместо одного щита на воротах было бы два, и потомкам было бы легче примириться с действительностью. Но недоверчивый князь погиб, не прибив второго щита, разочарование породило у потомков скептицизм, изошрило их лукавый ум и заставило пересмотреть отношение к летописным источникам.

"Все мы сказками слегка объегорены", — сетует Высоцкий в своих вариациях на тему кота из пушкинского же Лукоморья, и недоверие его к преданию заходит настолько далеко, что и подлинность самой лошади вызывает у него сомнение. В простом, вполне будничном занятии князей — верховой езде — Высоцкий, сын своего лукавого века, находит скрытый смысл и утверждает, что "в переносном смысле они ездили на народе".

Фрагменты из книги о песнях Владимира Высоцкого.

Хронология песен Владимира Высоцкого, упоминаемых в тексте, составлена автором с учетом самиздатских материалов и данных, сообщенных независимыми собирателями творчества поэта, которым я приношу свою благодарность.

Это утверждение он развивает в песне "Бег иноходца" (1977 г.), где состояние лошади описано как собственный опыт: "Вот и я оседлан и стреножен, рот мой разрывают удила". В "Беге иноходца" много других подробностей взаимоотношений наездника и лошади, которых мы теперь касаться не станем. Заметим только, что различное обращение князей 1822 и 1966 годов со своими лошадьми определяет и разное отношение к кудесникам. Пятьдесят пламенных лет (1917—1966) лишили волхвов их прежнего ореола, и в песне Высоцкого волхв предстает перед новым и уже вполне самостоятельным князем в несколько потрепанном виде:

Как вдруг подбегает к нему человек
И ну шепелявить чего-то.

Очевидно, что долгая жизнь вне закона сказалась потерей осанки, высокомерия, а также зубов, и как ни шепелявила подбегавшая фигура, видимого впечатления на князя она не произвела. Поэтому немного спустя, "ну только собрался идти он на вы", волхвы появляются уже компанией, предварительно хлебнув для храбрости:

Как вдруг прибежали седые волхвы,
К тому же разя перегаром, —

деталь, обличающая в современных кудесниках деклассированных личностей, пьющих разную дрянь и занюхивающих мануфактурой.

Эта сомнительная компания, окружившая князя, дословно повторяет предсказание волхва 1822 года: "Примешь ты смерть от коня своего!"

Князь образца 1966 года, лишенный как легитимности, так и рефлексии, решительно применяет к волхвам административное взыскание:

И долго дружина топтала волхвов
Своими гнедыми конями.

Всевластие дружин мы обязаны рождением жанра скоморошье, нарочитой примитивизацией стиля ("злая гадука кусила его") и самой манерой исполнения Высоцким "Песни о вешем Олеге", манерой, которая не столько пародирует Пушкина, сколько характеризует современность, описывая ее как самые мрачные времена бесправия. Одной лексической деталью Высоцкий переносит предание в современность, а князя — из рыцарских времен во времена преодоления волюнтаризма в области внутренней политики. Заметив, что покаравший волхвов князь "свою линию гнул, да так, что никто и не пикнул", Высоцкий высказывает предположение, что некоторое искривление партийной линии, имевшее место в недавнем прошлом, успешно преодолевается.

Предположение поэта оправдалось. Загнута в другую сторону, партийная линия вскоре ощутимо сдвинула горло разного рода предсказателям, и уже со следующего года в песнях Высоцкого появляется мотив перехваченного горла, хрипения и страха, вызванного погружением общества в духовный вакуум. "Спасите наши души, мы бредим от удушья" ("SOS", 1967 г.). Перебои с дыханием начинают ощущать различные слои общества, и представители их простоудушно подписывают обращения к князю с просьбой урезонить дружину, которая гнет замечательную княжескую линию совсем не в ту сторону.

Но дружина уже подобралась в седлах, тронула своих гнедых коней — и та же неистовая страсть к жизни, что и в песнях о войне, то же губительное напряжение, тот же отчаянный крик обозначили происходящее как кровавую бойню на заснеженном поле, облав, "Охоту на волков" (1967 г.).

Как всякое произведение, задевшее жизненный нерв нации, эта песня, кажется, не могла быть не написана — так мгновенно она была узнана и принята народом как его собственный опыт, как собственное метание под ружейными дулами. "...Володя Высоцкий впервые пел "Охоту на волков", — вспоминает Ю. Любимов. — Когда он закончил, то я думал, что театр рухнет, — зал просто с ума сошел!" И не один зал, как скоро выяснилось.

Антропоморфизм песни настолько очевиден, что дошел даже до сознания "ответственного товарища", воскликнувшего в беседе с ее автором: "Да это ж про меня, про нас про всех, какие к черту волки" ("Ответ на песню "Охота на волков", 1972 г.). На незавидное, казалось бы, место окровавленных волков претендуют, впрочем, не только партийные функционеры, но и представители чуть ли не всех социальных, политических, профессиональных и этнических групп общества.

Тема духовного бунта, определяющая внутренний строй поэзии Высоцкого, заставляет видеть в избиваемых волках носителей стихийной свободы — "детей войны, да и ежовщины", которым он посвятил столько песен. Общая память, общая причастность к поре жизни, определяющей облик поколения и давшей импульс поэзии Высоцкого, звучат в его горестном, безответном крике: "Где же ты, желтоглазое племя мое?" В общих истоках жизни находит он причину безнаказанного избияния вольных детей улицы, — в родовом запрете выбора, в материнском табу, скрывающем возможность сопротивления:

Видно, в детстве, слепые щенки,
Мы, волчата, сосали волчицу
И всосали: "Нельзя за флажки!"

2.

На всем, отмеренном ему творческом пути Высоцкий настойчиво возвращается к рано определившейся судьбе своего поколения — значительной его части, преодолевшей эту наследственную покорность. Рано повзрослевшие дети войны, сверстники Высоцкого, вынесли из хлебных очередей простой и беспощадный взгляд на жизнь, научились отстаивать себя и отбились от рук своих замученных трудом и страхом матерей. Они ощутили войну как потрясение рабских устоев бытия, как возможность человеческого взлета — и тем приведены были к безвестной гибели, рассеяны "пылью по лучу". Со своими ножами из напильников и заточенными гвоздями им и деться было некуда, как только в колонии или лагеря, но они разорвали круговую поруку страха и подлости и потому не вышли в пионерские, комсомольские или партийные бюрократы, и погибать были заклеены — ворами.

Другие, кто избежал этой судьбы, кому нравственное чувство закрыло возможность ответить ножом на насилие, составили правовую, культурную, нравственную оппозицию власти, во многом определившую общественное мнение послесталинской эпохи. И они, рано или поздно, изымались из советской жизни по нестираемой мете непримиримости, сложившей их судьбы и песни, — того, что заставляет волка выйти из повиновения и "рваться из всех сухожилий" за обложившие флажки.

Ценности человеческого бытия, очищенного от идеологической шелухи "богомерзских сказок", сложили духовный облик "единственного поколения русских, нашедшего себя" (И. Бродский) — "книжных детей", "романтиков" Высоцкого, пытавшихся отстаивать свою внутреннюю свободу. Стихийная попытка их обреченного бунта прорвалась в песнях Высоцкого, в его "отчаянием сорванном голосе", поведавшем о судьбе поколения "волчат", распыленного лагерями, изгнанием, ранней гибелью:

Мои друзья ушли сквозь решето,
Им всем досталась Лета или прана,
Естественную смертью — никто,
Все — противоестественно и рано.

("Я не успел", 1977 г.)

Жертвы охоты — не только волки. Кольцо облавы захватывает и кабанов ("Охота на кабанов", 1968 г.), и лебедей ("Охота на лебедей", 1975 г.), и вообще всю фауну ("Заповедник", 1972 г.). Жизнь во всех ее проявлениях оцеплена красными флажками идеологии и затравленно мечется под дулами "полупьяных стрелков".

Песня "Охота на волков", точнее, ее первая часть — это и последняя песня Высоцкого об охоте, где гонимый побеждает, вырывается из зоны, оцепленной флажками. Вторая часть песни, "Охота с вертолетов, или Где вы, волки?" (1977 г.) написана спустя десять лет, после которых не осталось надежд. Песня открывается ударной метафорой: "Словно бритва, рассвет полоснул по глазам", — действие ясно обозначено как подлая бандитская акция. На заснеженном пространстве бойни уже нет красных флажков; идеологическая граница ландшафта совпадает с государственной. "Протухшая река" в песне Высоцкого указывает на почтенный возраст этого рубежа: с другого, с "того берега" этой реки взирал на Россию еще Герцен в середине прошлого века. "Те, кто жив, — затаились на том берегу", удрал от очередного избиения. Это избиение носит выборочный характер: те, кто "ползли по-собачьи хвосты подобрав", остаются целы, бьют "улетающих — в лет, убегающих — в бег". Жизнь "лебедей высокого полета" и "сильных птиц" обрывается "в зените, на взлете". Взлет у Высоцкого — метафора духовного распрямления, собственно человеческая способность, которая как раз и служит мишенью охотников.

"Охоты" призваны изменить духовную природу человека с ее способностью к взлету и побегу за флажки, выработать "новую историческую общность людей". Процесс насильственного преобразования "живых людей, скрытых врагов нашего народа" (И. Сталин) обнажен до его кровавой сути извращения природы, закабаления вольных существ в охранников, в псов, натасканных на человека.

Жизнь, сохраненная ценой утраты свободы и духовного облика — это, по Высоцкому, существование в псах, в бессловесности. Образцовый советский человек, жертва и порождение тотального насилия, вполне традиционно ассоциируется у Высоцкого с псом. Усилиями М. Булгакова ("Собачье сердце") и Г. Владимова ("Верный Руслан") разработка этого человеческого типа значительно обогатила образы собак со времен "Каштанки" и "Белого пуделя". Когда-то свободные существа ("отдаленная наша родня"), псы занимают теперь место в аппарате насилия, и место это точно обозначено Высоцким. Не вступая в прямую схватку с волками, они "лают до рвоты", что указывает, быть может, на их преимущественное использование в словесном жанре, в той идеологической травле, которую они из соображений престижа называют "борьбой".

Но "псы" — только низшая группа преследователей, в отличие от "егерей", "загонщиков", "ловчих", "стрелков", "сторожащих" и "стерегущих", которые в структуре общества, по Высоцкому, занимают место княжеской дружины. Деятельность их, столь незатейливая в идиллическом прошлом (топтанье ногами по живому), в развитом социалистическом обществе усложнилась и дифференцировалась. "Конные и пешие", они не только участвуют в облавах ("загонщики"), подстерегают попытки ("стерегущие") и сообщают о замеченном намерении ("сторожащие") вырваться на свободу, но и выслеживают ("егеря"), и вылавливают их ("ловчие"), и приводят приговор в исполнение ("стрелки").

Опознав, таким образом, в "охотниках" высший слой властей Заповедника, государственная принадлежность которых подчеркивается аллитерированием стиха сугубо национальным звуком "ща", посмотрим, как оценивает Высоцкий жителей этого Заповедника, надежно изолированных от мира флажками и границами.

Сколько их, хищных и травоядных,
Шерстью линяющих, шкуру меняющих,
Блеющих, лающих, млекопитающих,
Сколько летящих, бегущих, ползущих,
Сколько непьющих в рощах и куцах,
И некурящих в дебрях и чащах,
И пресмыкающихся, и парящих,
И подчиненных, и руководящих,
Вещих и вящих, рвущих и врущих —
В рощах и куцах, в дебрях и чащах...

Сближение жертв с насильниками, "зверей" с "людьми", напоминает полюбовную монолитность знакомого нам общества, в котором неоднократно и торжественно про-

возглашали единство партии и народа. В этой социальной утопии — или антиутопии — поведение верноподданных пародирует идиллические отношения, якобы царящие в реальном "заповеднике". "Ловко, продуманно, просто, с умом, мирно, зачем же стрелять?" Эта характеристика неожиданно уподобляет "охотников" ворам в законе, столь же полюбовно организующим свои взаимоотношения с народом: "Мне каждый деньги отдавал без слез, угроз и крови" ("Формулировка", 1962 г.). Если из-под масок "блатных" ранних песен Высоцкого выглядели лица обыкновенных людей, то теперь за человеческими физиономиями "охотников" проглядывают блатные рожи. Это особенно заметно в "Охоте с вертолета", представленной как чисто уголовная акция. Живя в мире обратимых понятий, Высоцкий использовал принцип "новояза" для создания контрапункта в той симфонии символов, какая разыгрывается в его поэзии.

3.

Будничная борьба за осуществление идеалов "заповедника", долгое, серое, лишенное фантазии пожирание человека государственной машиной — выражено Высоцким экстремальными поэтическими средствами, наполнено страстью и отчаянием перед ужасом творящегося зла. Поэтому и идет в его песнях бесконечное кровавое избиение животных.

Но война против безоружных скоротечна, как бойня, и летопись поколения уже написана кровью на снегу: "...На татуированном кровью снегу наша роспись: мы больше не волки!" Кажется, вот и конец кровавой драме, и так затянувшейся на десятилетие, — но мелькнула ухмылка усмирленного волка, уцелевшего в собаках среди собак, обнажились, неожиданно напоминая шепелявого волхва, гнилые обломки зубов, сквозь которые он трижды прохрипел: "Таёт надпись: мы больше не волки!"

Он и сам смотрит, и своим кричит: "К лесу, волки!.." К лесу, извечному прибежищу гонимых, к "зеленому прокурору" эзков, куда бежали и старoverы, и крепостные, и сама Россия от татар, — бежали, хороня образ свой от ярма и рабства. Но как ни велика Россия, а в лесу не спрятаться.

Били в ведра и гнали к болоту,
Вытирали вспотевшие лбы,
Презирая лесов позолоту,
Поклоняясь азарту пальбы.

В отличие от "волков", "кабаны" Высоцкого не пользовались популярностью в обществе, никто не торопился узнать себя в этих угрюмых, грубых, заскорузлых животных, не восклицал: "Да это ж про меня!" Даже автор, воплощавшийся в "волков", в "Охоте на кабанов" остался сторонним наблюдателем. А было это — про коренное крестьянское население, низведенное до того, что и признать его некому.

Характер и судьба нелюдимых обитателей лесных суглинков — некогда народа, корчевавшего леса и хоронившегося в них от врагов, выстававшего на ржаных зернах и темных преданиях, сосредоточенного в своем радении о скудной земле, одинаково равнодушного и к императорскому орлу, и к бутафорским колосьям социалистического герба, — выражены в этой аллегории Высоцкого, в "Охоте на кабанов".

"Грязь сегодня еще непролазней" — первая строка песни описывает бойню, происходящую в грязи, непролазно-грязное дело. Она же указывает на пору года: осень, время подрастающего помета, — значит, кабанов гонят семьями. Это присутствие детей среди избиваемых, отмеченное и в "Охоте на волков", выдает себя предсмертными криками жертв: "рычанье ли, плач ли".

Так, семьями, гнали жертв коллективизации, крестьянский народ, так гнали народы кавказские, крымские, прибалтийские. Кабанов "гнали к болоту" — как в болотистые, нежилые, стылые места гнали крестьян, отрывая от коренных поселений. Обложенные в своем лесу, гонимые улюлюканьем и грохотом пустых ведер, они внезапно оказались пленниками непонятной, враждебной стихии и, помраченные яростью, бежали от нее — в освобождение, в тишину, в гибель. Выросшие среди неподатливой природы, они были

наделены ее качествами — упорством, скупостью, своеволием и размахом стихийной ярости. По этой своей природе они не могли жить "как в плену", и не брезжила им утешительная надежда прикинуться псами.

Обреченно, не сворачивая, ползет "присмиривший подранок, замороженно глядя на ствол", — и страшная метафора окрашивает звуки выстрелов: "будто радостно бил в барабан боевой пионерский отряд". А крестьянам — так и слышно было. В эти барабаны стучали их павлики, предавшие их дети — наводчики властей, сами оглушенные барабанным боем.

Не обладая увертливостью волков, с той прямоотой, которая обличает в них простые души, кабаны неслись напролом через заросли — на выстрелы, на ненавистную дробь барабанов, и гибель их была утверждением воли к естественной жизни.

Уничтожение исторической народной жизни — коллективизация — поставлено песней "Охота на кабанов" в один ряд с остальными облавами нашей новейшей истории, а художественный строй песни подводит вплотную к "Побегу на рывок" (1977 г.) — сказанию об охоте на человека. Здесь все "охоты" приведены к своему логическому концу, все аллегории сняты, метафоры раскрыты.

Идет охота на людей, ее место, время и жертвы точно определены, а роли расписаны и уже опробованы в убийстве животных. В первой строфе назван стерегущий конвой — "вологодский", тот самый, что "шутить не любит", — относя повествование к сталинским временам, его прославившим. По бегущим "лихо бьет трехлинейка, прямо, как на войне". Вот и названо, что на язык просилось: война с народом, "какие, к черту, волки!" А народ этот заключенный помнит выстрелы трехлинейки с фронтовых времен, — значит, идут в лагерной колонне пленники, которые с войны сюда и попали.

Как их отцы и деды, как волки и дремучие кабаны, и птицы, они в плену на своей земле, где удел их — кидаться по приказу на брюхо и лежать, дрожа, "в снег уткнувши носы". Но двое рванулись из своей судьбы и бегут на волю по заснеженному полю боя — бегут "до берега, до цели" — туда же, где спаслись волки, затаившись "на том берегу".

Но в побеге "на рывок", наудачу, совершенном на глазах конвоя, цель недостижима. И подняты уже им вслед "бесноватые псы", столь хорошо знакомые подручные дьявола, не устающие травить живое, до рвоты лающие псы. Заведомая безнадежность побега до конца обнажает нестерпимость неволи, захватившей узников врасплох. Это побег в смерть, как описывает его поэт и бессрочный заключенный Валентин Сзэка, уже вырвавшийся из обжитого пожизненного ада лагерей в обетованную землю: "И от злых собак ушел он в ту страну, где сон и нега".

Так бежал и кабан, "чтоб навек обрести тишину":

Снес подранку полчерепа выстрел,
И рога протрубили отбой, —

и убийство его детально повторено, подтверждено убийством человека в "Побеге на рывок":

Вот и сказке конец, зверь бежал на ловца,
Снес, как срезал, ловец беглецу пол-лица.

Чередуются строфы стиха, выдержанного в разных размерах: скачущие шаги беглецов, два дыхания, две воли. Но вот один рухнул, а второй вырван из стихии побега лапами дружины, взвода профессионалов, "аж два раза уставших", открывая путь в небеса:

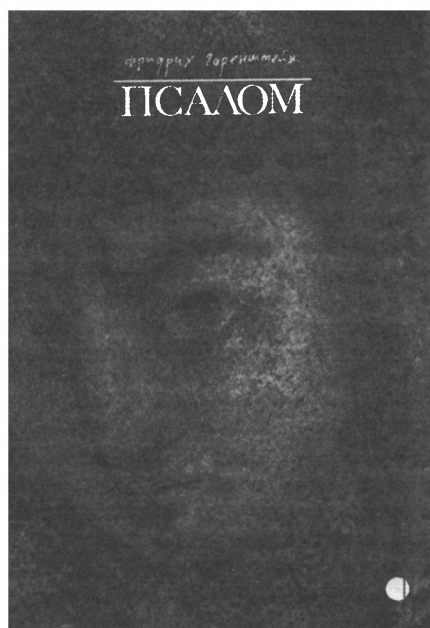
Зря пугают тем светом, оба света с дубьем:
Врежут там — я на этом, врежут здесь — я на том.

Этим смертным страданием преодолено непролазное ограждение между смертью и жизнью, душа обитает в обоих обратимых мирах и не знает предела абсолютной свободе и абсолютной муке. Беглый раб, самоубийца, отвергнутый землей и небом, перекидываемый дубьем из ада жизни в жизнь ада, познал вечное коловращение бытия и возвращен в зону.

"Все вернулось на круг...", да ведь ничто и не сходило с круга, вращаясь вечно, и мелькнул оцепеневший мир, как метой дьявола помеченный "полтиной", выплачиваемой в нем за пресечение человеческого взлета, — мелькнул и остался позади для второго беглеца, подхваченного потоком вечного движения. "Зачеркнутый пулями", как черновик страницы, которая никогда не будет прочитана, унес он тайну осуществленной воли. И постигают ее собаки, "слизывая его мозги".

Но недотоптанный вовремя певец отозвался эхом на его последний человеческий крик и записал на миллионы магнитофонных лент, как пробили бежавшего пули: "кредом, в затылок, в пояс, в два плеча", — словно осенив их крестным знаменем, которое ныне и присно со всеми рвущимися за флажки.

Теперь, когда совершился и собственный побег Высоцкого из той хваленой жизни, к которой все мы "для верности прикованы цепями", комиссия профессионалов орудует с его песенным наследием, потя и слизывая запекшуюся на нем кровь. Они, и правда, "любить умеют только мертвых" — со всей нежностью и сладострастием мародеров. Но извратить смысл и природу поэзии Владимира Высоцкого им не по зубам, — шквальный поток его песен сорвал зонное ограждение и навечно влился в круг нерасторжимого бытия. ●

Огляделся Дан, Аспид, Антихрист вокруг, и верно, не много увидел он праведных лиц, среди народа своего, идущего вон отсюда к могиле. Эта прелюбодействовала, этот обижал сироту, этот был скуп и ел поедом близких, этот грязно философствовал, этот лживо молился, эта предала, этот отрекся... И сказал Дан, Аспид, Антихрист:

— Кто же изгоняет нас и откуда изгоняет? Может, Господь изгоняет нас из Эдема? Может, святые ангелы изгоняют нас с неба? Нет, нас грешных изгоняют падшие грешники из падшего мира... Оглянитесь вокруг. Прелюбодеяние ли грех в этом падшем мире? Предательство грех ли? Грязная философия? Лживая молитва? В междоусобицах убивали мы своих пророков от Иеремии до Иисуса, но это ли редкость для падшего мира?

Издательство "Страна и мир"
выпустило роман Ф. Горенштейна

ПСАЛОМ

450 стр. Иллюстрации Б. Рабиновича
Цена книги 50 нем. марок

СТРАНА И МИР.

Владислав ХОДАСЕВИЧ

ЛИТЕРАТУРА, ЗАДОХНУВШАЯСЯ ОТ СЧАСТЬЯ

Владиславу Фелициановичу Ходасевичу исполнилось 36 лет, когда летом 1922 года он приехал в Берлин, навсегда оставив Советскую Россию. Сущность его конфликта с новым режимом Краткая Литературная энциклопедия (М. 1975, т. 8) объясняет так: "Ходасевич отстаивал право "историка и поэта" быть выше современности". Ходасевич был обречен на литературный остракизм, и в этом смысле терять ему было нечего. Зато эмиграция спасла его от тюрьмы, лагеря, безвестной смерти на этапе, расстрела или самоубийства. Крупнейший русский поэт потерял большую часть своих читателей и умер в изгнании, в Париже, 14 июня 1939 года — страдальческой, но все же "своей" смертью.

Ходасевич был "культурным, а не политическим эмигрантом", замечает Юрий Колкер, автор лучшего до сих пор критико-биографического очерка о поэте (см. Вл. Ходасевич. Собрание стихов в двух томах под ред. Ю. Колкера, Париж 1983). На фоне бед, постигших страну, массовый выезд писателей, мыслителей, ученых мог показаться относительно небольшим несчастьем; его опустошительные последствия становятся ясны для нас только сейчас. Но удивительным образом имена, выскобленные из официальной литературной летописи, минуя все рогатки, возвращаются к читателю. Интерес к Ходасевичу не только не исчез, но непрерывно растет. Как и прежде, он в СССР не издается. Только что исполнившееся столетие со дня рождения поэта отмечено полным молчанием. Зато на Западе лишь за последние годы, кроме упомянутого выше двухтомника, вышел первый том Полного собрания сочинений (изд. "Ардис"), несколько отдельных сборников стихов, критической и мемуарной прозы. Издательство "Серебряный век" опубликовало том мемуаров "Белый коридор" и готовит к выпуску собрание избранных статей о литературе; здесь же появился специальный выпуск альманаха "Часть речи", посвященный Владиславу Ходасевичу. Весьма обширна литература о Ходасевиче, среди которой нужно выделить обстоятельную монографию Д. Бета (Принстон).

Перу В. Ф. Ходасевича принадлежит свыше трехсот статей, большая часть которых еще не собрана. Мы предлагаем вниманию читателей подборку литературно-критических статей В. Ф. Ходасевича, напечатанных в разные годы в парижской русской газете "Возрождение" (сотрудником которой он был с 1927 г.) и практически ставших давно уже недоступными.

МАЯКОВСКИЙ

Моя статья о Маяковском, напечатанная вскоре после его смерти в "Возрождении",¹ вызвала и до сих пор вызывает довольно много откликов — печатных и письменных. Похвалы остается мне лишь принять с благодарностью. На угрозы и брань (например, на брань некоего Р. Якобсона²) отвечать не буду. Но ответу на некоторые возражения, мне сделанные. С одной стороны, я получил несколько писем читателей, недовольных тем, что за Маяковским ("бездарным стихоплетом", по выражению одного письма) я признаю талант. С другой стороны, А. Бем на страницах "Руля" называет мою статью "объективно несправедливой" по отношению к "крупному поэту" и считает ее "несомненным срывом" в моей критической деятельности. Возражения, таким образом, исходят от людей совершенно противоположных мнений. Однако мне представляется возможным ответить зараз и моим корреспондентам, и А. Бему. Это потому, что, на мой взгляд, в основе их недовольства лежит одна и та же психологическая ошибка.

Мои корреспонденты хотели бы, чтобы я отрицал наличие таланта у Маяковского. Но чтобы исполнить это желание, мне пришлось бы сказать неправду и действительно быть объективно несправедливым. Литературный талант есть прежде всего умение выражать свои чувства и мысли в наиболее сильной и соответствующей им форме. Такой талант дается отнюдь не всякому, и несомненно, что Маяковскому он был отпущен природой в количестве даже незаурядном. Стихи Маяковского очень сильны и выразительны — потому-то и вызывают они столь резкое недовольство в моих корреспондентах. И мне самому враждебна была вся его писательская деятельность не потому, что у него не было таланта, но потому, что свой несомненный талант он обратил на дурные цели. Отрицать дарования в наших литературных, политических или каких угодно недругах только за то, что их цели не совпадают с нашими, столь же несправедливо и опасно, как восхищаться ими и все им прощать единственно потому, что у них есть дарования. Мои корреспонденты склонны впасть в первую из этих двух крайностей, А. Бем — во вторую. Обе стороны одинаково не хотят отделить вопрос о наличии дарования от смысла поэзии, этим дарованием порожденной. Моим корреспондентам противна поэзия Маяковского — они не хотят признать за ним таланта. А. Бему, напротив, талант Маяковского очевиден, но за это он прощает ему весь смысл его поэзии. И хотя А. Бем говорит в начале статьи, что Маяковский не может "ждать от нас интеллигентского себе прощения", — вся статья свидетельствует именно о прощении.

На мое основное утверждение об огрублении и снижении поэтической темы у Маяковского А. Бем заявляет, что Маяковский был прежде всего лирик: "Через все творчество его проходит красною нитью тема лирики: я и мир. И все своеобразие Маяковского в том, что он совершенно по-новому преподнес нам эту основную лирическую тему". Все это совершенно справедливо и очевидно, как дважды два четыре. Но в том-то и дело, что мало "по-новому преподнести" тему: надо, чтобы это новое ее преподнесение было не отвратительно по существу. Маяковский же только и делал, что преподносил ее с новой (да, с новой) грубостью, с новым, с небывалым даже снижением и опошлением. Это снижение никогда никем из литературных друзей Маяковского не отрицалось; напротив, считалось главной его заслугой, которая с моей точки зрения есть не заслуга, а вина.

Определить стихотворца как лирика вовсе еще не значит снять с него обвинение в пошлости и грубости. Чувствуя, что такое формальное определение отнюдь еще не оправдывает существа поэзии Маяковского, А. Бем спешит отметить в ней мотивы страдания и тоски. Опять — справедливо и это. Но в таком случае А. Бему следовало бы доказать, что и страдания, и тоска проявлялись у Маяковского не грубо, не сниженно. Этого он не сделал, потому что не мог бы сделать: и в страданиях своих Маяковский был груб, и тема тоски трактована им принижено. Человечеству, может быть, его следует

пожалеть, — но сожалеть о человеке, мы еще не приобретаем оснований сочувствовать поэту. Толстовский Иван Ильич, страдая, кричал на одну ноту: у-у-у! — и нам его жаль глубоко. Но если б Иван Ильич объявил, что его "у-у-у" есть поэзия, и всех не кричащих "у-у-у" стал бы оплевывать так, как оплевывал Маяковский, — мы бы и осудили такую "поэзию", и, пожалуй, лишились бы значительной доли жалости к самому Ивану Ильичу. "Страдать! Страдают все! Страдают темный зверь!" Недаром слова эти принадлежат поэту, страдавшему, право, не меньше, чем Владимир Маяковский, — и сумевшему создать поэзию не звериную, но человеческую, не снижавшую, но возвышавшую.

А. Бем идет, однако, и дальше. Он пишет: "Отрицать за поэзией Маяковского всякое касание миров иных... значит просто потерять чувство объективности". Опять — совершенно формальное наблюдение, не оправдывающее Маяковского по существу. В том-то и дело, что касание касанию рознь. "Всякого" касания и я не отрицал, но не всякое способно меня примирить с Маяковским.

**А с неба смотрела какая-то дрянь
Величественно, как Лев Толстой.**

Это двустийше о Боге достаточно ясно и недвусмысленно. Оно-то и определяюще, и центрально в вопросе о "касании миров иных" у Маяковского. Это и есть предельная грубость и предельная низость, от которой все прочее в его поэзии — только производные.

"Миров иных" Маяковский касается единственно с целью унижить их. Его "ненависть к мещанству" есть прежде всего ненависть к религии. Поэтому с "традиционной для русской литературы ненавистью к мещанству" ее можно сопоставить лишь словесно, почти в порядке игры, а не по существу, как делает А. Бем. Для традиционной русской литературы именно религия была борьбой с мещанством, для Маяковского — наоборот: борьба с мещанством есть в первую очередь борьба с религией. Для Достоевского мещанин Маяковский, для Маяковского Достоевский. Не возбраняется выбрать своим героем как того, так и другого, но смешивать, но соединять их никак нельзя.

От воображаемой борьбы Маяковского с мещанством рукой подать до его воображаемого политического романтизма. И действительно, А. Бем тотчас рисует такую схему: "Эта ненависть должна была рано или поздно привести его в столкновение с новым мещанством, родившимся в самом большевизме. Отсюда его романтика революции, столь мало похожая на ее будни, потом — противоположная крайность: попытка уложить себя в рамки будней "строительства", стать его поэтом, и, наконец, безнадежная попытка найти себя в сатире. От "Нашего марша" к рекламам Моссельпрома и завершение "Клопом" и "Баней" — вот поэтический путь Маяковского". На словах все это довольно красиво: получается, будто Маяковский страдал и томился в ненавистных ему буднях революции. Но на деле ни из его биографии, ни из стихов (что особенно важно) нельзя вычитать никакого томления и никакой борьбы. Если мы сопоставим историю большевистской революции с личной и литературной историей Маяковского, то увидим не расхождение, а шествие рука об руку, не борьбу, а постоянное содействие. Революционная "романтика" Маяковского совпадает с романтизмом донэповского большевизма. В нэповскую и посленэповскую эпоху он не с отчаянием бросается в противоположную крайность и не "пытается" уложить себя в рамки будней, как хочется видеть А. Бему, а послушно и безропотно приспосабливается к новым обстоятельствам и "укладывает" себя в рамки "будней" как нельзя лучше. Пресловутым "социальным заказом" никогда Маяковский не тяготился и всегда выполнял его с усердием. "Будням" кланялся, как и празднику: за это свидетельствуют все без исключения его стихи соответственного периода. Против этого — ни одной строки! Приказали перейти от "Нашего марша" к рекламам Моссельпрома — он перешел. Где ж тут "борьба"? Ее можно выдумать, но нельзя доказать ни единой строкой его стихов. И в сатире Маяковский не "безнадежно

пытался найти себя", а просто выполнял очередной заказ, высмеивая не большевизм, а его врагов, не нынешних вождей, а тех, кого нынешний вождь упразднил. Это последнее обстоятельство я подробно выяснил и, смею думать, доказал в статье о "Бане". Жаль, что она ускользнула от внимания А. Бема.

Поэтому утверждение А. Бема, будто "Маяковский остался верен большевикам до конца, но веру в них он, несомненно, утратил", во второй своей части лишено фактических оснований. Эта утрата веры (поскольку вера вообще существовала) ничем решительно не подтверждается, и для ее обоснования А. Бем напрасно ссылается на самоубийство. Поскольку Маяковскому вообще было по пути с большевиками, постольку и оставалось по пути. Что же до самоубийства, то все слухи о его политической подпочве — всего лишь легенда, идущая из каких-то смутных источников, абсолютно не подкрепляемая фактами, но зато документально и заранее опровергнутая самим Маяковским в его известном предсмертном письме. Маяковский покончил с собой на почве личных, вполне интимных дел, сам заявил об этом, сам просил "не сплетничать", то есть именно не строить необоснованных догадок, — и мы не имеем никакого основания, ни даже права сомневаться в истине его предсмертных слов. Признаюсь, меня даже удивляет, как может оперировать с этой легендой А. Бем, серьезный историк литературы, знающий цену документам, с одной стороны, вымыслам — с другой. Когда же А. Бем сопоставляет воображаемое разуверение Маяковского с действительною душевной драмой Блока, становится обидно и за логику, и за Блока. Блок не прислужничал ни когда верил, ни когда разуверился. Блоку даны были гордая совесть и непреклонная лира. А Маяковскому? Самые заблуждения Блока святы, как свято его предсмертное молчание. Плохо нам будет, когда в памяти освятим мы и "счастливо оставаться", которым предсмертию расшаркался Маяковский пред осквернителями России.

А. Бем не согласен со мною и в том, что Маяковский не был революционером в поэзии: "Есть одна область поэтического языка, в которой заслуга новаторства безусловно принадлежит Маяковскому. Я говорю о поэтическом синтаксисе. Я не могу подробнее останавливаться на этой теоретической теме, но именно здесь Маяковский оказал большое влияние на всю следующую поэзию..." Я тоже не могу подробно останавливаться на этой теоретической теме. Укажу, однако, что идея упрощения поэтического синтаксиса принадлежит не Маяковскому. Она стара почти как сама русская поэзия. Следы ее уже явственны у Державина и не исчезают вплоть до символистов. Но поэтика, как сама поэзия, основана на мере. Маяковский переступил тот предел, за которым поэтический синтаксис перестает отличаться от базарного: именно так определил "заслугу" Маяковского какой-то советский теоретик. По отношению к поэтическому синтаксису такое действие есть не творчество, а разрушение, не революция, а погром. Несомненно, что этот погром "оказал влияние на последующую литературу", хотя и не на всю, как думает А. Бем. Но опять же — не всякое влияние благо: влияние Маяковского на поэтический синтаксис подобно "влиянию" большевиков на народное хозяйство России. Не отрицаю и того, что "Маяковский войдет в историю русской литературы", но вижу в этом не заслугу, а вину Маяковского и жалею об этом. Не считаю его, как А. Бем, "крупным поэтом", но считаю крупным явлением — крупным злом. Этому крупному злу не могу ни поклоняться, ни сочувствовать, ни даже любоваться его размахом, как не сочувствую, не поклоняюсь и не люблю Ленин, хотя и он, еще несомненное, был тоже крупным явлением и тоже останется в истории России. Оставим фактопоклонство и историческое эстетство: не все хорошо, что крупно, и не все хорошо, что остается в истории.

Было бы дурно, если бы я молчал или говорил вполголоса, пока Маяковский был жив, и со своей статьей выступил бы только по смерти его. Но это не так, и даже та статья, которая А. Бему кажется "недопустимой по характеру", есть лишь переработка, отчасти смягченная, статьи, напечатанной в "Возрождении" летом 1927 года. Что говорил я при жизни Маяковского, то повторял после смерти.

“Он кровь от крови русской литературной традиции”, говорит Р. Якобсон, апологет футуризма и заграничный советский чиновник. Очень хорошо понимаю, зачем ему нужно подкинуть Маяковского в ненавистную ему русскую литературную традицию. Но глубоко недоумеваю, когда эти слова сочувственно повторяет А. Бем. Маяковский есть футурист, разрушитель и осквернитель русской поэзии, которая для меня есть не только предмет безразличного и безучастного исторического изучения. Долг мой — бороться с делом Маяковского и теперь, как боролся я прежде, с первого дня, — ибо Маяковский умер, но дело его живет. Требовать от меня, чтобы я “корректно” склонил голову перед могилой Маяковского, совершенно так же “странно и напрасно”, как требовать от политической редакции “Руля”, чтобы она преклонила пред мавзолеем Ленина.

“Неужели “прыжок через стену” дает забвение прошлого, а “прыжка в смерть” для этого мало?” — спрашивает А. Бем. Конечно, в данном случае мало. “Прыжок через стену” есть как-никак свидетельство о раскаянии и о разрыве с прошлым. А Маяковский не каялся и не порывал ни с политическим своим прошлым, ни с литературным, которое важнее и хуже политического, ибо в политике он был ничто, а в литературе нечто.

А. Бем — ученый и уважаемый историк литературы, знаток Достоевского и Пушкина, до недавних пор державшийся в стороне от периодической прессы. Его появление в составе редакции “Руля” и на страницах этой газеты должно всячески приветствовать: именно таких критиков и редакторов, вооруженных солидными историко-литературными познаниями, нам слишком недостает. Но признаюсь: не моя статья о Маяковском, а возражения А. Бема, исполненные сочувствия к футуризму и Маяковскому, кажутся прискорбным срывом в его критической деятельности. Говорю это вовсе не ради polemического приема, но потому, что эта статья меня неожиданно и глубоко опечалила.

31 июля 1931

СВОЯ ИЛИ ЧУЖАЯ

О советской литературе

О московском писательском съезде³ писалось во всех зарубежных газетах. В Париже и в других городах ему был посвящен ряд докладов. Разговорам о советской литературе он снова придал ту остроту, а порою и страстность, которых в последние годы они почти лишились. Речь шла не об отдельных авторах или произведениях, но именно обо всей литературе в совокупности, об ее общем значении, о ее судьбе, об ее положении в СССР. Меньшинство, количественно весьма небольшое, зато темпераментное, которого лидером по справедливости следует признать М. Л. Слонима⁴, отнеслось к съезду, как к событию первостепенной важности и самого положительного свойства. В съезде оно увидело чуть ли не зарю новых, счастливых дней, начало раскрепощения писателей, верный залог расцвета, который сделает советскую словесность еще более значительной, нежели она уже есть. Большинство оказалось скептическим: по его мнению, советское правительство, объединив писателей в единый союз, официально стоящий “на советской платформе”, и уничтожив все прочие объединения, добилось того, что писатели, наконец, отчетливо разделены на “лояльных”, которым предоставляется возможность дальнейшей деятельности, и “нелояльных”, этой возможности впредь лишенных. Съезд и был первым, торжественным собранием делегатов этого союза, от которых требовалось принести присягу на верность правительству, в обмен на что им была дарована вполне каламбурная “свобода” — хвалить начальство и работать на него в любом стиле и любы-

ми литературными приемами. Правительство обещало (и то неизвестно, надолго ли) впредь не вмешиваться в стилистические вопросы, как вмешивалось до сих пор. Только и всего. Отсюда ясно, что стилистически "свободная", но идейно порабощенная литература отнюдь не находится накануне расцвета.

Пишущий эти строки не раз, печатно и устно, имел случай высказываться именно в духе большинства. Признаться, он и теперь не вернулся бы к теме съезда, если бы не одно довольно важное обстоятельство. В происходивших беседах была затронута, но ни разу не высказана до конца как раз та сторона дела, которая, может быть, именно и придавала этим беседам особую остроту. О ней почти не говорили вслух, но чувствовалось, что она, пожалуй, и есть самая главная — или самая больная. Настолько больная, что вопрос, который, что называется, вертелся на языке у обеих сторон, — ни разу не был поставлен прямо, со всей откровенностью. Вопрос этот вот какой: что же такое советская литература? Наша она или чужая? В какой степени мы должны ей сочувствовать, и отрекаясь от нее — не отрекаемся ли мы от самой России? Этот вопрос можно бы поставить и еще резче: за нашим скептическим отношением к советской словесности и к судьбе не скрывается ли род литературного пораженчества?

Повторяю: это слово ни разу не было произнесено, но оно, в сущности, могло и должно было быть сказано. И ведь поскольку я сам принимал участие в происходивших прениях, я, наконец, ощущаю потребность высказаться на сей счет с полной ясностью. Я не собираюсь сказать ничего нового. Кое в чем мне придется повторить самого себя. Но разрозненные свои высказывания хотел бы я привести в некоторый порядок — в том именно смысле, чтобы недосказанное или подразумевавшееся было выражено.

Наша или чужая — советская литература? В том-то и дело, что и то, и другое. И чужая, и наша. Наша — ибо она осуществляется на русском языке и на российской территории. Наша — ибо она по языку и по многим стилистическим влияниям очевидно и непосредственно связана с той великой русской литературой, которой мы все горды и в которой некоторые из нас почитают величайшим счастьем своей жизни посылно участвовать. Наконец, наша она еще и потому, что из истории русской словесности ее не выкинуть. Она в этой истории останется фактом, хотя бы прискорбным или даже трагическим, но во всяком случае таким, который в той или иной степени отразится на будущем неминуемо.

Здесь должен я сделать первую оговорку. Я говорю лишь о той великорусской литературе, которую у нас обычно зовут советской, упуская из виду, что в самом СССР советской литературой именуется весь конгломерат литератур, существующих на советской территории. На эти окраинные литературы, которым в СССР разрешено называться "национальными", наше приятие, конечно, распространяться не может. Желая успеха и процветания литературам мордовской, чувашской, башкирской, киргизской, узбек-истанской, белуджистанской, казахстанской, татарской, финской, грузинской, осетинской, белорусской, украинской и прочим, сколько их в натуре окажется, как желаем мы процветания всем иностранным литературам, мы, однако, не можем и не хотим связывать их судьбы с судьбой нашей литературы, которую почитаем точно великорусскою. Точно также не можем мы почитать эти литературы ветвями нашей, ибо наша — лишь та, которая осуществляется на нашем языке.

Казалось бы, эта оговорка имеет лишь формальное значение. В действительности она подводит нас к самому существу вопроса, к весьма существенной стороне его. Упорно настаивая на единстве советской литературы, хотя и осуществляемой на множестве различных языков, советское правительство этим подчеркивает, что важнее языкового различия СССР-ских литератур — их идеологическое единство. Этот мотив не раз прозвучал на съезде (может быть, только он и звучал там вполне отчетливо), на все лады повторяется он теперь в советских статьях, посвященных минувшему съезду, начинает он доминировать и в повседневной литературной жизни. Таким образом, сама советская

литература существенным своим признаком почитает не язык, а идеологическое содержание. С этим фактом необходимо считаться, а он в свою очередь заставляет и нас подойти к литературе великорусской с особой стороны. Теперь уже мы не можем назвать ее "нашей" потому только, что она писана на нашем языке. Приходится посмотреть, "наша" ли она и по внутреннему своему духу.

Я не буду пытаться дать здесь положительное определение той духовной традиции, которой характеризуется русская литература, "наша" литература. Какой бы ни была эта традиция, неоспорим тот факт, что она не имела ничего общего с теми идеями, которые обязательны для советской литературы, и с теми целями, которым советская литература призвана служить. Если мы даже признаем, что некий бунтарский, революционный дух был ей свойствен, то все-таки можно решительно утверждать, что нынешняя советская литература этого духа не имеет, ибо она призвана подкреплять существующее, а не требовать должного, пропагандировать предписанное, а не искать нового. Следовательно, считать советскую литературу "нашей" могли бы мы только в том случае, если бы "нашей" считали мы и ту совокупность идей, которой она призвана служить вольно или невольно. Поскольку не наши эти идеи — не наша и литература, им служащая. Она не может не волновать и не занимать нас, ибо она существует в бывшей России, ибо ею в известной степени Россия вынуждена питаться, вообще — по ряду причин, которые сами по себе очевидны, — но считать ее нашей все-таки мы не можем. Поскольку мы знаем, что она влачит существование подневольное, мы не в праве к ней относиться с той враждебностью, с какою относимся к советской власти. Но как бы мы ни жалели раба, выполняющего приказания злого господина, мы не в силах признать, что он делает доброе дело. Что же касается некоторых отдельных представителей советской литературы, то по отношению к ним я считаю открыто враждебное отношение не только допустимым, но и должным.

Может быть, однако, не принимая духа советской словесности, можем мы радоваться чисто литературным удачам писателей, их мастерству, их искусству? Что ж, до известной степени оно так и есть. Мы и приветствуем с совершенным доброжелательством каждое проявление таланта. К несчастью, все-таки, содержание не может не давить на форму, даже если их отделять друг от друга. Тематика, предписанная советским писателям, по существу столь невдохновительна, что в большинстве случаев самые несомненные дарования ею деформируются; самые интересные замыслы в конце концов оказываются искалечены специфическою, то грубою, то ничтожною, то и вовсе грязною советской тенденцией. Вот и приходится в конечном счете приветствовать таланты, не приветствуя произведений, — а ведь литература как раз состоит из произведений, а не из талантов, из осуществлений, не из возможностей. Талантами, как благими намерениями, ад вымошен.

Наше естественное желание оценивать произведения советской литературы по их идейному содержанию встречает возражения не по существу: всякому ясно, что не принимая идей советской власти, мы не можем принять и литературу, ею инспирированную. Зато против нас выдвигается аргумент порядка эмоционального и отчасти даже как бы морального: нас обвиняют в том, что мы будто бы идем против воли самой России, принявшей советскую литературу. Иными словами — что мы не признаем свою ту литературу, которую вся Россия признала своей. Что тут можно ответить? Россия "приняла" не только советскую литературу, но и самую советскую власть. Дело все только в том, приняла ли она ее добровольно и не находится ли она под таким же идейным игмом у советской литературы, под каким находится она политически у советской власти. Мы имеем ровно такое же право не принимать советской литературы, как не принимать и советской власти. Либо мы, эмигранты, вообще грешны перед родиной, либо мы не грешны ни перед ней, ни перед ее литературой. Ни один человек, считающий себя вправе осуждать советскую власть, никому не может отказывать в праве осуждать и ее литературу.

Это — принципиально. Практически я совершенно уверен, что самые разговоры о любви советских читателей к советской литературе не имеют серьезных оснований. Свободной критики в СССР нет, — это признают и наши противники. Остается, следовательно, судить об успехах советской литературы на основании данных книжного рынка. Эти данные обычно и выдвигаются: указывают на огромный тираж советских книг. Но в том-то и дело, что тиражные данные в данном случае вовсе не показательны.

В бесхозяйственные годы военного коммунизма издание и распространение книг было еще не вполне сосредоточено в руках государства. Наряду с казенным писательством и распространением существовало частное. Чиновники Госиздата печатали книги в гомерических количествах — отчасти, чтобы проявить "деятельность", отчасти ради злоупотреблений, возможность которых при этом открывалась. Стоимость денег падала так стремительно, что цена книги через несколько дней после выхода становилась ничтожной. О том, чтобы издание окупалось, не могло быть и речи. Убытки от своего книжного хозяйства казна покрывала, как все убытки, — печатанием денежных знаков. Поэтому распространять книги можно было и даром: книги выменивались не на деньги, а на "оправдательные документы". Чиновники-распространители были карьерно заинтересованы в том, чтобы максимум книг был распределен — все равно как, куда и на каких условиях. Философские сочинения и книги по сложнейшим вопросам филологии и эстетики десятками тысяч поступали в библиотеки волостных исполкомов, где и выкупались. До какой степени издательская деятельность казны не отвечала действительному спросу, видно хотя бы из такого примера. К 1920 г. один московский издатель выпустил мою книгу "Путем зерна" в количестве 18 000 экз., ибо сумел получить на нее заказ от Госиздата. Недели через две издание было по официальным сведениям "исчерпано". В действительности, как оказалось впоследствии, оно полностью было запрятано в какие-то склады московского совета. Год спустя другой издатель, петербуржец, не имевший связей и рассчитывавший только на реальную продажу, выпустил ту же книгу вторым изданием, ограничив тираж 800 экземпляров. Книга, наконец, поступила в продажу и действительно вскоре разошлась. Тогда московский издатель раскопал залежи первого издания и откупил из них тысячу экземпляров по номинальной цене — десять рублей за экземпляр. Эту тысячу он одел в новые обложки и выпустил на частный рынок по цене в полторы тысячи рублей за экземпляр: до такой степени за это время упали деньги. Разошлось постепенно и это издание, на котором издатель заработал пятнадцать тысяч процентов. Замечательно, однако, что на сей раз, имея в виду реальный рынок, он ограничил свою аферу одной тысячей экземпляров. Таким образом, фактически читатели раскупили 1800 экземпляров. Это и был нормальный тираж, составляющий ровно одну десятую бесмысленного госиздатского тиража.

При этом, когда от Госиздата требовали, чтобы его издания самоокупались, тиражи резко упали. С прекращением нэпа и после того, как вновь началось расхождение между номинальной стоимостью и покупательной способностью червонца, они снова поползли вверх и сейчас находятся на неестественной высоте. Позволю себе еще один пример. Последние выпуски "Пушкина и его современников", издававшиеся Академией наук за свой страх и риск, выходили в годы нэпа в количестве 600—650 экз., причем они до сих пор еще не вполне раскуплены. Между тем нынешние издания, рассчитанные на тот же круг читателей, выпускаются в количестве 5—6 тысяч экземпляров. Столь же велики тиражи стихотворений Дельвига, Дениса Давыдова, даже Пнина⁵ — авторов, недоступных интересу и пониманию "широких масс". В количестве 5000 вышла книга А. Белого "Мастерство Гоголя". Ясно, что пяти тысяч покупателей (да и читателей) не может быть у этой книги, крайне специальной и до чрезвычайности трудной, которую я, большой почитатель Белого и человек, имеющий некоторый навык в чтении подобных вещей, не могу осилить уже несколько месяцев.

По книжному тиражу в СССР нельзя судить о популярности авторов. Книги выходят там в количествах, сильно превышающих реальный спрос. Это не значит, что они и теперь гниют на складах, как иногда случалось им гнить в эпоху военного коммунизма. Они расходятся, потому что огромная сеть новых библиотек покупает их автоматически; потому что на некоторые издания существует обязательная подписка среди советских служащих; потому что в некоторых предприятиях часть заработной платы выдается бонами на покупку книг и естественно, что владельцы таких бонов книги приобретают: не пропадать же бонам. Но все это вовсе не значит, что купленные и распределенные по библиотекам книги действительно читаются. В свою очередь, из прочитанных книг сравнительно небольшой процент оказывается по-настоящему понят. Наконец, — из понятных книг сколько же читателями душевно приняты и одобрены? Сочинения Зиновьева и Каменева в свое время "расходились" в сотнях тысяч экземпляров. Что ж? Значит ли это, что Каменева и Зиновьева так любит Россия? И если мне говорят, что гладковский "Цемент" тоже разошелся в сотнях тысячах, то я еще не уверен, много ли популярнее Гладков, чем Зиновьев. Недаром даже в советских журналах нередко пишут, что нынешним авторам "массы" в конечном счете предпочитают "классиков", то есть попросту писателей дореволюционной поры.

В советской России выходят только те художественные произведения, которые соответствуют видам и целям власти. Весьма трудно предположить, чтобы население, которое тяготеет этою властью, могло любить литературу, ею инспирированную и ее обслуживающую. Писатели, приезжающие из советской России, не стесняясь, рассказывают о всеобщей почти ненависти, ныне возбуждаемой Максимом Горьким. Как ни тяжело это высказать, мы не сомневаемся, что чувства того же рода, хотя и не той же силы, приходятся и на долю многих советских писателей — быть может, тех самых, которые говорят о ненависти к Максиму Горькому. Поэтому если уж прислушаться к голосу живущих в России, то, пожалуй, следует нам постесняться в выражении восторгов перед советской литературой.

Этого мало. Если бы рухнула стена между нами и теми, кто живет там, то многие писатели, трагически насилующие себя под давлением власти, но сохранившие душу и совесть, могли бы нас горестно упрекнуть как раз за эти восторги: "Нас мучили, нас голодом и тюрьмой заставляли уродовать свои писания, — сказали бы они, — а вы восхищались плодами мучений. Тем самым работали вы на наших мучителей, а нас предавали самому страшному одиночеству. Горечь нашего рабства усугубляли вы тем, что его не хотели видеть и признавать".

6 декабря 1934

О ГУМИЛЕВЕ

К пятнадцатой годовщине со дня смерти Гумилева берлинское издательство "Петрополис" выпустило две книжки его: драматическую поэму "Гондола" и третий сборник стихов "Чужое небо", первое издание которого вышло осенью 1912 года.

"Чужому небу" предпослана небольшая вступительная заметка, написанная одним из друзей Гумилева — Г. Ивановым.⁶ Не все в этой заметке точно. Гумилев погиб не скоро лет, а тридцати пяти: он родился в 1886 году; его "агитация в кронштадтские дни среди рабочих" сводилась к нескольким словам, однажды произнесенным на улице, и не имела никакого отношения к Таганцевскому делу, за участие в котором он был расстрелян; в хранении оружия он даже не обвинялся. Однако если пройти мимо этих частности, то надо признать, что общая характеристика Гумилева, даваемая Г. Ивановым, верна. Я позволю себе привести из нее самую существенную часть.

Г. Иванов пишет: "Зачем он ездил в Африку, шел добровольцем на фронт, участвовал в заговоре, крестился широким крестом перед всеми церквями советского Петербурга, заявил в лицо следователю о своем монархизме, вместо того, чтобы попытаться

оправдаться и спастись? Люди, близкие к нему, знают, что ничего воинственного, авантюристического в натуре Гумилева не было. В Африке ему было жарко и скучно, на войне мучительно мерзко, в пользу заговора, из-за которого он погиб, он верил очень мало. Все это он воспринимал совершенно так же, как воспринимает любой русский "чеховский" интеллигент. Он по настоящему любил и интересовался только одной вещью на свете — поэзией. Но он твердо считал, что право называться поэтом принадлежит только тому, кто в любом человеческом деле будет всегда стремиться быть впереди других, кто, глубже других зная человеческие слабости, эгоизм, ничтожество, страх смерти, будет на собственном примере каждый день преодолевать в себе "ветхого Адама". И — от природы робкий, тихий, болезненный, книжный человек, он приказал себе быть охотником на львов, солдатом, награжденным двумя Георгиями, заговорщиком, рискующим жизнью за восстановление монархии. И то же, что со своей жизнью, он продал над своей поэзией. Мечтательный, грустный лирик, он сломал свой лиризм, сорвал свой не особенно сильный, но необыкновенно чистый голос, желая вернуть поэзии ее прежнее величие и влияние на души, быть звенящим кинжалом, "жечь" сердца людей. В самом прямом, точном значении этих слов Гумилев пожертвовал жизнью не за восстановление монархии, даже не за возрождение России — он погиб за возрождение поэзии. Он принес себя в жертву за неколебимую человеческую волю, за высшую человеческую честь, за преодоление страха смерти, за все то, что при всех талантах русской и мировой литературы последних десятилетий в ней начисто отсутствует. Гумилев умер, пытаясь своими слабыми руками, своим личным примером удержать высшее проявление человеческого духа — поэзию — на краю пропасти, куда она готова скатиться".

Я не буду касаться вопроса о том, разделяет ли автор предисловия эти воззрения на состояние современной Гумилеву поэзии и на ту роль, которую сам Гумилев хотел играть в этой поэзии. Слова Г. Иванова интересуют меня в данную минуту лишь как свидетельство человека, хорошо знавшего Гумилева. Поскольку мне самому случалось с Гумилевым встречаться и разговаривать, я должен сказать, что, к сожалению, основная мысль его, основной импульс его деятельности переданы Г. Ивановым правильно. Я потому говорю "к сожалению", что невозможно не удивиться, до какой степени Гумилев заблуждался в оценке современной ему поэзии и как неверно оценивал свое в ней положение.

Первое появление Гумилева в литературе относится к 1905 г., то есть как раз к тому моменту, когда Брюсовым был объявлен "конец символизма". Брюсов, однако же, ошибался. К 1905 году был внутренне завершен только тот период русского модернизма, в котором Брюсову принадлежала руководящая роль и которую правильнее называть декадентством. Символизм в ту пору лишь пытался себя осознать — в поэзии молодого Блока, в статьях Белого и Вячеслава Иванова. Как мне не раз уже случалось указывать, вряд ли можно отрицать, что, возникнув от декадентского корня, символизм никогда не освободился до конца от декадентского наследия в самом себе, но именно с декадентством он боролся, именно декадентство вменял в вину Брюсову с его ранними соратниками и позднейшими учениками. О "возвращении поэзии ее прежнего величия" при этом речи не было — такие слова были не во вкусе символистов. Не объявляли они и о намерении "жечь сердца". Но провозглашая символизм как мирозерцание, а не как поэтическую школу, именно они, в противовес Брюсову, пытались вновь связать поэзию с жизнью, от которой Брюсовым она вводилась в "только литературу".

Гумилев не сумел этого понять сразу — да так и не понял до самого конца жизни. В ту важную для всякого поэта пору, когда ребяческое подражание сменяется работой более сознательной, он подпал влиянию скорее житейскому, приятельскому, чем литературному, но очень сильному. Это сыграло в его судьбе роль решающую.

Городецкий вырос в окружении Вячеслава Иванова. Ему естественно было бы очутиться в стане символистов. Но личные свойства — желание во что бы то ни стало сыграть видную роль, склонность к рекламе и шумихе — толкали его к тому, чтобы

непременно очутиться в числе "зачинателей" какого-нибудь нового направления. У него на глазах Георгий Чулков выдумал мистический анархизм, и он понял, что не боги горшки обжигают. Побывав мистическим анархистом, он, наконец, решил учредить свой собственный "акмеизм", в который по приятельству завербовал Гумилева, объявив его вторым "мастером" новой школы. Все это было до последней степени несерьезно — теперь даже как-то немного совестно вспоминать, в какие бирюльки играли люди. Сбиваясь и противореча самим себе, "мастера" все же обнародовали свои манифесты, в которых возвещалась борьба с туманами и мистикой символизма — "за нашу планету землю". Акмеистами объявили Ахматову, Осипа Мандельштама, Кузьмину-Караваеву, Зенкевича. Все эти поэты имели друг с другом мало общего, кроме возраста. Каждый шел своею дорогою, мало заботясь о том, что он акмеист. Акмеизм очень скоро перестал существовать, но за это время Гумилев успел раз навсегда вообразить себя глубоким, последовательным врагом символизма.

Как уже сказано, он некогда начал с подражаний (что, впрочем, бывает почти со всеми). Его первый сборник "Путь конквистадоров" был именно книгою подражаний Брюсову. В "Жемчугах" подражание уже уступало место более сознательному ученичеству. Акмеистическая авантюра застигла его в пору писания "Чужого неба" — в 1911–1912 годах. Отнюдь не будучи по природе своей простым эпигоном, он, однако же, не был и человеком способным открывать в поэзии пути совсем новые. К тому же и сама эпоха не оставляла места для открытия таких путей. По возрасту и по тем мыслям, которые им владели, ему было бы естественно если не примкнуть к символистам, то все же пройти через символизм. Но с самоубийственной твердостью "убежденного" акмеиста он оттолкнулся от символизма — и, естественно, очутился в самой гуще брюсовщины.

Перечитайте "Чужое небо". По сравнению с прежними книгами Гумилева здесь уже очень большой шаг вперед в смысле индивидуального поэтического развития. Здесь уже ясно слышится собственный голос, здесь уже вырабатывается своя поэтическая манера, свой почерк. Но все это — словно внутри магического круга, раз навсегда очерченного Брюсовым.

Из этого круга Гумилев никогда уже не вырвался. Вся его поэзия, какие бы индивидуальные черты в ней ни проступали с течением времени, как бы ни совершенствовалась она формально, раз навсегда осталась одним из самых талантливых, но и самых отчетливых проявлений чистейшего декадентства. В основе ее лежит характернейшее для декадентства неодолимое стремление к экзотизму — к изображению заведомо чуждого быта и к передаче насильственно созданных переживаний. Когда Г. Иванов рассказывает, как Гумилев "приказывал себе" быть охотником на львов, солдатом, заговорщиком, он дает классическое изображение насилия, творимого над собой типичным декадентом, ради обретения материала для своей поэзии. Тут, однако, нет не только "высшего проявления человеческого духа", но и высшего проявления просто поэзии.

Поэзию Брюсова принято упрекать в книжности. Это отчасти верно, но не в этом заключается ее основной порок. Сама книжность была у Брюсова только следствием необходимости изыскивать экзотические, необычайные темы и разжигать в себе такие же чувства. Гумилев лично честнее Брюсова, потому что ради этих же поисков ставил на карту собственную свою жизнь (хотя нельзя сказать, чтобы этого лирического авантюризма не было и у Брюсова). Но изысканность была основным пороком гумилевской поэзии так же, как брюсовской. Из этой изысканности проистекала не то что несправедливость, но какая-то, в конечном счете, несерьезность обоих. Люди, хорошо знавшие Гумилева, сходятся на том, что в нем всегда было что-то ребяческое, что-то сохранилось от гимназиста, воображающего себя индейцем. Лишь немногим известна та же черта в Брюсове, но она была в нем несомненно. Оба и в жизни, и в поэзии играли. Объекты их поэзии (для Гумилева — какие-нибудь абиссинцы, войны, мореходы, для Брюсова — Ассаргадоны, Антонины, Клеопатры) были словно куклами. Субъект их

поэзии, то "я", от имени которого произносились их лирические признания, фатально напоминает ребенка, который, играя во взрослого, изобретает самые новые, сложные, парадоксальные чувства, — просто потому, что еще не знает более простых, но зато и более человеческих. Поскольку, однако же, оба они были в действительности уже не детьми, — приходится сказать, что они были литераторами, игравшими в человека.

Сейчас, когда все в мире очень сурово и очень серьезно, поэзия Гумилева так же, как брюсовская поэзия, звучит глубочайшим пережитком, каким-то голосом из того мира, в котором еще можно было беспечно играть в трагедию. Голос этот для нас уже чужд, у нас осталось к нему историческое любопытство, но нужды в нем мы уже не испытываем.

19 сентября 1936

О СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Понял. Мы в раю.

Вал. Брюсов

Посвященная советской литературе "Летопись", которую из номера в номер ведет на страницах "Возрождения" Гулливер⁷, порой мне кажется слишком эпизодической, состоящей из разрозненных отрывков, даже несколько мелочной, даже недостаточно серьезной — так много места в ней уделяется событиям незначительным, а нередко и просто комическим, часть которых относится даже не к самой литературе, а скорее к литературскому быту. Вероятно, такое же чувство испытывают и некоторые читатели, в особенности из тех, которые продолжают надеяться, что советская литература еще чревата какими-то счастливыми возможностями. Однако если мы повнимательнее, а главное — посерьезнее взглянемся в советскую словесность, то будем вынуждены признать, что Гулливер прав и что, как ни странно, его кажущаяся несерьезность прямо подводит нас к важной стороне дела.

Советская литература в настоящее время являет собою зрелище убогое в высшей степени. Книги в СССР пишутся и печатаются в довольно большом количестве (хотя, кажется, в меньшем, чем несколько лет тому назад). Существует критика — впрочем, имеющая растерянный вид, потому что она выращена в правилах того дубового социологизма, который ныне объявлен "вульгарным" и воспрещен, а новых правил ей не преподано. Существуют (и даже в огромных количествах) разные литературные дела и делишки, происходят падения одних и возвышения других, копошатся интриги, сплетни, склоки, создающие видимость жизни и дающие Гулливеру пищу для его горестного сарказма. Однако истинной жизни в советской литературе нет, по-настоящему и всерьез наблюдать в ней нечего, следить не за чем. И это не потому (или не только потому), что не появляются в Советском Союзе ценные, значительные книги, а потому, что дошло уже до таких условий, при которых они там появиться не могут.

Главное из этих условий — вовсе не цензура, мысль о которой, конечно, приходит в голову прежде всего. Парализующее влияние цензуры на советскую словесность бесспорно. Но все-таки в общей литературной политике большевизма цензуре принадлежит только запретительная, негативная, а потому второстепенная роль. Гораздо важнее и сильнее всякой цензуры — прямое, положительное, даже как бы созидательное воздействие, которое оказывается на литературу коммунистической партией в порядке идейного руководства. С момента своего прихода к власти советское правительство поставило себе задачу: в определенном направлении перестроить миропонимание всей нации. Естественно, что самое сильное влияние в первую очередь было направлено на литературу, от которой предстояло добиться, чтобы она не только сама идейно перестроилась, но и служила орудием для внедрения новых понятий в умах общества. Поскольку литературные кадры, сравнительно небольшие по объему, доступнее воздействию и надзору, нежели вся огромная народная толща, процесс перестройки совершался в литературе быстрее и отчетливей, нежели в народе вообще. Если сейчас, на двадцать втором году после Октябрьской революции, народ еще сохранил довольно много старых поня-

тий, то этого никак нельзя сказать о литературе: она всецело большевизована, и не нужно думать, что только за страх: нет, и за совесть. Конечно, часть "неподходящего" элемента в ней либо уничтожена (убита, вымерла), либо вытеснена в эмиграцию, либо приведена к молчанию. Но другая часть, не менее, а более многочисленная, дала подвергнуть себя глубокому перевоспитанию. Наконец, надо помнить, что литературные кадры за это двадцатилетие успели пополниться молодежью, уже не имеющей сколько-нибудь ясного представления ни о каком мире и ни о каком мировоззрении, кроме советского.

Будем откровенны и последовательны. Нам, всегда стоявшим за право художника иметь любое представление о мире, было бы неуместно отрицать достоинства советских писателей единственно потому, что их взгляды не совпадают с нашими — хотя бы и по важнейшим, по коренным вопросам. Даже не соглашаясь с ними, должны бы мы все-таки признать их, как ныне принято выражаться, достижения, должны бы следить за их внутренней жизнью, хотя бы и стесненной границами большевистской доктрины. Однако — именно такое доброжелательное любопытство к идейным противникам становится нам все более непосильно, и не потому, что они слишком нас раздражают, а напротив, потому, что уже и раздражаться нечем. За советской литературой становится невозможно "следить", потому что следить в ней уже не за чем. И происходит это от того, что привитое этой литературе мироучение содержит в себе некий пункт, парализующий ее основной жизненный нерв, делающий невозможным никакое художественное творчество вообще.

Случеский, несуразнейший и в то же время — один из глубочайших русских поэтов, дал замечательное определение художника: он его называет Фомой Неверующим. Искусство, в особенности словесное, рождается из испытания мира. В основе искусства лежит стремление к постижению, разгадыванию того, что нам в мире неизвестно. Другой стимул искусства, связанный с первым, заключается в сознании несовершенства нашего бытия, то есть в изживании страдания и поисках выхода. На несколько своеобразном языке Баратынского то и другое обозначаются словами: *недоуменье* и *принужденье*.

Недоуменье, принужденье —
Условия смутных наших дней...

Искусство есть сладкий и горестный удел человека. Оно человечно, поскольку за пределами человеческого бытия его не существует — либо еще, либо уже нет у зверя и у абсолютного, так сказать, дикаря. Оно возникает с первым проблеском мысли и первым сознанием страдания. Оно должно отпасть там, где все познано, все загадки разрешены и все страдания кончены. В раю не будет писателей.

Что же происходит в СССР?

Недавно в "Литературном современнике" был напечатан рассказ молодого автора А. Кучерова "Потерянная любовь". Герой этой истории (впрочем, довольно нелепой) — молодой осетин Инал. Вырос он пастушонком, стал лепить из глины фигурки, попал в Петербург в Академию художеств, а оттуда — на рабфак. Года два просидел в рабфаке — тем его образование и кончилось, но без малейшего колебания он говорит о себе: "Вырос я теперь, учился и твердо усвоил доступные нам законы, управляющие историей человечества".

Где, какой мудрец мог бы обладать столь счастливой и спокойной уверенностью в своем всезнании? Между тем в том-то и дело, что кучеровский Инал в советской России — вовсе не исключение и представлен автором вовсе не в качестве зазнавшегося невежды. Кучеров и сам — такой же Инал, и в каждом советском писателе сидит Инал, и — главное — обязан сидеть, потому что без политграмоты нельзя стать писателем, а политграмота учит, что коммунизм есть последняя и абсолютная истина и тот, кто постиг коммунизм, постиг уже все. Совершенно несущественно то, что уверенность в обладании ею делает человека решительно неспособным к искусству, да оно ему и не нужно, ибо разгадывать ему нечего и страдать не от чего.

Общеизвестно, что современным советским авторам советский народ в значительной степени предпочитает "классиков", то есть говоря попросту, без тамошней замены неудобных слов более удобными, — предпочитает всех тех дореволюционных писателей, сочинения которых не изъяты из библиотек и книжных магазинов. Об этом свидетельствуют и отчеты библиотекарей, и каталоги издательств, и рассказы приезжих. Такое предпочтение обычно объясняется тем, что дореволюционный быт любопытен и привлекателен современному советскому читателю, что ему надоела вечная агитка и что Пушкин на самом деле лучше Маяковского, а Лев Толстой лучше Гладкова. Эти причины, конечно, существуют, но они не главные. Главное, что влечет к "классикам", есть то, что их духовно роднит с рядовым подсоветским человеком: стремление разгадать мир, душевная тревога и чувство страдания, — как раз все то, чего у советских писателей нет, что из них вытравлено. И если даже малообразованный советский читатель чуть-чуть угадывает художественное превосходство классиков перед современниками, то к этой эстетической оценке приходит он через ощущение человечности, которой советские авторы лишены. Дойти до читательского сердца советскому писателю мешает то самое, что требуется властью и в особенности ценится критикой: абсолютная уверенность в обладании абсолютной истиной. Советская литература гибнет оттого, что коммунистическое мировоззрение ей навязано, но в гораздо большей степени оттого, что оно в самом деле воспринято и усвоено как окончательное, бесспорное разрешение всех загадок и недоумений. Именно эта уверенность мешает советским авторам стать художниками, каковы бы ни были их дарования.

Вырабатывая новый писательский "актив", коммунистическая партия устами своих авторитетов неоднократно советовала и советует "молодняку" учиться у классиков. Однако такие советы суть не более как пережиток дореволюционных интеллигентских понятий. В корне они не продуманы. Молодняк читает и перечитывает стариков уже двадцать лет, но "культурное наследие" остается не усвоено. Больше того, литературные навыки советских писателей все яснее обнаруживают отход от сложного к более простому, от трудного к легкому, от первосортного к второсортному. Происходит скольжение с линии Пушкина, Гоголя, Толстого, Достоевского примерно на линию Надсона, Горького, беллетристов-народников, а там, глядишь, и Мамина-Сибиряка. Весь очеркизм, а за ним пресловутый социалистический реализм вышли из этого скольжения. Советский писатель бессилен учиться у классиков, потому что в его глазах они не имеют ни умственного, ни морального авторитета. Он полон сознанием своего перед ними величайшего превосходства, потому что они искали правду и не успели найти, а ему эта правда известна вся и вызубрена вместе с таблицей умножения. Хорошо еще, если он, взирая с высоты диамата, готов некоторых из них признать честными обличителями феодального строя, наивными мечтателями, робкими бунтарями, не умевшими взяться за дело по-настоящему. Самое большее, что ему кажется позволительным у них позаимствовать, — это известный запас чисто формальных приемов, да и те по-настоящему ему не даются, потому что слишком тесно связаны с содержанием, то есть со всем комплексом идей и строем мыслей, ныне отвергаемых как ложь или заблуждение. Идеологи коммунизма могли с легким сердцем давать свои советы, потому что сами не имели литературного опыта. Советский писатель, сталкиваясь с "культурным наследием" на деле, не знает, куда его девать, как найденные в чужом сундуке старинные фраки и платья с кринолинами.

Вторая черта, присущая советскому автору и заставляющая его взирать сверху вниз на всех писателей всех иных времен и народов, заключается в том, что он чувствует себя совершенно счастливым. Несколько лет тому назад ему еще предписывалась бодрость и оптимизм, как неперемненные признаки принадлежности к господствующему классу и как предвестие светлого будущего. Теперь это будущее почитается достигнутым. Если в новой конституции нет статьи, прямо объявляющей всех граждан счастливыми, то лишь потому, что это само собой подразумевается. Социализм построен — следовательно

но, всеобщее счастье имеется в наличности. Правда, за социализмом предвидится следующая ступень, коммунизм, но это уже нечто вроде марксистской эсхатологии, благостное о последнем, неомрачимом блаженстве, которого человечество никогда не знало. Разумеется, коммунисты утверждают, что при коммунизме искусство достигнет небывалого расцвета, но беда в том, что они не имеют понятия об искусстве, его природе и его жизни. В стране блаженных существ литература, дело, если не "слишком", то все же вполне человеческое, уже не нужна, а потому невозможна. Уже и сейчас, в преддверии блаженства, в "самой счастливой стране", она становится все менее возможной.

Не подлежит сомнению, что ради всеобщего счастья стоит пожертвовать литературой. Но беда в том, что в действительности ни всеведения, ни счастья в Советском Союзе нет. Меж тем советский писатель именно этого обстоятельства не сознает или не смеет сознать. Работать ему приходится исходя из того положения, что он сам всеведущ и счастлив и пишет для таких же всеведущих и счастливых. Получается, таким образом, что реального рая нет, есть лишь пародия на него, но "райское" самоупражнение литературы уже наступает как неизбежное следствие райского самочувствия. Советскому писателю становится нечего делать, потому что ни ему, ни его читателям (как он их себе представляет) нечего больше желать и не о чем тревожиться. Конечно, может он предаться естественному райскому делу — славословию, воспеть хвалебный гимн если не Отцу миров, то отцу народов со всеми угодниками. Он это и делает, но — всеведущий среди всеведущих — может он повторять только то, что все и без него знают, превращаться лишь в один из голосов всеобщего хора. Вполне примечательно, что именно это хоровое начало уже и проступает наружу: в славословиях индивидуальное творчество все чаще заменяется резолюциями, которые изготавливаются всевозможными коллективами по всевозможным поводам и по общему шаблону. Эти резолюции в советской пародии рая представляют собою не что иное, как пародию райских гимнов. Кроме славословия, поскольку последний идеал еще не достигнут, советский писатель может заниматься "выкорчевыванием проклятого наследия", исправлением "маленьких недостатков механизма" и проклятиями по адресу "врагов народа". Но и тут, всеведущий среди всеведущих, не может он сказать ничего нового, да и говорить, в сущности, не стоит, потому что заранее известно, и никто сомневаться не смеет, что наследие будет ликвидировано, недостатки исправлены, а троцкисты и бухаринцы расточатся, как полагается демонам. Следовательно, тематика советского писателя сама по себе сужается пропорционально неукоснительному приближению к блаженству. В момент окончательного прибытия район действий советского автора сузится до размеров математической точки — и литература задохнется от счастья. ●

20 мая 1938

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Имеется в виду статья "О Маяковском", датированная 24 апреля 1930 г. См. Владислав Ходасевич. Избранная проза. Russica Publishers, N. Y. 1982.

² Р. О. Якобсон (1896–1982), литературовед и лингвист, один из основоположников структурализма, основатель Московского, Пражского и Нью-Йоркского лингвистических кружков. С 1921 г. эмигрант. А. Л. Бем (1886–1945), литературовед; при вступлении советских войск в Прагу расстрелян.

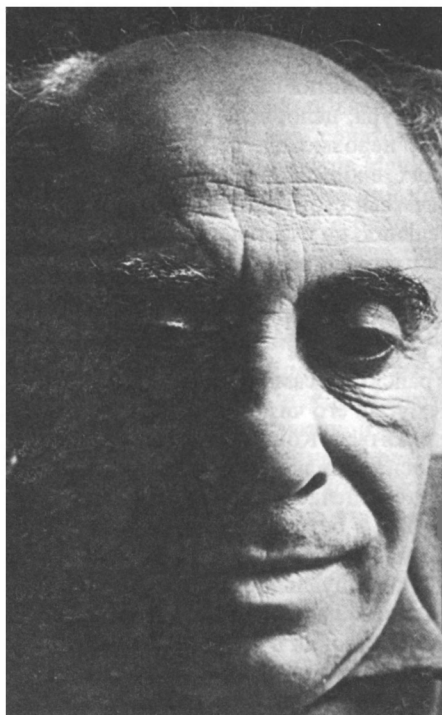
³ Первый Всесоюзный съезд советских писателей, принявший устав Союза писателей СССР, состоялся в августе 1934 г.

⁴ М. Л. Слоним (1894–1976), литературовед, критик и публицист; с 1919 г. в эмиграции.

⁵ И. И. Пнин (1773–1805), "поэт-радищевец", писатель и публицист.

⁶ Г. В. Иванов (1894–1958), поэт и литературный критик, примыкал к акмеизму; эмигрировал из Советской России в 1923 г.

⁷ Псевдоним Н. Н. Берберовой и самого Ходасевича.

“ВЕК СУМАСШЕДШИЙ МНЕ СОПУТСТВОВАЛ...”

К 75-летию
Семена Липкина

В сентябре этого года исполняется 75 лет со дня рождения Семена Липкина. Юбилей одного из крупнейших современных поэтов, человека рафинированной культуры и незаурядного гражданского мужества — праздник для всех нас, праздник русской словесности и независимой мысли по обе стороны разделяющего нас барьера.

Семен Липкин, сын рабочего, инженер по образованию, участник Отечественной войны, работает в литературе без малого 60 лет. Долгое время он был известен читателям как переводчик восточной поэзии: он переложил на русский язык калмыцкий эпос “Джангар” (что едва не стоило ему свободы, а может быть, и жизни после того, как в декабре 1943 г. Калмыцкая АССР была ликвидирована и калмыки разделили судьбу других депортированных народов), киргизский эпос “Манас”, эпос кавказских горцев “Нарты”, поэмы Фирдоуси, Навои, Лутфи и многое другое. Лишь в 1967 г. 56-летний поэт выпустил книгу оригинальных стихов “Очевидец”. В 1979 г., протестуя против преследования молодых литераторов, участников альманаха “МетрОполь”, С.И.Липкин и его жена Инна Лиснянская вышли из Союза писателей СССР. Этот шаг означал для Липкина окончательный разрыв с официальной советской литературой и изгнание из писательской среды; на шестьдесят девятом году жизни поэт в буквальном смысле слова лишился куска хлеба. Никто не решился последовать его примеру. И все же демонстративный отказ продолжать маршировать в строю “вместе с народом” представлял собой нечто большее, чем вызов, брошенный собственной, личной и, казалось, благополучной судьбе. В стихотворении “Когда в слова я буквы складывал...” Липкин, описывая свой духовный путь, недвусмысленно говорит и о судьбе поколения, к которому он принадлежит, — первого послереволюционного и последнего, о котором еще можно сказать, что оно было в полном смысле советским:

Век сумасшедший мне сопутствовал,
Подняв свирепое дреколье,
И в детстве я уже предчувствовал
Свое мятежное безволие.

Но жизнь моя была таинственна,
И жил я, странно понимая,
Что в мире существует истина
Зиждательная, неземная...

После 1979 года Липкин на родине не печатается. За рубежом вышли сборники стихов "Воля" и "Кочевой огонь", закрепившие за ним почетное место в отечественной поэзии, роман "Декада", небольшая книжка "Картины и голоса", мемуары "Сталинград Василия Гроссмана". Семен Израилевич Липкин живет в Москве.

ЖИЗНЬ И СУДЬБА ВАСИЛИЯ ГРОССМАНА

Цель записок Семена Липкина, как он сам ее определяет, -- рассказать о сталинградской дилогии Василия Гроссмана: о романах *За правое дело* и *Жизнь и судьба*. На самом же деле писатель решает задачу гораздо более общую: портретирует эпоху, разворачивает перед нами картину страшного тридцатилетия России (1934–1964), заключившего в себе литературную жизнь и судьбу Гроссмана. В текст включены 25 писем и фрагментов писем Гроссмана к Липкину за последние четырнадцать лет их дружбы. Липкин восстанавливает выброшенные цензурой части армянских записок Гроссмана *Добро вам*; цитирует, частично пересказывает и комментирует главное произведение Гроссмана, роман *Жизнь и судьба*, сопоставляя его с первой частью дилогии; указывает прототипы героев, – вообще передает те подробности и наблюдения, которые никто, кроме рассказчика, сообщить бы нам не мог. Жизнь Гроссмана, от вступления его в литературу и до смерти, протекает в кругу известных писателей, в столице; сам Липкин всегда принадлежал к этому кругу, – и вот, по необходимости и с разной степенью детализации, он рисует нам портреты А.Платонова, М.Булга-

кова, И.Бабеля, М.Цветаевой, И.Эренбурга, Н.Чуковского, Э.Казакевича, А.Твардовского, А.Фадеева, М.Шолохова, К.Симонова и многих других. Все они написаны убедительно: одновременно и *похожи*, и новы, увидены самостоятельным глубоким наблюдателем, ценящим точность и полноту. Все перечисленное сообщает запискам Липкина притягательность литературного документа, делает их драгоценным чтением для историка литературы и внимательного читателя.

По-видимому, побудительным импульсом, вызвавшим к жизни эти воспоминания, стала для Липкина потребность опровергнуть расхожую мысль о том, что большую часть своей жизни Гроссман был "благополучным советским писателем". В довоенной писательской среде, чьи мнения, подчеркивает мемуарист, были тогда настолько влиятельны, что "соперничали с государственными", Гроссман был сразу, после первой же его публикации, замечен и признан, – но и только. Гроссман никогда не принадлежал к советскому истеблишменту, его кратковременные возвышения (Липкин насчитывает таковых три) были следствием непосредственного признания его писательского таланта, *народного* признания. Сталин не любил Гроссмана – и собственноручно вычеркнул его роман *Степан Кольчугин* из списка произведений, представленных на соискание Сталинской премии. Военный очерк Гроссмана *Украина без евреев* "вызвал злобу начальства"; пьеса *Если верить пифагорейцам* подверглась "разгрому"; роман

Сталинград, увидевший свет под названием *За правое дело*, едва не стал причиной гибели писателя, — лишь смерть Сталина спасла ему жизнь. Между тем начало свободомыслия Гроссмана обыкновенно соотносят лишь с его романом *Жизнь и судьба*. В предисловии к зарубежному изданию этой книги первая часть сталинградской дилогии названа "обыкновенным советским романом" — и даже сравнена с *Белой березой* Бубеннова, того самого автора, который в феврале 1953 г. опубликовал в *Правде* статью о Гроссмане, по существу равнозначную приговору. Безусловно, Гроссман, не доживший до кризиса 1970-х, верил в изначальную справедливость принципов, заложенных в основание советского строя, был интернационалистом и в каком-то смысле марксистом, пожалуй, и остался им, — позиция, которая сейчас едва ли у кого встретит сочувствие. Но Липкин прав, напоминая нам, что для истинного художника идеологическая и даже религиозная ориентация второстепенны, что талант и нравственная сила вытесняют в процессе творчества всякую ложную заданность — как жизнь вытесняет утопию. Он пишет: "Героям романа [*За правое дело*], написанным творящим пером, суждена долгая жизнь... А ведь иногда читаешь произведения, написанные с позиций несоветских, но не только их словесная оболочка — самый состав их так и прыщит социалистическим реализмом..."

Нравственная сила Гроссмана — одна из основных тем записок Липкина. "Его нравственную, а не только художественную, силу чувствовали все. Порой боялись ее. Когда мы вступили в Германию и начались постыдные, дикие происшествия, кто-то из фронтовых стихотворцев, пародируя известную песню, сочинил:

Средь огня и насилий
Едет Гроссман Василий,
Только он не берет ничего...

Эта сила сопутствует Гроссману всю жизнь, претворяясь в неуставную храбрость на фронте, в целомудрие ("Был верен жене, в отличие от многих из нас, грешных"), в равнодушие к выгодам, неуступчивость, неспособность к заискиванию, к предательству. В разные годы она по-разному преломляется в чертах его характера. В начале своей писательской карьеры Гроссман жизнерадостен, весел, на людей смотрит — "превозмогая обожание"; в конце жизни он мрачен,

раздражителен, подвержен мизантропии. Люди избегают его — и как отверженного, над кем занесен стилет государства, и как человека крутого, чуждого эвфемизмов, нелепецприятную правду говорящего в глаза.

Вероятно, именно трагедия европейского еврейства, газовые камеры и сибирские бараки, куда Сталин лишь не успел выселить всех поголовно советских евреев, — явились поворотным моментом в жизни Гроссмана. Гроссман первым описал Треблинку. Если он и в самом деле перестал сознавать себя советским человеком, то толчком к этому явились нацистские лагеря, а завершился процесс переоценки в эпоху сталинской травли безродных космополитов, когда на массовые увольнения, аресты и расстрелы евреев советская общественность ответила не протестом (как некогда русская, в эпоху Кишиневского погрома и дела Бейлиса), а встречной вспышкой долго копившейся ненависти. Этот момент в жизни Гроссмана Липкин комментирует поспешно и уклончиво. Есть мнение, подтверждает он, что "Гроссман как человек и писатель изменился под влиянием гитлеровских лагерей уничтожения евреев и жесточайшей борьбы с космополитизмом в нашей стране... люди имеют на то некоторые основания, но они забывают, что Гроссман прежде всего — русский писатель..." Последнее бесспорно, но в целом силлогизм несколько странен. Что же, человек, будь он этнически украинцем, перестанет быть русским писателем, приняв как личное горе планомерное уничтожение Сталиным украинского крестьянства? Не естественно ли, что его бы "мучило и оскорбляло то, что писатели, русские по крови, не ранены в сердце этим ужасом"? Липкин продолжает: "Прелесть русской природы, прелесть русского сердца, его невыносимые страдания, его чистота и долготерпение были Гроссману важнее всего, ближе всего... Еврейская трагедия была для Гроссмана частью трагедии русского, украинского крестьянства, частью трагедии всех жертв эпохи тотального уничтожения людей..." Здесь недобросовестность мемуариста очень наглядна. Страдания русского народа известны, Гроссман писал преимущественно о них, он первым в Советской России сказал о них в полный голос; но едва ли он отождествлял себя с русским народом настолько, чтобы, подобно Липкину, противопоставить русские страдания — еврейским; едва ли забы-

вал, что русских не уничтожали только за то, что они русские. Вообще, суждения Липкина по национальному вопросу поверхностны и неотличимы от советских: он говорит "о важности развития национального самосознания советских народов", но евреев в его списке нет.

Летом 1960 г. Гроссман заканчивает роман *Жизнь и судьба*. Липкин был, возможно, первым настоящим читателем этой эпопеи ("Бог даровал мне счастье одному из первых узнать творение великое и, надеюсь, бессмертное"). Он свидетельствует: Гроссман "первым нарисовал обширную картину погибающей за каторжной проволокой России", он сделал это до Солженицына. Вопрос о приоритете Липкин ставит, но оставляет без ответа. Из контекста можно усмотреть, впрочем, что самое несчастье *Жизни и судьбы* было, по его мысли, делом Провидения, открывавшего путь другому, высочайшему гению... В середине 1960 г. Гроссман отдает рукопись романа В.М.Кожевникову, редактору журнала *Знамя*. Это был роковой шаг: роман был не просто отвергнут, но и передан в КГБ. В феврале 1961 г. следует обыск и арест — арест не писателя, а его сочинения: второй, после *Собачьего сердца* Булгакова, случай в советской литературе. Изъяты все три машинописных копии и рукопись книги, прочие сочинения Гроссмана — не тронуты: знамение времени умеренного, вегетарианского. И опять, как в 1953 г. (тогда, впрочем, Фадеев и Симонов требовали от Гроссмана покаяния под страхом смерти), Гроссман не отрекается от своего труда, а защищает его. Он пишет Хрущеву; он добивается встречи с "серым кардиналом" Сусловым, который обещает издать пятитомное собрание сочинений Гроссмана (конечно, так и не вышедшее), а издание его нового романа откладывает — на 250 лет! Все усилия оказываются тщетными. Тогда, по мысли Липкина, и начинается свое разрушительное действие болезнь, сведшая Гроссмана в могилу в сентябре 1964 г.

Любопытна сцена обыска. Двое в штатском не просто вежливы: они обходительны, они заботятся о том, чтобы Гроссман своевременно принял сердечные капли. Едва они появляются, домработница говорит невестке Гроссмана: "Кажется, нехорошие люди пришли!". Эту реплику Липкин воспроизводит без комментариев, но мысль его прозрачна: глас народа — глас Божий. В молчаливой этой посылке мне чудится нечто знако-

мое. Может ли горничная не знать, кто пришел к Гроссману? Между тем мемуарист подводит нас именно к этой мысли: не знает — но чувствует, что дурные. Именно так, одновременно выпенно и высокомерно, относились к народу русские народники XIX века. Липкин наследует это чувство чистым и незамутненным сквозь более чем столетнюю толщу, вынося за скобки все социальные и демографические катаклизмы, пережитые Россией.

Писатель не может не портретировать себя в своем сочинении; среди галереи созданных мемуаристом портретов угадывается и его собственный. Семен Липкин хорошо известен нам как первоклассный поэт и переводчик, как человек, всю свою жизнь отдавший русской культуре. Другим богам он не служил. Записки о Гроссмане обогащают этот достойный образ новыми штрихами. Читатель отметит те места в книге, где Липкин, с подкупающей искренностью и мужеством, судит свое прошлое, находя в нем не одни лишь подвиги; где он порою намеренно принижает себя в соседстве с Гроссманом или Ахматовой ("другим моим великим другом"); отметит и то, что рассказ о Гроссмане и его эпохе Липкин не старается ежeminутно превратить в рассказ о себе. Но отметит читатель и непривлекательные черты этой прозы и ее автора.

Обобщающая мысль не является сильной стороной записок Липкина; его религиозные суждения поспешны. Справедливо отметив небольшой, но подлинный дар у Фадеева, он неожиданно задается вопросом о будущей жизни этого Смердякова русской литературы, утвердительно говоря: "Его самоубийство не грех перед Богом..." В том же смысле его интересует и другой классик. "Не странно ли, — пишет он, — что Горький, обладавший крупным дарованием, — а художественный дар всегда рождается от правды, — мог предполагать, что правд имеется несколько. А ведь когда-то, осуждаемый Лениным, сам искал Бога, то есть единственную правду..." Монизм в такой формулировке санкционирует элитарную спесь и зовет к насилию. История не знает примера, чтобы человек, говоривший: правда одна, одновременно не думал: я знаю правду, всю правду. Другие, думает он, заблуждаются, поэтому достойны презрения. Мало того, не хотящие знать правды, боящиеся света, — служат неправде; упорствующие во зле отдалают пришествие добра; если враг не сдаст-

ся — его уничтожают. — Есть в словах Липкина и признание в умственной лени. Правда одна — поэтому нечего мелочиться. Аптечные истины (добываемые работой мысли и духовными усилиями, подчас требующие уступчивости и доброты) — не стоят вдохновения; оставим их инженерам. Наконец, суждение Липкина — еще и трюизм. Сказать: вся правда в Боге — значит не сказать ничего. Этот тезис с готовностью подхватят и те, кто убивает друг друга во имя одного и того же Бога.

“Мне бы следовало, — пишет Липкин в начале своих воспоминаний, — написать портрет одного из самых крупных русских писателей нашего столетия... Однако я не чувствую себя сейчас достаточно готовым выполнить эту задачу... Надеют, что Бог пошлет мне годы и силы для более обстоятельного рассказа...” Эти оговорки не случайны, они предупреждают читательский упрек. И дело здесь не в портрете Гроссмана: он в книге выразителен и достоверен. Липкин извиняется за другое. Важная и хорошая книга, честное свидетельство очевидца, — мемуары Липкина написаны рукою небрежной или усталой. Язык их беден и тяжел (“пылающая правда сражения”, “понимающие люди знают”, “нижеследующий документ”, “скорости моторизованного оружия фраз и картин”, “ушел” — вместо “умер” и т.п.), по временам — слащав, и уж как-то слишком близок к языку советских газет. Композиции не уделено должного внимания. Знаки препинания расставлены кое-как (вопросительные предложения завершаются точкой; отсутствуют закрывающие кавычки, что часто не дает возможности установить конец цитаты, — распространенная и чисто советская ошибка).

Еще в меньшей мере, чем Гроссман (которого синопсиды удачи все же выносила к вершинам признания и славы), Липкин может быть назван благополучным советским писателем. Едва ли вообще он когда-либо считал себя советским человеком: религиозность оградила его от этого. Безусловно, ни при каких обстоятельствах не был он и по сей день не является прислужником власти. Но конформистом он был. (По крайней мере, до своего выхода в 1979 г., в возрасте

69 лет, из Союза писателей.) Всю свою жизнь он принадлежал к своеобразной касте, к классу писателей — в стране, где писательство почитается делом государственным и дозволяется выборочно, где писателей чтит народ. Даже войдя в пенсионный возраст, он не сразу (и не вполне) порвал с этой жреческой прослойкой, с положенными ему почестями и преимуществами. Конечно, принадлежать к этому кругу было небезопасно, но это был сословный риск, — тот же, что у дворян или военных. Спокойно, как о деле понятном, Липкин сообщает нам, что в голодные и кровавые годы он “посещал рестораны” (что, заметим в скобках, и теперь доступно не всем), что у него по временам “водились деньги”, а затем появилась и дача. Мог ли он порвать с кастой? Мог — но это означало: смешаться с народом, зарабатывать на жизнь нелюбимым, изнуряющим, плохо оплачиваемым трудом, как это делают 99% советских людей, — например, современная ленинградская поэтесса Татьяна Котович, сказавшая о себе:

Унижение работы за хлеба кусок
Ради смерти голодной терплю.

Но народник никогда не идет в народ как равный, никогда не берет на себя его долю вполне. Залогом его любви к народу являются чувство и гарантии собственного превосходства. Нельзя, разумеется, упрекнуть писателя в том, что он живет богаче крестьянина, но от христианина ждешь, что он сделает это сам.

Глубокая религиозность почти всегда указывает на душу возвышенную. Такова, несомненно, и религиозность Семена Липкина. Тем обиднее, что он так назойливо (и часто не к месту) старается подчеркнуть ее, то и дело нарушая при этом третью заповедь. С именем Всевышнего он обходится как с именем знаменитости, к которой запросто вхож. Это унижает Липкина и как верующего, и как писателя. У писателя есть лишь одно безупречное средство поведать читателю о своей религиозности: бережное отношение к слову, точность и тщательность в отделке текста, пусть самого незначительного.

Юрий Колкер (Иерусалим)

Уважаемая редакция!

В № 5 вашего журнала опубликована статья Марка Поповского "Однофамильцы". К сожалению, в статье практически отсутствует полезная информация, а в той части, где автор пишет о себе и своем отце Александре Поповском, содержится значительная доля дезинформации. Автор пишет: "Александр Поповский начал свою литературную карьеру с антирелигиозной пьесы "Суд над христианством"; Марк Поповский написал, а затем издал на Западе "Жизнь и житие Воио-Ясенецкого, архиепископа и хирурга". Александр Поповский более десяти раз переиздавал книгу "Академик Лысенко"; Марк Поповский автор трех книг о Николае Вавилове – жертве Лысенко. Александр Поповский выпустил в 1950 году книгу "Восстановить правду" о русском приоритете. Предисловие написали два академика: "Советское государство создало самые благоприятные условия для развития науки..." Марк Поповский издал на четырех языках книгу "Управляемая наука" с подзаголовком "Кризис советской науки"... В произведении "О любви" Александр Поповский сделал попытку доказать, что любовь – чувство вечное, мало склонное к изменениям, однако при социализме мужчины и женщины любят сильнее, их отношения искренней, их любовь счастливей. Марк Поповский опросил в эмиграции 250 соотечественников, недавно покинувших СССР, и опубликовал социологическое исследование под названием "Третий лишний. Он, Она и советская власть". Надеюсь, что теперь спутать обоих авторов уже невозможно"...

Так ли все это? Действительно ли между отцом и сыном висит такой водораздел?

Не касаясь вопросов любви и религии, остановлюсь только на том, что затрагивает близкую мне тему: коллизии Вавилов–Лысенко. Цитирую: "В те же годы, когда Эйхфельд упорным трудом создавал земледелие в Заполярье, далеко на юге в маленьком азербайджанском городке Гандже работал другой энтузиаст – агроном Трофим Денисович Лысенко. Тысячи километров разделяли двух ученых, но думали они об одном... Знакомство с работами Лысенко ободрило Эйхфельда... Теория Лысенко ответила и на то, почему некоторые сорта картофеля, привезенные из Южной Америки, отказывались давать в Хибинах урожай клубней... Творческое сотрудничество двух агрономов перешло в большую многолетнюю дружбу. И много лет спустя президент Сельскохозяйственной академии имени Ленина, академик Трофим Денисович Лысенко и директор Института растениеводства, академик Иоганн Гансович Эйхфельд... с теплым чувством вспоминали свою первую беседу на делянках, освещенных незаходящим полярным солнцем... Продолжая дело Мичурина, Лысенко и его ученики распространили его опыт на огородные культуры и злаки... "Тайные средства" повышать урожай, выращивать неведомые прежде плоды и овощи, о которых три века назад мечтал Кампанелла, стали явными для каждого колхозника. Это средства мичуринско-лысенковской науки, помноженной на энергию миллионов энтузиастов, воспитанных партией Ленина–Сталина".

Эта выписка не из книги Александра Поповского, а из публикации Марка Поповского ("Знание – сила", № 5–6, 1950).

Насчет Лысенко все ясно, а об И.Г.Эйхфельде нелишне пояснить, что в 20–30-е годы он неплохо потрудились, изучая возможности земледелия на Крайнем Севере, но работал он при постоянной поддержке и под неусыпным научным руководством не Лысенко, а Н.И.Вавилова. После того, как вспыхнули генетические дискуссии, и Вавилов, ложно обвиненный в практической бесплодности созданного им научного направления, попытался опереться на достижения своего ученика Эйхфельда, тот нанес учителю удар в спину, заявив, будто всегда работал методами не Вавилова, а Лысенко. Предательство Иуды было оплачено отнюдь не тридцатью сребренниками. После ареста Вавилова, при дележе его наследства Эйхфельду с помощью Лысенко достался один из самых жирных кусков: из заведующего небольшой опытной станцией он сразу шагнул в директоры главного детища Н.И.Вавилова – крупнейшего в мире института растениеводства. Вот этим достижением лысенковской науки и восхищается автор статьи.

Приведу еще одну цитату:

"– Это что у вас, Трофим Денисович?

– Озимая пшеница, посеянная весной, – последовал ответ.

Кириченко недоверчиво покосился на растения...

– Не верится? – улыбнулся Лысенко. – В институте вам небось говорили – не может такого быть?...

Кириченко был изумлен... Вот у кого следует учиться, у Лысенко! Почти тридцать лет прошло с тех пор. Аспирант стал кандидатом сельскохозяйственных наук, академиком ВАСХНИЛа и действительным членом Академии сельскохозяйственных наук Украины. Но школе, научному направлению своего первого учителя Федор Григорьевич Кириченко остался верен навсегда... Ученик Лысенко, он в рождение своих сортов внес новый, "лысенковский" стиль.

В предвоенные годы Трофим Денисович Лысенко, ставший директором Одесского селекционного института, сделал нашему хозяйству ряд предложений. Семеноводы получили от него метод внутрисортного скрещивания, картофелеводы юга, страдавшие от вырождения картофеля, обрели спасительный прием летних посадок. Аспирант, а потом научный сотрудник одесского института, Кириченко был самым горячим проводником всех этих начинаний... "Если у тебя есть что дать народу, — говорил Лысенко, — давай незамедлительно. Хороший готовый сорт, без достаточного основания задержанный на экспериментальных делянках, — урон для страны, позор для селекционера"... Государственный подход, присущий школе академика Лысенко, подсказал одесскому ученому путь совершенно новый, неожиданный и смелый".

Это уже не 1950 год, а 1960-й. Но автор тот же: не Александр, а М а р к Поповский (Марк Поповский. "Второе сотворение мира", Москва, Молодая гвардия, 1960, стр.89– 95). Как видим, восприятие лысенковщины не было случайным эпизодом в его литературной работе, — так же, как и в работе его отца.

Правда, после падения Лысенко Марк Поповский стал ярким антилысенковцем, но и это не развело пропасти между отцом и сыном: ведь Александр Поповский тоже перестал восторгаться успехами "михуринско-лысенковской науки, помноженной на энергию миллионов энтузиастов". Отец и сын одновременно изменили позиции, что само по себе похвально. Но, к сожалению, они не изменили методов своей работы. В первом же произведении о борьбе Вавилова и Лысенко Марк Поповский выдвинул сенсационную, но абсолютно ложную концепцию, будто дорогу к власти в биологической науке Трофиму Лысенко расчищал не кто иной, как Николай Иванович Вавилов, который, следовательно, если не прямо, то косвенно повинен в собственной гибели, и в разгроме генетики в СССР. (Марк Поповский. 1000 дней академий Вавилова, "Простор", 1966, № 7–8).

В рецензии на это произведение Ж.А.Медведев ("Новый мир", № 4, 1967) не оставил от версии М.Поповского камня на камне. Однако и в последней, весьма объемистой книге на ту же тему Марк Поповский эту версию повторяет вновь. (М.Поповский. Дело академика Вавилова, "Эрмитаж", 1983). Критика Медведева, при этом не оспаривается. Его работы, в которых лысенковщина впервые была подвергнута научному анализу, просто не упоминаются. Впрочем, это не единственное и не главное упущение автора.

Зимой 1929 г. начинающий агроном Т.Д.Лысенко уговорил своего отца — крестьянина намочить и закопать в снег два мешка с семенами озимой пшеницы, а весной их высеять. Когда озимые выколосились, Денис Лысенко, прихватив образцы урожая, поехал в Харьков (тогда столица Украины), явился в республиканский наркомат земледелия и рассказал об опыте по "яровизации", проведенном по совету сына. "Новаторство" было подхвачено, Трофим с молниеносной быстротой был вызван из Ганджи (в Азербайджане) и водворен в Одесский селекционно-генетический институт, а уже со следующего года ему была обеспечена поддержка из центра — в первую очередь, от наркома земледелия (затем зав. сельхозотделом ЦК ВКП (б)) Я.А.Яковлева. Нарком уверовал в яровизацию и решил сделать из Лысенко "ударника", дабы на него равнялись все деятели сельскохозяйственной науки. Раздувая политическую кампанию, Я.А.Яковлев не посчитался с мнением президента ВАСХНИЛ Н.И.Вавилова, который, пытаясь извлечь из яровизации все мало-мальски ценное, в то же время предупреждал, что преждевременная шумиха вокруг этого агроприема, сопровождаемая экспериментально не обоснованными посулами огромных урожаев, ничего кроме вреда науке, практике и самому Лысенко принести не может.

В книге Марка Поповского об этих фактах нет даже беглого упоминания, зато нанизываются односторонне подобранные и отвергнутые от контекста высказывания Вавилова о ценности яровизации, чем и "документируется" ложная концепция.

Как видим, в своих антилысенковских писаниях Марк Поповский пользовался тем же методом, каким он сам и его отец пользовались ранее в пролысенковских. Этот метод состоит в подборе "нужных" автору фактов, цитат, высказываний и отсева "ненужных", что позволяет обосновывать любые утверждения, даже прямо противоположные истинным. В науке такой метод называют лысенковщиной, а в литературе — социалистическим реализмом.

По этому методу изготовлена и автобиографическая часть статьи "Однофамильцы", которая вызывает в память старую шутку: А. спрашивают, не родственник ли ему Б., носящий ту же фамилию; желая подчеркнуть, что Б. ему совершенно чужд, А. отвечает: "Он мне даже не однофамилец!". Марк Поповский силится доказать, что его отец ему "даже не однофамилец". Однако использованный метод доказывает прямо противоположное: Марк Поповский не только однофамилец Александру Поповскому, но и близкий родственник, причем, не только по крови, но и по характеру их литературной продукции.

Семен Резник

Уважаемая редакция!

Главный смысл письма С.Резника состоит в том, что Марк Поповский, автор книги "Дело академика Вавилова" — человек беспринципный. Когда было выгодно, Поповский хвалил злодея Лысенко, потом стал превозносить гений Вавилова. В русской эмигрантской печати С.Резник выступает с заявлениями такого рода уже пятый или шестой раз.

Аргументация С.Резника напоминает мне ту, которую я слышал двадцать лет назад в отделе науки ЦК КПСС. Вызвали меня тогда, чтобы сделать выговор за публикацию документальной повести "Тысяча дней академика Вавилова" в журнале "Простор". По сути, это были главы из будущей моей книги о Николае Вавиллове. Источник был уникальный: следственное дело № 1500, обвинявшее академика в шпионаже и диверсии. Дело это, с огромным трудом добытое из архива КГБ, попало мне в руки весной 1965 г. Публикация в "Просторе" оказалась особенно болезненной для советских властей, потому, что на нее обратили внимание многие западные газеты. И вот меня "вызвали на ковер" в ЦК и предъявили жалобу, подписанную ведущими учеными-лысенковцами. Свое возмущение они выразили абсолютно так же, как это делает ныне С.Резник: как же так в 40-е и 50-е годы Марк Поповский говорил о Трофиме Денисовиче вполне благожелательно, а нынче повернул на 180°. Безнравственно! "Они совершенно правы, — прокомментировал это письмо цеховский чиновник. — Вы повели себя беспринципно". Это моя "беспринципность" обошлась мне тогда довольно дорого: по приказу из ЦК издательства и редакции два года не принимали от меня ни одной рукописи.

С.Резник, приведя якобы компрометирующие меня цитаты, полностью игнорирует при этом когда, в какую эпоху эти фразы были написаны. Между тем именно время все и объясняет.

В 1950 г. по заданию журнала "Знание — сила" я поехал в Ленинград в Институт растениеводства, писать статью о полярном земледелии. Две недели я беседовал с научными сотрудниками института и в том числе с директором Эйхфельдом, и ни один человек не сказал мне тогда, что жил на свете человек по имени Н.Вавилов, который был директором института, а потом сгинул в тюрьме. Никто в 1950 году не пикнул о предательстве Эйхфельда. Страх сдвигал глотки всем моим собеседникам, из которых многие обязаны были Вавилову своей научной карьерой. Такова была эпоха. Никто в те годы не мог написать ничего другого, нежели написал я в своей книге, ибо всякая иная информация попросту отсутствовала. Только семь-восемь лет спустя в специальных научных изданиях начали проскальзывать опять-таки сугубо научные труды Николая Вавилова. Но о трагической судьбе его все еще не появлялось ни строки. Даже в 1968 г., публикуя в Москве биографию своего героя, сам С.Резник вынужден был ограничиться двумя фразами о его конце: "Это была последняя поездка академика Н.И.Вавилова. Через два с половиной года его не стало..."

О самом существовании великого генетика я услышал впервые в 1958 г. в Краснодаре от ученика Вавилова Михаила Ивановича Хаджинова. Под огромным секретом сообщил он мне об обстоятельствах ареста своего учителя. В течение нашего разговора Хаджинов несколько раз говорил о врагах Николая Ивановича, но, несмотря на все мои просьбы, этот достойный человек и ученый в тот раз так и не открыл мне правды. Когда взволнованный его рассказом я заявил, что напишу полную биографию Вавилова, старик Хаджинов посмотрел на меня как на сумасшедшего. Дело уже было после хрущевских разоблачений, и тем не менее мой собеседник вполне резонно заметил, что враги Вавилова "весьма могущественные люди, которым все эти съезды — нипочем. Да и друзья Николая Ивановича едва ли станут слишком откровенничать с писателем-биографом". Вот какова была ситуация на пороге 1960 г., когда я писал книгу о селекционерах "Второе сотворение мира". Большая часть моих героев, талантливые селекционеры (Пустовойт, Кириченко и др.) оставались откровенными почитателями лысенковского гения, о чем и говорили мне с гордостью. И я писал о них то, что они сами о себе говорили.

Подлинная историческая правда открылась мне лишь в 1962 г., когда вопреки предсказаниям М.И.Хаджинова я все-таки уговорил нескольких учеников Вавилова поговорить со мной более откровенно. Это было очень трудно, люди все еще боялись открыть рот. А ученик Вавилова академик Жуковский послал на меня донос: дескать, Поповский собирает материалы, компрометирующие нашу родину. Но еще труднее было что-то опубликовать на эту тему. Помнит ли С.Резник, как дважды в 1962 и 1963 г. я приходил в его кабинет в издательстве "Молодая Гвардия" (редакция "Жизнь замечательных людей") и приносил творческую заявку на книгу о Николае Вавиллове? "Сейчас не время издавать такие книги", — ответил мне редактор Резник. И он был совершенно прав. Для его редакторской карьеры в 1962 г. такая книга была в высшей степени опасна. Лысенко был еще в полной силе.

В 1964 г., когда рухнул Хрущев, а следом пресеклась и карьера всемогущего Лысенко, я понял, что настала пора создать правдивую книгу о герое и мученике советской науки Вавиллове. Этим я и занимался десять лет с 1964 по 1974 гг. Разумеется, тайно.

Уже через неделю после крушения Хрущева я с корреспондентским билетом "Нового мира" оказался в Ленинграде, в том самом институте, где в 1950 г. со мной никто не хотел откровенничать. Теперь меня допустили до институтских архивов. Сменилась эпоха, и в новой обстановке у людей

развязались языки. А весной 1965 г. произошло еще одно "чудо" в духе нового времени: меня допустили к чтению следственного дела Н.И.Вавилова, к делу № 1500. И тут мне окончательно стало ясно, кто такой Лысенко, кто и почему убил Вавилова. Еще год спустя мне вместе с сыном Вавилова удалось добиться создания в системе Академии наук СССР Вавиловской комиссии. Как член Комиссии, я смог попасть в Саратов и там прорваться к совершенно секретным тюремным документам. Открылось, как Вавилов жил в камере смертников, как погиб в конце концов от голода и как был похоронен. Я обнаружил и место его погребения.

Те, кто допускали меня до секретных документов и те, кто пускались со мной в откровенные разговоры, и помыслить не могли, что я все это опишу и тем более издам. Для них я был официальным лицом, членом СП СССР, которого Академия наук СССР направила в Саратов для совершенно законной акции: сбора материалов к 80-летию великого (уже!) ученого. А я вел себя "беспринципно", втайне добывал материалы и свидетельства, которые считались сверхсекретными и писал нечто такое, за что в годы суда над Синявским и Даниэлем легко было получить лагерь. Я занимался этой работой в те самые годы, когда С.Резник, продолжая службу в издательстве, писал вполне благонамеренную книгу о Вавилове. Разумеется, и в книге С.Резника были рискованные пассажи и в 1968 г. после событий в Чехословакии, когда время снова сделало очередной поворот, из уже готовой книги его выдрали несколько страниц. Разумеется, Резник ничего не писал о стукачах, доносах, камере смертников и деле, которое НКВД завело на Вавилова еще в 1933 г. Но после Праги власти не потерпели даже той небольшой правды, на которую мог решиться С.Резник. Я искренне посочувствовал тогда коллеге и даже внес в свою рукопись несколько слов по этому поводу.

Судьба моей книги была тоже не из веселых. За публикацию нескольких глав из нее, как уже было сказано, меня на два года (1966–1968) отлучили от редакций и издательств, исключили из Вавиловской комиссии АН СССР. Позднее в моей квартире произведен был обыск: искали выписки из следственного дела № 1500. Бумаг этих не нашли, но зато возбудили против меня уголовное дело по обвинению в краже не существующих в природе "юношеских дневников" Николая Вавилова. Таковы были веяния нового времени – 70-х годов. Впрочем, я и сам действовал в духе времени. С верными людьми передал на Запад завершенную к этому времени рукопись книги "Беда и вина академика Вавилова". Такое название возникло в связи с тем, что обнаруженные документы и свидетельства показывали со всей очевидностью, что Вавилов был не только жертвой режима, но и верным слугой его. В частности, вполне в духе своего времени вырастил он своего убийцу Лысенко. Власти хотели иметь "ученого из народа", и Николай Иванович, хотя не всегда осознанно, шел на требование сталинского режима. Об этой трагической линии его жизни имеется много документов, опять-таки приведенных в моей книге.

Не могу согласиться с С.Резником в том, что факты и цитаты в моей книге подобраны злонамеренно и фальшиво, хотя бы потому, что работая над биографией Вавилова, я не думал о цензуре и редакторах. Я не писал ее для советского издания. Я излагал факты, которые почерпнул в беседах со ста свидетелями, материалы, которые обнаружил в семи архивах и в том числе в сверхсекретном деле № 1500. Разумеется, я не исключаю ошибок в этой своей книге, как и в других, но из отзывов американских и европейских ученых (таких появилось в печати около двадцати) явствует, что книга "Дело академика Вавилова" принесла читателям новую, прежде неведомую интересную информацию. Среди прочих откликов на книгу есть и мнение акад. А.Д.Сахарова. Прочитав, уже после моего отъезда на Запад, рукопись, циркулировавшую в Самиздате, он прислал мне в США предисловие к ней. Среди прочего там имеются следующие строки: "Книга Поповского – суровая, правдивая. Недаром он пишет, что некоторыми своими действиями, будучи субъективно абсолютно честным и беспредельно преданным науке и интересам страны человеком, Вавилов сам, в каком-то смысле, вырыл ту яму, в которую упал в конце своего жизненного пути. Вместе с тем книга показывает истинное, неискаженное официальной ложью, лакировкой и полуправдой величие Николая Вавилова".

Марк Поповский

Други, вы слышите ль крик оглушительный:
"Сдайтесь, певцы и художники! Кстати ли
Вымыслы ваши в наш век положительный?
Много ли вас остается, мечтатели?
Сдайтесь натиску нового времени,
Мир отрезвился, прошли увлечения —
Где ж устоять вам, отжившему племени,
Против течения?"

Други, не верьте! Все та же единая
Сила нас манит к себе неизвестная,
Та же пленяет нас песнь соловьиная,
Те же нас радуют звезды небесные!
Правда все та же! Средь мрака ненастного
Верьте чудесной звезде вдохновения,
Дружно гребите, во имя прекрасного,
Против течения!

Вспомните: в дни Византии расслабленной,
В приступах ярых на Божьи обители,
Дерзко ругаясь святыне награбленной,
Так же кричали икон истребители:
"Кто воспротивится нашему множеству?
Мир обновили мы силой мышления —
Где ж побежденному спорить художеству
Против течения?"

В оные ж дни, после казни Спасителя,
В дни, как апостолы шли вдохновенные,
Шли проповедовать слово Учителя,
Книжники так говорили надменные:
"Распят мятежник! Нет проку в осмеянном,
Всем ненавистном, безумном учении!
Им ли убогим идти галилеянам
Против течения!"

Други, гребите! Напрасно хулители
Мнят оскорбить нас своею гордынею —
На берег вскоре мы, волн победители,
Выйдем торжественно с нашей святынею!
Верх над конечным возьмет бесконечное,
Верую в наше святое значение
Мы же возбудим течение встречное
Против течения!

А.К.Толстой

"Против течения" (1867 г.)

ВЕНГЕРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ —

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ